

ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Огонек №

Сплав леса по горной реке Черная Тисса в Закарпатской области.

Фото Н. Козловского

На первой странице обложки: Знатные лесорубы Ясенского леспромхоза (Закарпатская область) Иосиф Рыпарюк и Михаил Гринажук.
Фото Н. Козловского

На последней странице обложки: Опера «Кокуль» в Киргизском государственном театре оперы и балета. Народная артистка Киргизской ССР Сайра Киизбаева в роли Кулиим и народный артист Киргизской ССР Касымалы Ешимбеков в роли Джакыпхана.
Фото В. Евграфова

ОГОНЁК № 27 (1204) 2 ИЮЛЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДВАЖДЫ ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Басти Масим кызы Багирова — звеньевая колхоза имени Ворошилова, Касум-Исмаиловского района, Азербайджанской ССР.
Фото Н. Грановского (ТАСС)

Шамама Махмудалы кызы Гасанова — звеньевая колхоза «1 Мая» Карягинского района, Азербайджанской ССР.
Фото М. Владимирова

В двух азербайджанских селах — Бахчакюрд и Араятлы — будут воздвигнуты бронзовые бюсты колхозниц, имена которых облетели всю Советскую страну. Указом Президиума Верховного Совета СССР второй золотой медалью «Серп и Молот» награждены Басти Багирова и Шамама Гасанова.

...Село Бахчакюрд, Касум-Исмаиловского района. Здесь в 1931 году несколько десятков крестьянских дворов объединилось в колхоз. Одной из первых вступила в артель Басти Багирова. Для нее, дочери бедняка, это было началом новой, счастливой жизни.

Три года спустя молодая, энергичная колхозница стала звеньевой. Тогда впервые имя Басти услыхали все хлопкоробы Азербайджана, а следом за ними труженики хлопковых полей и других республик. Басти Багирова явилась настоящим новатором на уборке хлопка. Она доказала на практике, что коробочки можно снимать с кустов одновременно двумя руками. Начав со ста килограммов в день, звеньевая довела производительность до четырехсот килограммов.

Но не только труд организовала Багирова по-новому: стахановка внедрила в агротехнику много новшеств, их пристально изучали специалисты.

Неутомимый пропагандист передовых методов выращивания и уборки хлопка, Басти Багирова ездит по колхозам, принимает у себя гостей со всех концов Азербайджана. Среди сотен ее последовательниц есть такие, которые из года в год собирают рекордные урожаи. К их числу относится и Шамама Гасанова, колхозница из села Араятлы, Карягинского района.

Шамама — представительница младшего поколения. Звеньевой она стала во время войны, после окончания школы. В памятный 1947 год, когда Басти Багирова на каждом из пяти гектаров вырастила по 111,2 центнера хлопка, на таком же по размеру участке Гасанова собрала по 94,1 центнера. Прославленным хлопкоробам было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Три года подряд инициатор стахановского движения на хлопковых полях Басти Багирова и лучшая ее ученица Шамама Гасанова снимали рекордные урожаи. Ныне вся страна приветствует доблестных дочерей Азербайджана — дважды Героев Социалистического Труда.

Надежды отцов сбылись

Иван ТУРЯНЫЦЯ

Депутат Верховного Совета СССР, председатель исполнительного комитета Закарпатского областного Совета депутатов трудящихся

Еще в VII веке обосновались в Закарпатье наши предки. Они пахали целину в долинах, садили прекрасные сады и виноградники, рубили в горах лес, сплавляя его по горным потокам вниз к Тиссе; разводили и пасли скот на цветущих пастбищах. Они были не только трудолюбивыми земледельцами и скотоводами, но и одаренными строителями. В Мукачеве и сегодня еще можно любоваться старинной деревянной церковью, построенной без единого гвоздя. Этот и другие памятники народного зодчества, древняя утварь и предметы украшения быта свидетельствуют о высокой культуре закарпатских украинцев.

Но нашему талантливому, миролюбивому народу не повезло в его прошлой жизни. В истории Европы мало примеров, когда народ перенес бы столько горя и несчастий, сколько испытали на протяжении столетий закарпатские украинцы. Край с богатой природой всегда был лакомой приманкой для иноземных феодальных хищников — польских и венгерских королей, мелкой разменной монетой в кровавой игре империалистов.

Не только магнаты-помещики и капиталисты, промышленники Венгрии, Польши, Германии, но и римский папа протянул к Закарпатью лапу, чтобы урвать свою долю. Поработители, превратив Закарпатье в колонию, отняли у крестьянства землю, морили народ голодом. Они преследовали украинскую речь, истребляли национальную украинскую культуру.

Нищета была ужасающей. Большинство крестьян с ранней весны до глубокой осени ходило босиком. Для народа не было школ, лечебниц, были только кандалы и кнут. Десятки тысяч разоренных крестьян покидали отцовскую землю, которая их больше не кормила. В поисках призрачного счастья они уезжали за океан, меняя ярмо венгерских магнатов на ярмо американских и канадских монополистов.

Так было. Но никогда не падал духом наш народ. Никогда не терял он веры в освобождение, которое придет из-за гор карпатских, с Востока. От отца к сыну, к внуку, из уст в уста передавалась священная клятва: стойко бороться за независимость и свободу, за возвращение в дом матери Украины.

В романтических песнях и думках закарпатцы воспевали Богдана Хмельницкого, как героя — борца за единую Украину. В красочных легендах своих они воспевали Суворова, как символ могущества русского народа, который, настанет время, соберет на единой земле всех своих обездоленных братьев. Поэт Закарпатья Александр Духнович писал: «Карпаты не вечно будут разлучать нас!»

Пророческие слова едва не сбылись в 1918 году. Рухнула лоскутная австро-венгерская империя. Великая освободительная волна поднялась тогда в Закарпатье. Народ создавал в городах и селах национальные советы для решения своей судьбы, на бурных митингах требовал воссоединения Закарпатья с Украиной. Антанта не посчиталась с единодушным желанием нашего народа и, обещав «автономию», включила Закарпатье в состав Чехословацкой буржуазной республики.

Однако чехословацкая буржуазия оказалась немногим лучше венгерской. И когда осенью 1920 года легендарная конница Буденного подошла к Карпатам, наш народ думал, что теперь его мечта об освобождении наконец-то станет явью.

Но час долгожданной свободы наступил лишь в октябре 1944 года. Советская Армия, разгромив фашистские полчища, принесла избавление народам и Чехословакии и Закарпатья. На основании дружественного соглашения, заключенного 29 июня 1945 года между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой, Закарпатье вернулось в лоно матери-Украины, вошло в большую сердечную семью советских народов.

Только пять лет живем мы, закарпатцы, в советской семье. Но какие замечательные перемены уже произошли в нашей жизни, какие увлекательные перспективы открылись перед нами!

Преобразилось до неузнаваемости сельское хозяйство, составляющее основу экономики Закарпатья. Прежде даже на плодородных почвах в долинах, в условиях мягкого климата, наши крестьяне собирали жалкие урожаи кукурузы, пшеницы и ржи. Объединившись в колхозы, вооруженные тракторами и комбайнами, изучив опыт советских мастеров социалистического земледелия, закарпатские крестьяне убедились, что их земля может обильно родить и сыто кормить. Даже на Верховине, где, кроме картофеля, ничего не росло, колхозники сеют пшеницу и рожь. Появились культуры, которых в Закарпатье не видали: чумиза, гречиха, чай. В садах наряду с виноградом и абрикосами начали расти инжир, лимоны и другие субтропические культуры. Книги Мичурина и Вильямса вы найдете во многих крестьянских домах. А раньше вообще книга редко попадала в закарпатское село: большинство населения читать не умело.

Трогательно было смотреть, как взрослые люди, даже старики, сели рядом с детьми за парты, взяли карандаши в загрубевшие от тяжелого труда пальцы. И первое слово, которое они написали на бумаге, прозвучало, как чудесное откровение новой жизни, — Сталин!

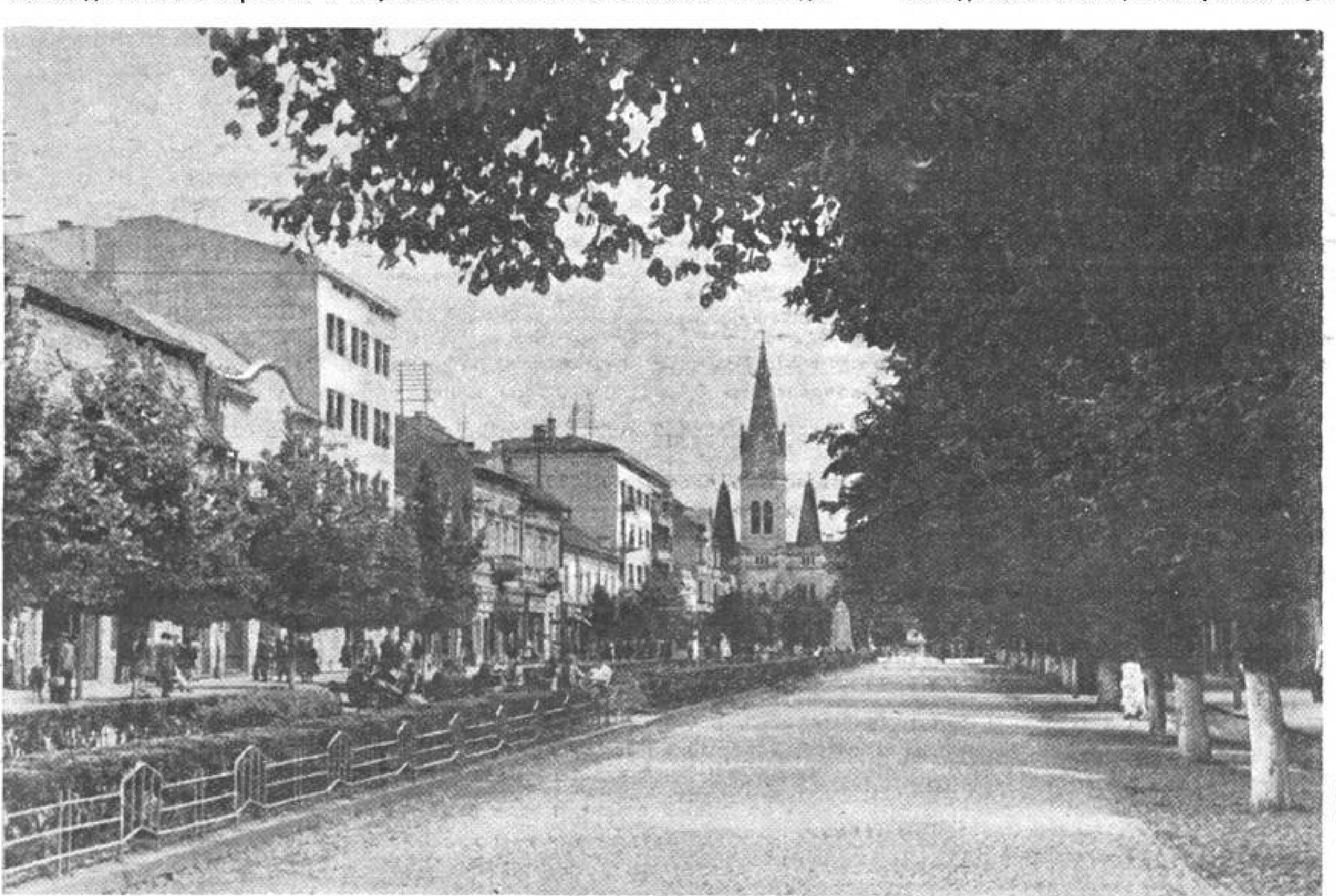
Вместе со школами, ремесленными училищами, техникумами советская власть принесла в Закарпатье культуру: кино, радио, библиотеки, клубы, театры, больницы, клиники, амбулатории. Исчезают невежество, косность, предрассудки. Перед народом широко распахнулись двери в науку.

Разве не примечательно, что уже в 1946 году в Ужгороде, столице нашего края, возник университет, где обучаются 1400 студентов? Кроме того сотни юношей и девушек, сыновья и дочери закарпатских хлеборобов, садоводов, лесорубов и горняков, учатся в высших учебных заведениях Львова, Киева, Москвы, Ленинграда. Мы уже имеем первых агрономов, врачей, учителей, художников, артистов — закарпатцев, нашу молодую интеллигенцию советской школы.

В заключение несколько слов о нашей промышленности. Она развивается темпами, достойными Советской страны. Строятся заново предприятия, непрерывно совершенствуются старые. Возникли новые отрасли индустрии: обувная, швейная и другие. Промышленная продукция за пять лет возросла в десять раз. Наши стахановцы успешно борются за досрочное выполнение планов, за экономию сырья, энергии и инструмента. Это люди советского времени.

Да, великие перемены произошли у нас в Закарпатье. Весть о них докатилась и до тех, кто некогда, отчаявшись найти у себя дома работу и хлеб, очутился в Америке. В письмах к родичам горемыки-эмигранты проклинают свою судьбу, ту минуту, когда они переступили порог страны Желтого дьявола. В откровенных письмах скитальцы завидуют свободе и материальному благополучию, наступившим в Закарпатье.

Солнце, озарившее наш чудесный край, теперь не померкнет. Вместе со всеми советскими народами закарпатцы идут и придут к коммунизму. В веках будет славить закарпатский народ того, кому обязан он своим счастьем, — любимого Сталина!

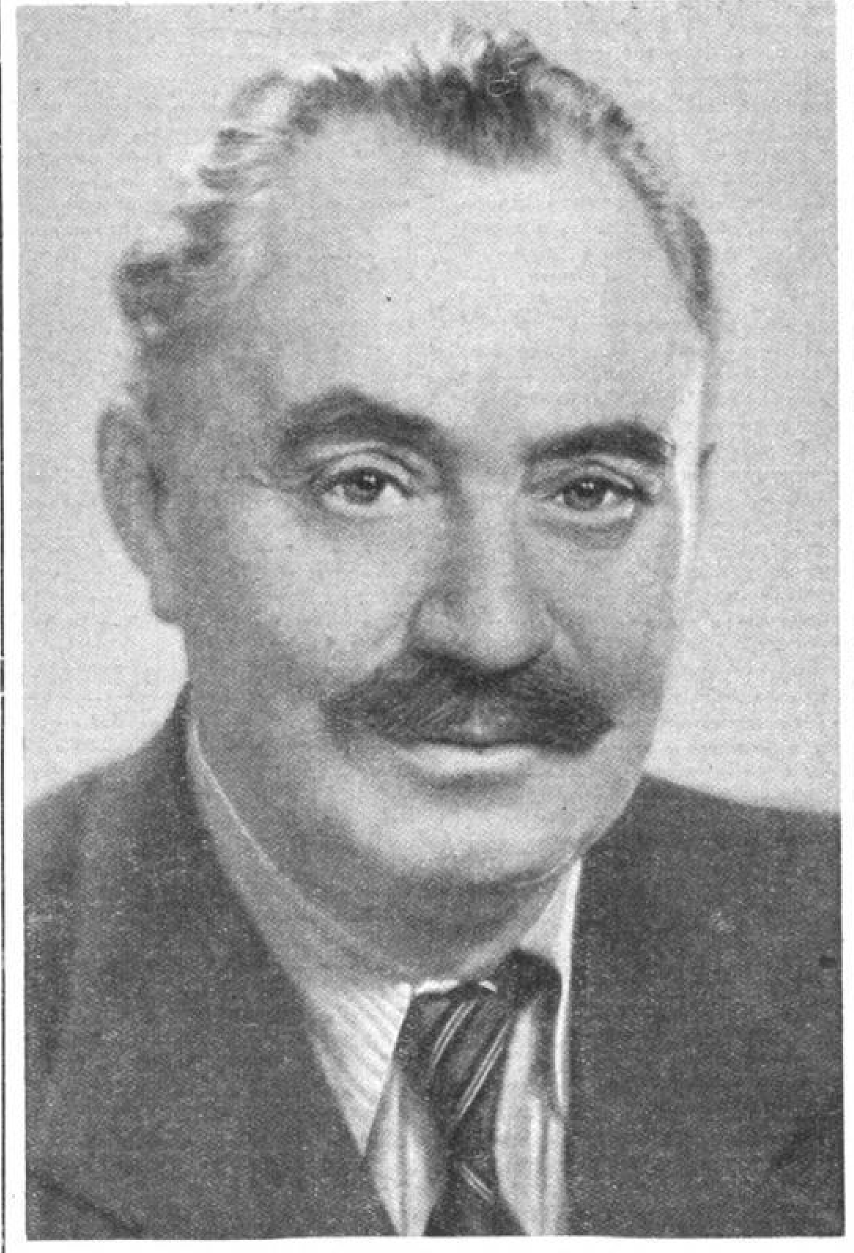
Город Мукачево, улица Сталина.

Фото В. Евграфова

ДИССЕРТАЦИЯ

А. СТАРКОВ, М. ФРОЛОВ

Фото Д. Трахтенберга

Георгий Михайлович Димитров.
(К годовщине со дня смерти).

То, о чем Васильев говорил Шалгунову, было поистине увлекательно и не могло не захватить человека, который тянется ко всему новому, неизведанному.

В этом смысле у них родственные души. И тут никак не мешает разница в годах.

Васильев на десять лет старше. Он был уже стрелочником на крупном железнодорожном узле, когда Юрка Шалгунов с босоногой ватагой приятелей ловил пескарей на Мологе.

Правда, и стрелочнику шел лишь восемнадцатый год. Очень хороший возраст! Возраст, при котором можно учиться в институте, находящемся в Петрограде, а работать за сто километров от Петрограда, на станции Званка. Каждый день занятия, и каждый день дежурства. Смена заканчивается на рассвете; Алексей сдает стрелку сменщику и на первом утреннем поезде, с молочницами, спешит в город. Не заезжая домой,— в институт. А оттуда, вечером, опять не забегая домой,— на вокзал. Вот так все годы учебы он отдыхает в пригородных поездах. Только по воскресеньям да в отпуске удается как следует выспаться.

Стрелочником он пробыл недолго. Его выдвинули в так называемые технические конторщики. Ужасно не нравилось ему это слово — «конторщик». Будто в конторе сидишь. А он вовсе не сидит там. Ходит от вагона к вагону, осматривает их, помогает составителям формировать поезда. Поезда направляются на Олонецкий фронт, где красные войска бьют интервентов. Вот бы не только формировать составы, а водить! Это его мечта. Ей суждено сбыться. Он станет машинистом и поведет поезда. Но уже не на фронт. В вагонах, которые потащит его «овечка», будет песок для строительства электрической станции на Волхове.

Итак, Васильев водит паровоз. И дипломный его проект тоже посвящен паровозам. И первое задание, которое он выполнит как главный механик дорожной мастерской,— восстановление разбитых на войне паровозов. И доцентом он будет вести исследования по теме «Паровозное топливо».

Тем временем подрастал и маленький рыбак с Мологи.

Вот он уже шпалотес. На шпалы, сработанные им, ложатся рельсы, и бегут по этим рельсам поезда в Ленинград, и едет в одном из этих поездов сам шпалотес. Едет устраиваться на работу в депо. Вот он ученик слесаря, слесарь, кочегар на «овечке», помощник машиниста. Никогда не жалел он после, что постепенно, не спеша поднимался со ступеньки на ступеньку, прежде чем стать водителем магистрального локомотива...

Жизненные пути Васильева и Шалгунова долго шли рядом, но не сходились.

А знали они друг о друге уже многое.

Шалгунов о Васильеве: есть доцент в Институте инженеров железнодорожного транспорта, был когда-то стрелочником, машинистом, механиком в депо, любит и сейчас, по старой памяти, лазать по паровозам. Занимается делом весьма канительным: изучает низкосортные, просто сказать, бросовые виды топлива. В блокаду научил ленинградских машинистов сжигать сырую, свежесрубленную древесину. Что может быть хуже для паровозной топки! Но иного выхода не было: кончились запасы угля.

Шалгунов, ездивший по единственно сохранившейся тогда магистрали, которая связывала осажденный город с Ладожским озером, помнит способ, предложенный Васильевым: перед отправкой в рейс полностью, до предела, загружать топку дровами, чтобы они просыхали, образуя очаг для горения, а в пути подбрасывать мелкими порциями, но часто...

Васильев о Шалгунове: есть в депо Ленинград — Витебск-Сортировочная машинист, который десятый год не расстается с одним паровозом, почти не знающим, что такое ремонт. Машинист, который в блокаду топил котел сырой осиной и одним из первых освоил печорские и подмосковные угли...

Так что, в сущности, они были уже знакомы, хотя и не встречались.

И вот встретились.

Васильев приехал в депо.

— Где найти Шалгунова?—спросил он дежурного.

Тот показал куда-то вперед и вниз. Это означало: вон под тем паровозом. Когда Васильев подходил к машине, Шалгунов вылезал из-под локомотива. Машинист выглядел гораздо моложе своих 37 лет. Коротко остриженные волосы. Лицо живое, подвижное. Глаза ясные, светлые и кажутся еще светлее от того, что ресницы и брови подведены угольной пылью.

— Здравствуйте! Васильев.

— Здравствуйте! Шалгунов.

— Я много слышал о вас.

— Наслышан и я о вас, товарищ Васильев.

— Вы мне очень нужны.

— Пожалуйста...

— Я только что вернулся из Эстонии. Побывал на сланцевых шахтах. Сколько там добра пропадает! В отвалах — миллионы тонн сланца третьего сорта. Считают, что никуда он не годится. Неверно это! Есть у меня некая мыслишка... И тут уж мне никак не обойтись без вас и без вашего паровоза.

— Я люблю новинку... Можете рассчитывать на меня,— сказал Шалгунов, и это прозвучало у него просто и искренне.

На том и закончился первый их разговор. Паровоз потребовали на поворотный круг. Машинист извинился и поднялся в будку.

После разговора у обоих осталось хорошее чувство. Шалгунов подумал о Васильеве: «Толковый, правильный человек...» Васильев подумал о Шалгунове: «Славный, милый парень...» Словом, они понравились друг другу.

Мысль Васильева заключалась в следующем.

Сланец делится на три сорта. Первый — отменное горючее. Второй перерабатывается на газовых заводах. Третий — мелочь, загрязненная породой, и она составляет около трети всей сланцевой добычи. Что делать с этим бросовым сортом? Калорийность у него ничтожная. Но загорается моментально. И горит густым, высоким пламенем. Значит, много в нем летучих веществ. Это — то, чего не хватает иным углям. Так почему бы не смешивать третьесортный сланец с углями? Попробуем!

Об этом шел разговор во время второй встречи Васильева с Шалгуновым. Надо готовить смеси угля и сланца, много смесей в самых различных вариантах и испытывать их. Где? На паровозе. В пути.

Начали с жирных углей. Это — очень добротное, высококалорийное топливо. Брали 50 процентов сланца и 50 процентов угля. Прекрасно горела эта смесь. Но разве здесь решение вопроса? Жирный уголь нужен металлургии больше, чем транспорту, и сжигать его в паровозных топках, конечно, нерационально.

Другое дело — уголь тощий. По качеству это родной брат сланцу третьего сорта. Мелкий он, как песок. И разжечь его почти невозможно. Накаляется, багровеет, а пламени не дает. Только красные клюквинки прыгают в топке. Так его и зовут: «прыгун». Часть угля и вовсе уносится в трубу. Но если уж загорится,— тепла хоть отбавляй.

Что же получается? Сланец хорошо горит, но холодным огнем, без калорий. Тощий уголь плохо загорается, зато калориен. Не соединить ли их вместе? Не дополнят ли они друг друга? Не возникнет ли таким образом новый, очень нужный транспорту вид топлива?

Увлекательнейшая это проблема!

Они ездили до Оредежа и обратно.

Вот описание одной их поездки.

Как обычно, Васильев и в это утро добирался до депо на пассажирском паровозе. Лишний раз залезть в будку локомотива — нет для него большего удовольствия! Алексею Васильевичу знакомы все машинисты на дороге, и каждый рад его прокатить, хотя и знают: непременно за что-нибудь достанется. Любит Васильев поворчать на механиков. Вот и этому попало. И весьма справедливо: в тендере и уголь и сланец, а в топку же летит только уголь.

— А сланец у вас для чего? Считаете принудительным ассортиментом?

— Что вы, что вы, Алексей Васильевич!..

— Сорок семь лет Алексей Ва-

сильевич... Вижу сразу: ездите с пережогом угля. Не так ли?

— Бывает...

— Про Шалгунова слыхали? Тот самый... Тяжеловесы водит. У него в месяц шестнадцать тонн экономии. На смеси работает...

— Знаем мы про эту смесь, да не очень верится...

Рассерженный репликой кочегара, Васильев хотел тут же показать, что это за смесь, но езды до депо четыре минуты: пора слезать.

Крикнул с платформы:

— Ждите нас с Шалгуновым. Придем... Научим!

Паровоз «ЭМ-726-89» умыт, напоен водой и собирается завтракать. Пока грейферный кран кормит его слоеным пирогом из угля и сланца, приготовленным по рецепту Васильева, Александр Васильевич и Шалгунов стоят в сторонке у насыпи и беседуют.

— Взгляните,— говорит Васильев, показывая в сторону города,— видите вон там слева гигантскую кирпичную трубу? Выше всех труб она... Это завод подъемных сооружений. Прежде там была дорожная мастерская, в которой я работал главным механиком. Помню случай с этой трубой. Дала она трещину. Надо лечить. А верхолазов нет. Пришлось выписать их из города Изюм, который славится мастерами по этому делу. Приехал Петр Казаков, знаменитейший верхолаз, с сыном. Смело лезут по скобам, кладут вокруг трубы узенькие досочки на подпорках, замазывают щели. И смотреть-то страшно на эту работу... Но вот кончили они. Кому-то надо принимать от них трубу. Кто полезет? Главный механик... Пристегнули мне к поясу пожарный ремень с карабином. Цепляюсь им за скобы и лезу, зажмурившись. Труба раскачивается. И чем выше поднимаешься, тем сильнее это ощущаешь. А я ведь не просто лезу. Мне надо на каждой досочке остановиться, обойти вокруг трубы и осмотреть заделанные трещины... Осмелел постепенно. Вот я уже у самой верхушки. Весь город вижу. Ноги ставлю уверенней. Даже притопнул разок, другой. Чего бояться, карабин на мне, держит крепко... Взглянул на него и обомлел: карабин-то отстегнулся... Стою на высоченной высоте, узенькая площадочка под ногами, чуть оступись, и... Можете себе представить, какая это была веселая минутка!..

Васильев рассказывает о трубе, Шалгунов слушает его улыбаясь, но думают оба совсем про другое. Думают о том, что сегодняшняя смесь составлена из самого худшего сланца, какой только существует, и тощего угля самой низкой марки... Как поведут они себя? Будет ли держаться пар?

Шалгунову вручают путевку. Он должен взять на Оредеж товарный состав в полторы тысячи тонн весом: шестьдесят девять вагонов. Васильев садится у левого окна. Отсюда удобно наблюдать и за котлом и за дорогой. В будке тесно. Кроме паровозной бригады — трех человек — и Васильева, едет еще машинист-инструктор. Зовут его Яков Ильич. Это старый, опытный механик. К тому, что делают Васильев и Шалгунов, относится он несколько скептически, хотя вслух этого не высказывает. Позиция у него такая: посмотрим, поглядим...

Машина, послушная руке Шалгунова, лежащей на регуляторе, мягко, без толчка трогает эшелон с места. Васильев, не оборачиваясь, по звукам определяет, что происходит на паровозе.

Вот будто куском мела по стеклу провели. Это машинист дает колесам песочка, чтобы они не буксовали, не скользили впустую.

Звякают с дребезжанием дверцы топки. Журчит за спиной ручеек: кочегар поливает из шланга топливо.

По мысли Васильева, это самое главное — смачивать смесь. Если ее забрасывать в сухом виде, она будет уноситься тягой в трубу.

В теплотехнической лаборатории Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. Директор подполковник тяги А. В. Васильев (слева) и машинист Г. М. Шалгунов за испытанием сланца.

Вода превращает сланец в глинистую массу, которая обволакивает уголь. Попадая в топку, на раскаленную колосниковую решетку, это тесто быстро высыхает. Кусочки угля, покрытые сланцевой пленкой, вспыхивают, загораются, и уже взметнулось, забушевало пламя!

Идея подана Васильевым. Но нужно было установить точные пропорции воды и смеси. Это сделал Шалгунов.

Все идет хорошо. В котле рабочее давление. Шалгунов не отрывается от окна, хотя знакомы ему тут каждый кустик, каждый придорожный столб, каждая изба. Грустным взглядом провожает он встречающиеся на пути речки и озерца: рыбки бы половить! Рыболовная страсть так и осталась в нем с того времени, когда он пескарей таскал из Мологи...

Сейчас начнется трудный подъем. Вот уже начался. Стрелка манометра дернулась, скользнула вниз, но сразу же выправилась. Потом опять сползла. Паровоз идет тяжело, с одышкой. Чаще зазвякали топочные дверцы: помощник усердствовал. И все-таки давление падало. Яков Ильич, ходивший по площадке вдоль котла, вошел в будку, остановился у приборов, покачал головой. Держался, держался старик — не выдержал. Нагнулся к Васильеву, зашептал:

— Может, печорского добавим?.. Есть он у нас в запасе.

Васильев сердито замахал рукой. И Шалгунов, догадавшись, о чем шепчет инструктор, крикнул:

— Вытянем!

Он попросил Якова Ильича встать к регулятору. Распахнул дверцы топки. Вот оно в чем дело! Смесь тут не виновата. Помощник бросает топливо в одно место, а надо его разбрасывать по всей колосниковой решетке. Надо, чтобы оно ложилось ровным слоем, с небольшим утолщением у стенок. Шалгунов выровнял слой, передал лопату помощнику:

— Так держать.

И сменил Якова Ильича.

Все это происходило в течение каких-нибудь нескольких минут. Но они многого стоили, эти минуты. Васильев был благодарен машинисту за его спокойствие, за его горячую заинтересованность в торжестве их общего дела.

Поезд преодолел подъем и спустился на равнину.

В топке плясало белое пламя. Белое пламя! Такое дает первосортный каменный уголь. Это предел мечтаний каждого кочегара...

Тем временем вечерело. Впереди, в пространстве между сходящимися к насыпи деревьями, легла узкая полоска заката. Она росла, превращаясь в раскаленный брусок стали, далеко отбрасывающий розовые блики. И вдруг полнеба стало багровым. Киноварью покрылись поля, насыпь, рельсы...

В Оредеж прибыли точно по расписанию.

И было у них еще много таких поездок.

...Васильев и Шалгунов — в институтской лаборатории. Они повторяют здесь в миниатюре то, чем занимались на паровозе. Они толкут в ступе крошечные брикетики третьесортного сланца и тощего угля, сыплют эту смесь в тигельную печурку и наблюдают за процессом горения. Потом они подходят к столу, на котором лежит толстая стопа бумаги. Это страницы докторской диссертации, которую собирается защищать доцент Васильев. Она называется «О сжигании многозольного топлива на паровозе».

Шалгунов перелистывает страницы диссертации и вдруг говорит сердито:

— А это зачем?

Он увидел в тексте свою фамилию.

Васильев улыбается:

— Вы ставите вопрос не так. Не «зачем», а «почему». Вот на это я отвечу. Потому что вы мой товарищ, мой помощник. Потому что тут ваш опыт, ваша практика. Потому что я помню, как блестяще выступили вы с содокладом. И, наконец, потому что я хочу, чтобы в день, когда я предстану перед Ученым советом, вы, ваш труд были моей аргументацией...

Машинист Г. М. Шалгунов (слева) и А. В. Васильев отправляются в рейс.

У СЕБЯ

Павел АНТОНОВ

Фото Г. Бугаенко

Зина Меделко, веснушчатая девочка с косичками, видела, как ее мать сожгли враги. Отец Неллы Кравеевской пал в бою, а мать замучили гестаповцы. У Володи Житькова брат был сожжен живым, родители тоже погибли. Мать черноволосой Гени Колотовкиной умерла от истощения в гетто; девочка уцелела чудом... Пожалуй, слишком страшно продолжать это перечисление: детей много в восьмом детском доме города Минска.

После смерти родителей жизнь этих детей сложилась иначе, чем у того немецкого мальчика Курта Шмида из Мюнхена, который пошел работать на фабрику, чтобы прокормить двух младших сестер и брата, а когда его выбросили с фабрики, стал поневоле вором... Того самого Курта Шмида, который вместе с братишкой и сестренками перебрался, в конце концов, на территорию Германской демократической республики. Перейдя границу, он рассказал свою историю советскому офицеру, и когда тот спросил: «Неужели вам никто не помог?»,— Курт ответил: «Нет. У нас не было родных. Кому мы нужны?»

В отличие от этого мальчика из Западной Германии у детей-сирот в Советском Союзе повсюду нашлись родные. Много простых советских людей заботится о детях-сиротах и помогает воспитателям в их большой и почетной работе.

А воспитателям было действительно трудно работать, особенно вначале, когда дети хотя с общими судьбами, но с разными характерами были собраны в этом детском доме.

Диковатый Виля Горин был нервен и не хотел признавать никаких авторитетов. В столовой он садился каждый раз на новое место. Воспитательница Екатерина Леонтьевна Черепко долго приглядывалась к нему, а потом решила начать поединок. Она попросила его садиться всегда на одно и то же место.

— Не хочу! — отрезал Горин.

Екатерина Леонтьевна продолжала уговаривать.

— Говорят, не хочу, баба очкастая! — вспылил Горин.

Воспитательница заставила себя быть спокойной:

— Хорошо. Сиди там, где хочешь.

На первый взгляд это было поражением воспитателя, но лишь на первый взгляд. У медлительной Екатерины Леонтьевны был большой запас терпения и воли. В тот же день она собрала ребят во дворе и показала им несколько очень занятных игр. Например, положить в ложку картофелину и бежать, держа ложку в вытянутой руке. Кто пробежит дальше, не уронив картофелину? Это было чрезвычайно увлекательно. Но и Горин тоже выдерживал характер: он стоял поодаль и не принял участие в игре, хотя играть ему очень хотелось: он-то наверняка пробежал бы дальше остальных!

А потом ребята узнали: Екатерина Леонтьевна умеет рассказывать такие забавные истории, что и сам Горин не мог удержаться от смеха, хотя при этом досадовал на себя за такую слабость. Постепенно заводилой всех ребячьих игр стала именно Екатерина Леонтьевна. Она была неистощима в придумывании новых забав, умела так озорно и в то же время ласково тормошить ребят, что без нее и игра казалась не такой интересной. Малыши ходили теперь, крепко уцепившись за ее юбку, влюбленно заглядывая в глаза, всегда полуприкрытые большими веками. Ребята постарше хотя и забегали вперед, но старались не терять воспитательницу из виду.

Горин больше не мог оставаться в стороне: он принял участие в играх. А в компенсацию за это стал сидеть в столовой на одном и том же месте и в первые дни опасливо поглядывал на воспитательницу: не подшутит ли она над его смирением? Но Екатерина Леонтьевна будто и не заметила первой уступки Горина. А за первой уступкой, вполне понятно, пошли новые. Уже теперь никак нельзя было отказываться, когда Екатерина Леонтьевна спокойно говорила, откидывая волосы со лба:

— Вилечка, родной, помоги-ка дежурным натаскать дров!

Что скажешь в ответ? Можно было сказать баском: «Ладно!» — и, не торопясь, как и подобает мужчине, отправиться к сараю.

А можно, и даже интереснее, было крикнуть: «Есть, Екатерина Леонтьевна!», приложить растопыренные пальцы к фуражке и, подпрыгнув на месте, кинуться со всех ног выполнять поручение.

Потом как-то вечером состоялся интересный разговор. Вместе со своей воспитательницей ребята мечтали, как они встретятся, когда станут совсем взрослыми.

Курносый малыш сказал, что будет летчиком и прилетит покатать Екатерину Леонтьевну.

— Ну, нет, брат, спасибо! Ты меня разобьешь!

— Не разобью,— обиженно сопел малыш. И его детская обида выглядела настолько серьезной, что Екатерина Леонтьевна рассмеялась и прижала его к себе:

— Не обижайся, родной. Конечно, не разобьешь. И, конечно, полечу с тобой, куда захочешь... А вот, ребята, еще будет, наверно, одна встреча...

— Какая?

— Выхожу я на Минский вокзал, чтобы поехать на дачу. И подходит ко мне высокий и светловолосый великолепнейший железнодорожник с ослепительными пуговицами. А я уже стала совсем старенькая и даже в очках не узнаю, кто это подошел, такой пышный... А железнодорожник улыбнется мне и скажет глубоким басом: «Да это я, Горин, неужели не узнали? Я еще вас как-то бабой очкастой назвал!»

В этом месте рассказа все обернулись к Горину. Мальчик широко раскрыл глаза и уставился на воспитательницу.

— Не скажу, не скажу! — крикнул он, чуть не плача, и выскочил из комнаты.

После этого дружба Горина с воспитательницей стала еще крепче. Ранним летом, когда земляники в лесу было еще совсем мало, именно Горин принес первую корзинку ягод. И вручил эту корзинку той, которая ему, как и многим другим, заменила мать, — Екатерине Леонтьевне Черепко.

Это один из очень многих рядовых эпизодов в жизни восьмого детского дома. Если собрать все такие эпизоды, получится большая книга, а не короткий очерк. Да и Екатерина Леонтьевна — ведь не единственный воспитатель в детском доме.

Вот другая воспитательница — Евдокия Федоровна Журавкова. Очень спокойная, иногда кажется, что грустная, Евдокия Федоровна обычно говорит тихим и мягким голосом. Слушать ее всегда интересно, поэтому ребята стихают, чтобы не упустить чего-нибудь. И если кто шумно завозится, друзья его толкнут под бок: «Потише!»

Евдокия Федоровна умеет выкраивать время, чтобы поговорить и заняться отдельно с каждым из своих воспитанников, а их у нее тридцать пять. Иногда одному надо уделить больше времени, чем другим; это бывает нередко.

Маленький и бледный Толя Савчик был молчалив и не озорничал, но был упорен в своем нежелании учиться и ходить в школу. Когда настаивали, чтоб он отправлялся на занятия, он собирал тетради и шел вместе со всеми, но по дороге сворачивал в сторону, садился на скамейку и читал книгу. Читал он много, что попадется под руку.

Евдокия Федоровна начала с того, что сама стала подбирать ему книги. Дала книгу «Малышок» Ликстанова, «Молодую гвардию» Фадеева, читала Толе стихи Маяковского. Потом стала ему рассказывать, как из малышей вырастают настоящие советские люди, и привела много примеров из жизни белорусских партизан. Рассказала, какие интересные бывают профессии, какая большая у нас страна.

В то время она занималась Толей больше, чем другими. И как-то незаметно, само собой, вышло, что сероглазый малыш горячо привязался к воспитательнице. Он радостно вспыхивал, когда она подходила к нему, и старался держаться поближе к ней. А когда это произошло, то уже нехитро было и отправлять его в школу.

Толя начал учиться, но ему теперь трудно было догнать товарищей. По совету воспитательницы девочки стали каждый день помогать ему готовить уроки. И пришло время, когда он поравнялся с классом.

Может быть, самая большая заслуга Евдокии Федоровны состоит в том, что постепенно и очень настойчиво она сумела воспитать в своем коллективе высокое чувство взаимной выручки и дружбы — не показной, а настоящей советской, благородной дружбы.

Многих удивляет, как случилось, что в коллективе Журавковой, где прежде было немало двоечников, сейчас ребята получают только пятерки и четверки. Но стоит посмотреть, как девочки-отличницы ежедневно по три — четыре часа терпеливо занимаются с отстающими и как к концу занятий проясняется смущенное лицо у отстающего,— стоит посмотреть на это, и поймешь многое.

Тома Романова недавно опять принесла из школы двойку. Это оказалось таким необычайным происшествием, что вся комната долго не могла успокоиться. Самые горячие головы в негодовании предложи-

ли даже объявить ей бойкот. Но, конечно, ребята нашли разумное решение и сумели так помочь ей, что Тома вновь стала получать пятерки и четверки. А когда дети, занимающиеся в музыкальной школе по классу скрипки, стали отставать, то именно Тома, обладающая незаурядным музыкальным дарованием, целыми вечерами просиживала с ними, помогая одолевать сложную скрипичную технику.

Так дети готовятся жить и работать в большом советском коллективе.

С ребятами третьего класса занимается Елена Спиридоновна Шарковская. Полная, с неизменной улыбкой на добродушном лице, она искренно убеждена, что дети ее класса — это самые лучшие из детей. Она принимает близко к сердцу каждую неудачу своих маленьких воспитанников.

Курчавая Тося Соколовская от природы робка, молчалива и застенчива. Она хорошо учила уроки, но когда в школе вызывали ее к доске, краснела, терялась, заикалась и отвечала плохо. Елена Спиридоновна несколько раз бегала в школу, чтобы помочь учительнице выработать правильный педагогический подход к своей девочке. И в конце концов общими усилиями они добились, что Тося, уверенно ответив урок, возвращалась на свою парту розовая и счастливая.

Вокруг Елены Спиридоновны образовался крепкий детский коллектив. Активисты, как старшие в семье, помогают своей воспитательнице следить за остальными ребятами. Они получают со склада белье, раздают его, следят за чистотой. Попробуй кто-нибудь сесть за стол с грязными руками, или поставить не на место калоши, или выйти без пуговицы на рубашке — на него тотчас обрушится «грозное общественное мнение», и маленькому нарушителю спокойствия приходится со всех ног мчаться исправлять свое прегрешение. А если ты посадил на книгу кляксу, то здесь уж явно необходимо, прикусив язык и склонив голову набок, долго и искусно, сначала лезвием бритвы подчищать пятно, а потом заглаживать его резинкой и ногтем, если ноготь чист. А ноготь обязан быть чистым, так же, как и книга.

Иногда бывают конфликты. Так, например, случилось с Юрой и Фимой, получившими низкую оценку по поведению. Отвечать за эту низкую оценку вызвали на детский совет Володю Житькова, человека одиннадцати лет от роду, с римским профилем и неплохими для его возраста бицепсами.

— Они провинились, а отвечать должен я? — запальчиво выкрикнул Володя.

— А как же ты думаешь? Ты звеньевой!

— Я не могу влезть в головы Юре и Фиме! Тогда не хочу быть звеньевым!

— А-а! Боишься! — сказала ему Лора Ткачева. — Какой же ты советский человек?

Володя густо покраснел и раздосадованный ушел, чтобы надавать подзатыльников двум членам своего звена, но по дороге передумал и решил получше следить за ними на уроках и после уроков. Свое решение он неукоснительно выполняет и по сей день. Результат этого решения — пятерки по поведению, которые Юра и Фима стали приносить из школы.

Нового человека особенно трогает в этом детском доме непринужденная сердечность в отношениях между детьми и воспитателями: «Толюша, славный мой», «Володечка, родненький», — такие слова здесь не звучат искусственно и нарочито, — это естественная форма обращения воспитателя, искренно привязанного к детям, которые потеряли родителей и, конечно же, нуждаются в материнской ласке. И если воспитатель этого не поймет, не почувствует, то он потерпит неудачу в своей работе. Однажды Елизавета Трофимовна — директор детского дома — увидела в коридоре девочку, которая горько плакала, прижав кулачки к своему круглому лицу.

На уроке музыки.

Игра кажется особенно интересной, когда в ней принимает участие Екатерина Леонтьевна.

— Люба, Любочка, что с тобой?

Девочка ответила не сразу. И лишь после долгих расспросов она наконец выкрикнула:

— А почему... а почему она называет меня Шелухиной? Я в школе Шелухина, а дома я Люба... — И еще сильнее залилась плачем.

Конечно, беда была не только в том, что воспитательница Жиганович назвала Любу по фамилии, а в том, что эта воспитательница не сумела почувствовать, что советский детский дом — не «приют», а именно дом, семья, живя в которой ребенок знает, что к нему привязаны, о нем заботятся и плохо спят по ночам, если у Любы или у Володи болит голова. Тогда и ребенок платит своим воспитателям и товарищам горячей привязанностью.

Когда захворала Екатерина Леонтьевна Черепко, то к ней на квартиру началось целое паломничество. Ребята забегали узнать о здоровье, похвастать новыми успехами и оставить потихоньку на диване какой-нибудь подарок. Фима Перель, например, сберег свою обеденную порцию сладкого — сливочные конфеты и принес их Екатерине Леонтьевне, глубоко уверенный, что именно «сливочные» помогут ей быстрее выздороветь.

Девочки с сияющими лицами преподносят воспитателям лучшие свои вышивки, и от этих подарков невозможно отказаться. А мальчики деловито справляются, не нужна ли Елизавете Трофимовне, Валентине Павловне или Елене Спиридоновне хорошая и прочная табуретка, которую они, мальчики, отлично могут изготовить в столярной мастерской.

Нужно увидеть, как любовно возится Миша Герман с маленьким Борей Булыгиным, как стелет ему постель и опекает на улице! А какой заботой окружают ребята заболевшего товарища и какая поднялась овация, когда Нелла Краваевская вернулась из больницы!

В походе «По тропам народных мстителей» Толя Липский поранил себе ногу. Валя Швырядкая и Лида Гапонова заботливо перебинтовали ее, а Коля Дунаев взял у Толи рюкзак и нес его до самого конца похода, хотя у него, кроме своего, уже был рюкзак одной уставшей девочки. Такие поступки здесь обыкновенны.

Дети не чувствуют себя сиротами. Они знают, что о них заботится вся страна. Минский Дворец пионеров предоставляет им свои залы и руководителей для самых разнообразных кружков. Маститый профессор Никонов организовал в детском доме кружок юннатов. Доцент Елена Павловна Ересь прочла для воспитателей детдома цикл лекций по детской психологии и педагогике.

Студенты Белорусского университета — постоянные и любимые гости в детском доме. Они участвуют в летних походах, занимаются с отстающими ребятами по английскому и французскому языкам, по математике. Двое из них — Метельский и Гайдовская — с увлечением ведут в детдоме занятия литературного кружка. Фотокружком, шахматным и мичуринским кружками руководят тоже студенты. В трех пионерских отрядах детдома студентки — отрядные вожатые.

Можно было бы рассказать, как заботятся о детях и многие другие советские люди. Детей воспитывает Родина, заменившая им погибших родителей. И, подрастая, ребята тоже начинают себя чувствовать хозяевами в своей большой стране. Разве не характерен, например, такой случай? Прошлым летом в деревне Юхновке ребята проходили мимо колхоза во время молотьбы хлеба. Надвинулась огромная грозовая туча. Не сговариваясь, дети кинулись помогать колхозникам. До начала ливня вместе со взрослыми они успели перенести обмолоченный хлеб в амбары, а необмолоченный — под навес.

— Ничего в этом нет удивительного, — говорит директор детдома Елизавета Трофимовна Молоткова, женщина с широким русским лицом и ясными глазами. — Гораздо удивительнее было бы, если б ребята спокойно прошли мимо и не помогли колхозникам... В городах «желтого дьявола» про таких детей, как наши, говорят, что они обижены судьбой. И государства там помогают этой самой судьбе, оставляя детей без призора. А наши дети никакой судьбой не обижены. Они спокойно и, как видите, деловито готовятся стать хорошими и трудолюбивыми советскими людьми. И они такими людьми станут.

Благородная миссия советских врачей

На продолговатых конвертах из тонкой, почти прозрачной бумаги тщательно выведены цветными чернилами китайские иероглифы. Огромный ящик полон писем. Их здесь больше тридцати тысяч. Возьмем наугад любое из них.

«Дорогие товарищи медицинские работники Советского Союза!

В звездную ночь вы прибыли к нам, не боясь далекого пути, чтобы помочь нашему народу бороться с недугами и болезнями. Это действительно небывалый случай международной помощи, какого не знал наш народ за всю пятитысячную историю своего существования. Своей работой вы еще раз доказали, что между народами Китая и Советского Союза существует настоящая дружба.

Сильные пески, ветры, бури и ливни мешали вашей благородной деятельности. Несмотря на непогоду, вы помогали нашему народу, и в этом сказываются пролетарская солидарность и международная взаимопомощь.

Вы доказали, насколько силен дух служения человечеству у людей социалистического мира, доказали высокое человеколюбие вашей могучей страны социализма.

Мы от имени всего китайского народа шлем вам горячий привет.

Да здравствует советский народ!

Желаем доброго здоровья Генералиссимусу И. В. Сталину!

Желаем вам успеха в строительстве коммунистического общества!

Да здравствует дружба советского и китайского народов — оплот вечного мира!»

Письмо подписали учащиеся 12-го отделения 6-й группы Чахарской средней школы.

Подобные строки, полные любви и признательности, встречаешь в каждом из посланий, переданных в Китае группе советских врачей, посетивших освобожденную страну.

Советские врачи и фельдшеры приехали в дружественную нам страну в пору, когда правительство Китайской народной республики проводило большие и важные меры по охране здоровья населения. Они прибыли в Китай по поручению советского Общества Красного Креста, чтобы совместно с китайскими друзьями единым фронтом вступить в борьбу со свирепствовавшими болезнями

Делегаты Советской страны увидели, что в городах и селах много уже сделано с тех пор, как народ стал хозяином государства. Но много еще оставалось сделать, чтобы освободиться от тяжелого наследства, оставленного кликой гоминдановцев, действовавших вкупе с англо-американскими и японскими империалистами.

Китайские медики с огромным вниманием присматривались к нашим врачам, к их методам лечения. Живейший интерес проявляли они и к организации здравоохранения в СССР и к успехам наших ученых, двигающих вперед медицинскую науку

...По дорогам, мимо желтоватых и зеленеющих полей, советские люди переезжали на машинах из города в город, из деревни в деревню. Но добрая слава двигалась быстрее машин. И уже у въезда в село собирались толпы крестьян. Они хотели увидеть и поблагодарить советских врачей, которые приехали лечить их.

Вот вышел вперед старик Ван Чжун, сухощавый, сгорбленный годами и тяжким трудом на поле помещика. Просветленное, мудрое лицо крестьянина обращено к советскому врачу.

— Старик напоминает, — говорит переводчик, — что есть такая китайская пословица: «Доктор, разъезжающий в паланкине, не войдет в дом бедняка». Он рад видеть советского доктора, приехавшего из очень далекой страны ради того, чтобы посетить дома простых людей

И тогда кто-то из советских людей попросил переводчика сказать Ван Чжуну:

— Нам известна и другая китайская пословица, которая не потеряла своей силы: «Спасти одну человеческую жизнь лучше, чем построить семиэтажную пагоду».

Светлая улыбка озарила лицо старика.

Советские медицинские работники, приветливо поздоровавшись, направились в дом сельского управления. Вскоре по улицам маршировали барабанщики, торжественно возвещая, что врачи из Страны Советов приглашают жителей на беседу, они расскажут, как надо побеждать болезни.

Люди шли семьями послушать приезжих. Говорили об очень будничных, но важных делах, о том, что нужно навести чистоту во дворах, побелить фанзы, сделать прививки против заразных болезней.

— И этим мы займемся сегодня же, — сказал доктор.

...Во двор входит Анна Михайловна Хохлова, пожилая, не по годам подвижная женщина. Дети бегут к ней навстречу, она подхватывает их на руки привычным материнским движением. Вскоре русская женщина склоняется над постелью больного китайца. А через час Анна Михайловна уже работает в походной амбулатории. «Наша мать» — так ее прозвали в деревнях и городах — везде, где она выполняла свою благородную миссию. Повсюду Хохлову встречали, как дорогую гостью.

В деревнях знали, с чего начнет доктор: прежде всего наведет санитарный порядок.

И вот идут по селу музыканты. Далеко разносится барабанная дробь. Это торжественная церемония прикрепления почетной доски к фанзе, где отлично соблюдаются санитарно-гигиенические правила. Жители собираются возле дома, славят его хозяина и хозяйку.

Врач Хохлова переезжает в соседний уездный городок — там сегодня базарный день — и выступает прямо на рыночной площади, рассказывая об основных мерах предупреждения болезней.

Советские медицинские работники побывали в самых отдаленных районах Китая, там, где, пожалуй, никогда и не видели настоящего врача. В одной из наиболее далеких провинций работала саратовский врач И. А. Степанова. Когда она уезжала, жители всего городка высыпали на улицу. Гремела музыка, развевались знамена, над толпой возвышались портреты товарища Сталина и товарища Мао Цзе-дуна.

За что советская женщина удостоилась такой чести?

Вот что рассказывает об этом кандидат медицинских наук И. Н. Майский, руководитель группы советских врачей, побывавших в Китае:

— Врач Степанова вылечила от первичной легочной чумы китайского студента. Еще недавно эта страшная болезнь считалась безусловно смертельной. Первые случаи исцеления от первичной легочной чумы относятся к 1945 году, когда стали применять метод, разработанный советскими учеными.

Китайский студент-медик заразился чумой, обследуя своего пациента. Ида Алексеевна Степанова самоотверженно принялась за лечение. Болезнь была запущена. Борьба за жизнь студента длилась полтора месяца. Советский и китайский врачи не отходили от постели больного. И они одержали победу.

Так И. А. Степанова приумножила славу русских врачей, ученых, которые еще в начале нашего века мужественно выступили на борьбу против эпидемии чумы в Маньчжурии.

Трудящиеся Китайской народной республики достойно оценили работу советских врачей — подвиг, совершенный во имя жизни. Тридцать тысяч писем — лишь одно из выражений этой оценки. Нам показывали яркие знамена — дар советским врачам от китайских крестьян, рабочих, бойцов, студентов.

На шелковом полотнище, преподнесенном студентами Харбинского медицинского института, золотом вышиты слова: «Ваша работа — проявление высшего человеколюбия».

На другом знамени начертано:

«Благодарим советский народ за оказанную любезность. Честь товарищу Сталину!»

— Честь товарищу Сталину! — этот возглас звучал и в деревнях и в городах Китая — всюду, где советские врачи выполняли свой благородный долг.

— Честь товарищу Сталину! — так говорили крестьяне и рабочие, бойцы и школьники.

Они хорошо знают, что товарищ Сталин воспитал в советских людях великое чувство подлинного гуманизма.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Советские и китайские медики, совместно работавшие в различных районах Китая. Надпись гласит: «В день вашего возвращения на родину приветствуем товарищей медицинских работников Советского Союза».

КАЖДЫЙ ДЕНЬ — 30 ТЫСЯЧ ПОДПИСЕЙ

(Из заметок журналиста)

1. КЛЯТВА

Нежаркий летний день. По улицам Таммерфорса — этой индустриальной столицы страны — движется необычная процессия. Впереди идут женщины, они несут больших голубей, украшенных цветами. Светлосинее знамя Международной демократической федерации женщин также украшено голубем мира. Идут матери, женщины — ветераны демократического движения, молодежь. Дети шагают вместе с матерями с зелеными ветками в руках.

«Нам должны принадлежать счастье, радость, игры, спокойная жизнь!» — поднимают они над колонной свой призыв.

«Защита мира — задача всей молодежи!» — провозглашает другой плакат, плывущий над головой молодых рабочих.

«На нашей земле должен быть мир!» — требуют работницы предприятий Таммерфорса.

Демонстрация проходила под главным лозунгом нашего времени: «Борьба за мир!».

В конце митинга на большой площади, переполненной жителями Таммерфорса, на трибуну поднялась верная дочь финского народа Херта Куусинен. Она призвала собравшихся дать клятву. Куусинен произносила слова клятвы, и вся площадь повторяла их вслед за ней.

— Мы, матери растущего поколения,— говорила Херта Куусинен,— обещаем охранять мир со всей силой и энергией...

— ...обещаем охранять мир...— вторила площадь.

— Мы, для которых счастье родины — это все, обещаем, что не дадим превратить нашу страну в трамплин для поджигателей войны... для тех, кто угрожает уничтожением всему человечеству...

Слушая могучее, слитное эхо этой клятвы, мы вспоминали и другой митинг, в Хельсинки: он состоялся в день приезда членов исполкома Международной демократической федерации женщин. На Железнодорожной площади 35 тысяч жителей столицы приветствовали видного борца за мир, французскую деятельницу Мари-Клод Вайян-Кутюрье. Она высоко поднимала на руках финского ребенка и звала бороться за мир, за жизнь детей всех стран.

В истории Финляндии еще не было общественного движения, которое росло бы с такой непреодолимой силой. Движение борцов за мир охватило страну от суровой Лапландии до берегов Балтики. Даже враги мира, которых в Финляндии немало, вынуждены признать, что это массовое движение «бушует». Вслед за «адресом мира», который в Финляндии подписали 300 тысяч человек, финский народ видел мирную эстафету, пронесенную через всю страну под лозунгом «Не быть войне в Финляндии!». Более 300 тысяч подписей собрано под воззванием Стокгольмской сессии.

В первые дни около 10 тысяч финнов ежедневно подписывали воззвание. Сейчас, когда пишутся эти строки, поступает свыше 30 тысяч подписей в день.

Сбор подписей — не простое дело в этой стране озер, лесов, где поселки расположены далеко друг от друга.

Вот уже много месяцев подряд реакционная печать и прежде всего социал-демократические газеты травят движение сторонников мира, стремятся подорвать веру в действенность кампании по сбору подписей, сбивают с толку и запугивают тех, кто ненавидит войну, но еще не осознал всей опасности политики заокеанских атомщиков и их пособников в Финляндии.

2. ПРОПАГАНДИСТЫ ВОЙНЫ

Совсем недавно с ротационных машин сошли листы очередного «Ежегодника финского общества военных наук».

В предисловии председатель общества генерал от инфантерии Хейнрихс туманно говорит о неких «воспоминаниях», которые у его коллег «согревают мысли о воле к сопротивлению». Какие же это мысли, согревающие авторов «чисто военно-научного издания», как именует сам себя журнал? В статье полковника генерального штаба финской армии Ю. Ярвинена открыто обсуждается вопрос о... будущих войнах, в которых может участвовать Финляндия. Автор статьи запевает старую, ненавистную финскому народу песню о пресловутом «сису» (храбрость), об «активном духе» армии и т. д., и т. п. С фальшивым пафосом он вещает о том, что он и его коллеги еще будут «иметь честь» вести почетные сражения, равные сражениям «былых времен».

Почти одновременно с выходом в свет этого журнала, пропагандирующего и планирующего будущие войны, финский сейм принял закон об увеличении срока службы в финской армии. Закон этот также открывает возможность использовать военнообязанных для подавления забастовок.

Как известно, финское правительство подписало стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия. Это послужило поводом для нового взрыва яростной кампании реакционной фашистской печати против сторонников мира в Финляндии. Особенно отличаются в этом деле финские социал-демократы, которые пускают в ход самые грязные приемы, чтобы оклеветать движение за мир.

Газета «Суомен сосиалдемокраатти», открыто торгующая американскими сигаретами — «подарком» своих заокеанских покровителей,— не скрывает раздражения по поводу факта подписания финским правительством стокгольмского воззвания.

Социал-демократические подголоски американских атомщиков пытаются скрыть это раздражение под маской иронии. «Поскольку нам известно,— пишет газета,— вряд ли существует боязнь того, что Финляндия сама бы начала атомную войну в каком-либо направлении в любой части света». Но это ирония тех, кто явно напуган ростом движения за мир.

Военные реваншистские идеи продолжают жить среди реакционных кругов Финляндии. Вот почему трудящиеся финны, все честные патриоты Финляндии решительно поднимают свой голос против новых военных авантюр. Они понимают, что подлинный патриотизм для них в активной борьбе за мир и дружбу с Советским Союзом.

3. СТОРОННИКИ МИРА ДЕЙСТВУЮТ

Тяжелые почтовые пакеты приходят в эти дни в Центральное бюро организации сторонников мира. Финские борцы за мир действуют. Они собирают подписи под стокгольмским воззванием, разъясняют значение священного дела мира, убеждают, агитируют. Они требуют объяснений от тех, кто, отказываясь подписывать воззвание, действует нарукu поджигателям войны. Уже один лозунг о сборе миллиона подписей в стране, смело выдвинутый сторонниками мира, открыл многим глаза на значение кампании. С 22 июня проводится специальная неделя сбора подписей.

Среди сборщиков сотни простых людей, которые с энтузиазмом, по собственной инициативе выполняют свою почетную и благородную задачу. Многие уже собрали по пятьсот и более подписей.

Рабочий-строитель Онни Ульяс собрал тысячу подписей. Анни Халттунен из Таммерфорса была избита фашистскими молодчиками за сбор подписей под «адресом мира». Но она не сдалась. Молчаливая и упорная в своей верности делу мира, эта старая женщина, узнав о стокгольмском воззвании, стала собирать подписи. На листах, которые она предлагала всем, кого встречала, уже стоит 1200 фамилий...

В деревушке Лиэституора только двое из 370 жителей отказались подписать воззвание. Девушки из этой деревни рассказывают, как пугал их некий «организатор» из социал-демократического союза молодежи «Молодые орлы». Социал-демократы не только уверяют, что «не имеет смысла подписывать воззвание», но распространяют злостные, провокационные слухи, рассчитывая вызвать недоверие к Советскому Союзу, идущему в авангарде лагеря мира. Этот обман все чаще терпит неудачу. Молодежь с энтузиазмом подписывает воззвание и собирает подписи.

— Мы не хотим неожиданно очутиться в траншеях,— говорит товарищам 26-летний рабочий механической мастерской Тэмму Олликайнен, собравший уже сотни подписей.

Сторонники мира действуют. Они обличают тех, кто отказывается поддержать справедливые требования народов.

Недавно в Хельсинкском университете происходило традиционное торжество посвящения в доктора и магистры. Печать заполнила целые страницы описанием торжества, костюмов, изложением речей. «Посвящающим» на факультете философии был небезызвестный Эдвин Линкомиес, один из военных преступников мировой войны. Он нагло утверждал в своей речи, что «наиболее значительный период в истории Финляндии» составили... годы войны на стороне гитлеровской Германии. Этот «знаток античного мира» не удержался и от замаскированной клеветы на Советский Союз.

Сбор подписей под стокгольмским воззванием в университете запрещен. Ректор Лонгфорс заявил, что кампания по сбору подписей к университету «не относится».

Однако реакционерам не удалось подавить стремление прогрессивных профессоров и студентов поддержать дело мира. Профессор Иверсен открыто поднял свой голос в защиту Жолио-Кюри, в защиту права ученых иметь собственное мнение по вопросам, волнующим все человечество. Студенты — сторонники мира — обратились отдельно к каждому профессору, и многие уже подписали воззвание.

Группа студентов организовала по своей инициативе сбор подписей. С белыми щитами, украшенными голубем мира, студенты вышли на улицы города и вернулись с сотнями заполненных листов. Прочитав или услышав содержание воззвания, многие прохожие с готовностью присоединялись к требованию о запрещении атомного оружия. Только однажды раздался унылый голос какого-то скептика: «Так ведь это же все равно не поможет!». Но магистр Алениус разубедил колеблющегося.

— Когда сотни миллионов дадут свои подписи,— сказал он,— поджигатели войны будут вынуждены отступить.

Почин прогрессивных студентов явился достойным ответом реакционерам от науки вроде ректора Лонгфорса.

Рост движения сторонников мира и явные симпатии к нему со стороны верующих финнов побудили многих служителей церкви Финляндии поставить свои подписи под стокгольмским воззванием. Церковнослужитель одной из общин города Котка Иоханнес Усвамо выступил с заявлением в печати:

— Я должен сказать, что дело мира является для меня серьезным и священным. Картины прошлого, свидетелем которых я был, ясно говорят о том, какие большие страдания доставляют миру те лица и группы, которые и сейчас еще упорно готовят новую войну. Но мы хотим обеспечить счастливое будущее нашим детям, поэтому мы должны сохранить мир на земле.

Вот грустные и человечные слова одного инвалида, который поставил свою подпись на листе, сказав сборщику:

— Я не проживу долго, но желаю мира тем, кто остается жить. Нет ничего более ценного и дорогого, чем мир.

Таковы многочисленные голоса простых людей Финляндии.

Положительно относятся к призыву борцов за мир и многие финские крестьяне. Разъяснительная работа приносит свои плоды.

В Финляндии, как и повсюду, проходит сейчас важнейший плебисцит — за жизнь. Трудящиеся страны все шире и ярче выражают свою волю к защите мира.

Н. ДЕДКОВ

Хельсинки.

В Ташкентском медицинском институте. Ассистент кафедры неорганической химии Марфуахон Аляви в лаборатории.

Фото Г. Зельма

Студентки Саодат Саг-
дуллаева и Мамлакат
Джалилова у здания
Ташкентского театра
оперы и балета.
Фото Г. Зельма

ОТДЫХ ФЕДОРА ЛИНЬКОВА

— Отдыхайте хорошо, набирайтесь новых сил, Федор Прохорович,— напутствовал Разанов Линькова.

Фотоочерк В. Викторова и Дм. Бальтерманца

Отдых! Слово, которое все чаще слышишь с наступлением летних дней.

Об отдыхе трубят духовые оркестры, провожая колонны пионеров в загородные лагери.

Об отдыхе стучат колеса курортных поездов.

О полноценном, глубоком отдыхе говорят загоревшие, посвежевшие лица людей.

И мы хотим рассказать об отдыхе рядового советского человека, который, пользуясь своим правом на оплаченный отпуск, получает путевку и отправляется в один из южных санаториев.

Найти человека, собирающегося в отпуск, не составляло особого труда. Достаточно было посетить один из заводских комитетов.

— Куда едут наши люди? — переспросил нас председатель завкома стахановского карбюраторного завода Павел Васильевич Разанов. И тут же он перечислил ряд замечательных мест нашей страны: Горки-Ленинские, Хоста, Одесса, Сочи, Железноводск, Алушта, Пярну...

— Сегодня вручаем путевку товарищу, едущему в Алушту, в Крым,— сказал Павел Васильевич.

— Кто он?

— Один из лучших наших стахановцев и притом еще дирижер самодеятельного духового оркестра. Подождите с полчасика, в обеденный перерыв он явится за путевкой, вот и познакомитесь...

И в обеденный перерыв мы увидели, как моторист карбюраторного завода Федор Прохорович Линьков получал из рук председателя завкома путевку в санаторий ВЦСПС «Красное Криворожье», находящийся на Южном берегу Крыма, в Алуште.

Эта путевка выделена Линькову советом социального страхования. Стоит она тысячу двести рублей; семьдесят процентов этой суммы вносит соцстрах, а тридцать процентов должен был бы заплатить сам Линьков. Мы говорим «должен был бы», потому что и эта часть путевки, содержащей месяц полноценного отдыха в одном из благодатнейших уголков крымского побережья, была оплачена из директорского фонда. Путевка эта была предоставлена Линькову, как и другим лучшим стахановцам завода, совершенно бесплатно.

Вот здесь, у испытательного стенда, проверяя качество готовых карбюраторов для автомашин, работает Федор Прохорович Линьков. Он проводит свой последний день перед отпуском у мотора. Завтра в путь...

Вечером вся семья помогает Федору Прохоровичу укладывать чемодан. Жена Мария Ильинична достает из шкафа приготовленные к отъезду вещи, дочка Люба и маленький Миша следят, чтобы папа ничего не забыл, а старший сын, Толя, изучает географическую карту. Он ищет Алушту. Где же она?..

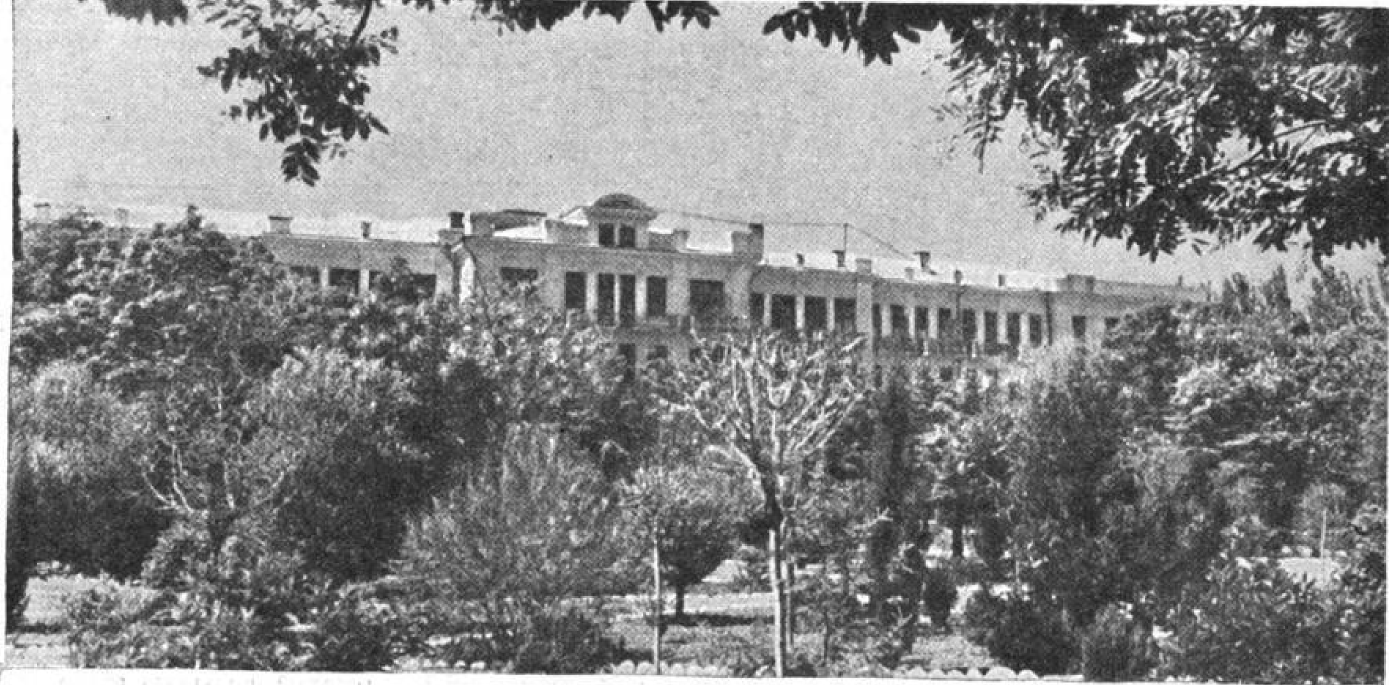
Скорый поезд № 17 Москва — Симферополь уходит в 17 часов 30 минут.

Нарядный состав готов принять пассажиров, но отъезжающие не спешат в вагоны.

Почти всех провожают родные, друзья.

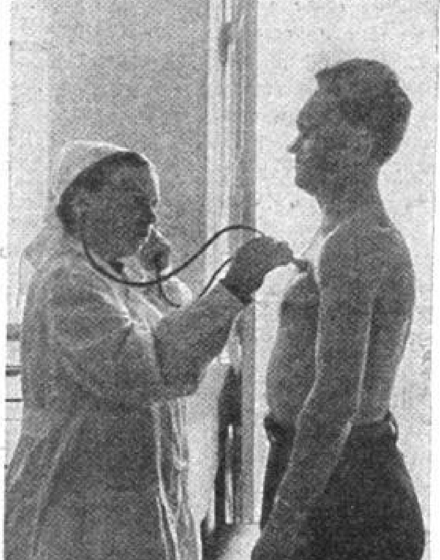
Федора Прохоровича Линькова отправляет в путь вся семья.

...Какова она, эта Алушта? И вот наконец Симферополь, курортный автобус, петлистая горная дорога — и через два часа Линьков увидел среди зелени приморского парка белоснежный корпус санатория.

В этот день из разных мест Советской страны вместе с Линьковым приехали в «Красное Криворожье» еще девятнадцать человек. Среди них: Анатолий Семенович Савинков — диспетчер из Бузулука, Амир Сыртланов — конструктор из Орска, Иван Иванович Васильчиков — электромашинист из Макеевки, Зоя Петровна Выборнова — учительница из Казани, Федосий Григорьевич Федчук — электрик с Никопольского трубного завода и другие.

Всех их принял под свою гостеприимную кровлю большой белый дом.

Первое настоящее знакомство с санаторием, где отдыхает 275 человек, начинается в кабинете врача. Каждый приехавший, несмотря на заключение курортной комиссии и все анализы, сделанные перед отъездом, подвергается внимательному осмотру.

Четырнадцать врачей различных специальностей обслуживают отдыхающих. Один из этих врачей, Нина Александровна Протопопова, внимательно выслушивает Линькова. В течение всего месяца он будет находиться под ее наблюдением.

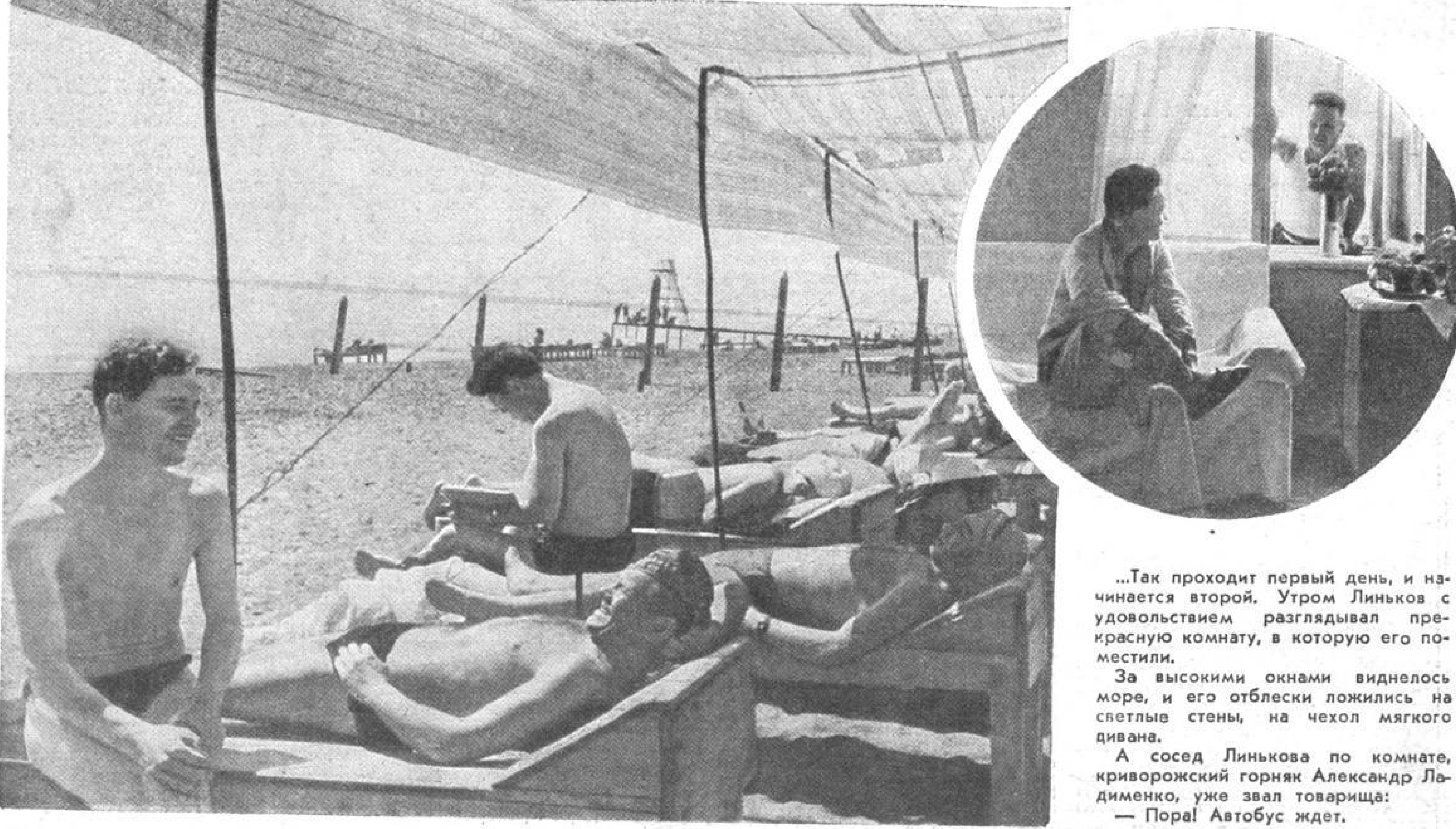
Наконец врачебный осмотр закончен, можно продолжать знакомство с домом и его обитателями.

Вот они — товарищи Линькова по отдыху. Еще несколько дней тому назад все эти люди не знали друг друга. Теперь они добрые знакомые, почти друзья.

Их объединяет ощущение радостной жизни.

Соседство под пляжными тентами.

...Так проходит первый день, и начинается второй. Утром Линьков с удовольствием разглядывал прекрасную комнату, в которую его поместили.

За высокими окнами виднелось море, и его отблески ложились на светлые стены, на чехол мягкого дивана.

А сосед Линькова по комнате, криворожский горняк Александр Ладименко, уже звал товарища:

— Пора! Автобус ждет.

Отправлялась экскурсия по южному берегу, и через полчаса пассажиры санаторного автобуса, остановившись на горной дороге, разглядывали прекрасные окрестности.

Жемчужный корпус санатория «Курпаты», принадлежащий рабочим совхозов.

Стремительно сбегающие к воде домики Гурзуфа.

На обратном пути закапризничал мотор автобуса, зачихал и заглох. Шофер открыл капот и сказал: «Карбюратор засорился». И при слове «карбюратор» Федор Прохорович Линьков встрепенулся.

— Знакомое дело — карбюратор, — сказал он и подошел к машине.— Ну-ка, посмотрим, что с ним приключилось. Ведь это по моей части...

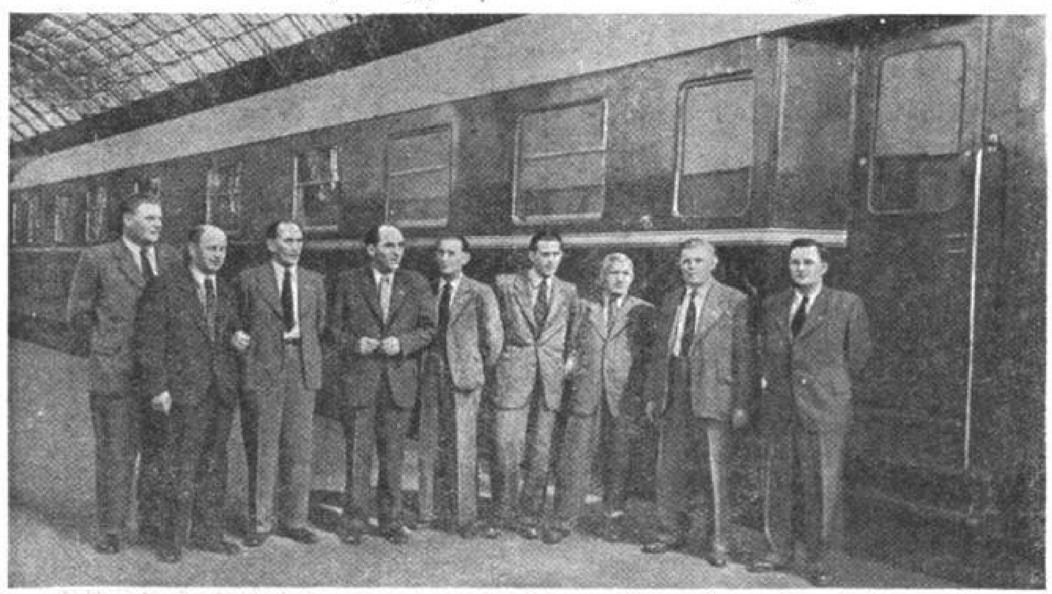
Мы снова встретились с Федором Линьковым через две недели, уже в Москве. Не сразу мы узнали в этом загорелом крепыше нашего знакомого.

— Как отдыхалось, Федор Прохорович? — спросили мы.

— Сами видите,— ответил нам Линьков.— Четыре килограмма набрал!.. На год резерва хватит!

До конца отпуска у Линькова осталось еще несколько дней. Но он сразу же отправился на завод. Хотелось повидать товарищей, узнать новости. Кроме того Федор Прохорович помнил, что сегодня проводится репетиция духового оркестра. И вот товарищи по оркестру торжественным тушем встречают своего пополневшего, улыбающегося дирижера.

Подарок трудящихся Чехословакии товарищу И. В. Сталину

В Москву прибыла делегация трудящихся Чехословацкой республики во главе с генеральным секретарем ЦК профсоюза металлистов Вацлавом Гавелка.

Делегация доставила паровоз и комфортабельно отделанный салон-вагон, построенные трудящимися Чехословакии в подарок товарищу И. В. Сталину в знак безграничной любви и благодарности за освобождение от немецко-фашистских захватчиков.

На снимке: трудящиеся Чехословацкой республики на Киевском вокзале. Слева направо: инженеры М. Свобода и И. Калчик, рабочий О. Шпиндлер, генеральный секретарь ЦК профсоюза металлистов В. Гавелка, рабочий А. Тешки, рабочий-котельщик И. Жак, механик паровоза И. Копач, рабочий И. Петртыл и инженер В. Кукла.

Фото С. Преображенского (ТАСС)

ЖАТВА НА КУБАНИ

Уборка хлеба в колхозе имени Чапаева, Гиагинского района, Краснодарского края.

Фото А. Гличева

Оживленно в эти дни на просторах Кубани. По большакам и проселочным дорогам, поднимая клубы пыли, движутся автомашины, бестарки, подводы. Драгоценный груз — хлеб нового урожая — везут на элеваторы и заготовительные пункты. Над колоннами автомашин и красными обозами шелестят на ветру алые полотнища. У элеваторов колхозники горделиво показывают первые квитанции.

Сотни колхозов и совхозов южных и центральных районов Кубани начали жатву колосовых. Более миллиона гектаров хлеба предстоит убрать нынче труженикам сельского хозяйства Краснодарского края.

На огромных массивах золотой разлив озимой пшеницы. Легкий ветер клонит к земле тяжело налитые колосья. Много сил приложили колхозники, рабочие машинно-тракторных станций и совхозов края, чтобы вырастить обильный урожай на больших площадях.

Никогда еще на полях Кубани не было такого обилия сельскохозяйственной техники, как в этом году. По решению правительства, для машинно-тракторных станций края выделено дополнительно большое количество тракторов, комбайнов — из них много самоходных, 1200 конных граблей, свыше 3 тысяч сортировок, веялок и триеров. Мощная сельскохозяйственная техника позволяет провести уборку колосовых за 12—15 рабочих дней — почти в два раза быстрее, чем в прошлые годы.

...Среди бескрайнего моря хлебов движутся в сцепе два комбайна. Автомашины по стерне подъезжают к ним и на ходу принимают из бункера горячее от солнца зерно. Хорошо работают шоферы. Но начальник комбайнового агрегата Михаил Чаленко торопит их:

— Быстрее возвращайтесь, хлопцы. До вечера нужно еще 200 пудов перевезти. Отличные хлеба. Не успеваешь обернуться — бункер полон.

Михаил Чаленко — опытный комбайнер. Работая на полях колхоза «КИМ», Ейского района, он убирает за смену по 50 гектаров пшеницы. На него равняются и другие водители степных кораблей.

Десятки комбайнов работают в Курганинском, Гиагинском, Северском и других районах, первыми приступивших к уборке.

...За околицей станицы Дондуковской раскинулись поля колхоза имени Чапаева. Полным ходом идет комбайновая уборка. Жаркая погода ускорила созревание. Там, где вчера еще рано было пускать в дело машины, сегодня можно вести уборку комбайнами. У колхозников радостно-приподнятое настроение. Они пожинают богатые плоды своих трудов. С 40 гектаров, убранных за первый день, снято по 44 центнера озимого ячменя. По 30—35 центнеров зерна дает с гектара озимая пшеница.

А. ЯНОВ

Колхозы укрупняются

Минувшей зимой нам случайно довелось услышать любопытный разговор в вагоне пригородного московского поезда. Колхозницы возвращались домой с покупками. Все они были из Дмитровского района. Старушка жаловалась знакомой молодой женщине на плохие дела в своем колхозе:

— У нас все не как у людей. Ни с чем не управляемся. Хлеб молотить — рук не хватает на тракторную молотилку. Вывозить картофель — нет автомобиля. Ферму даже стыдно кому-нибудь показать. Никак не соберемся новый сад посадить. А ведь работаем, стараемся не хуже вас Завидно глядеть на ваш «Борец»!..

Старушка имела в виду известный в Дмитровском районе колхоз «Борец», где председатель, бригадир и еще несколько колхозников были удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Молодая собеседница слушала сочувственно, но с выражением явного превосходства: она была из «Борца». Старуха, высыпав все жалобы на председателя своего колхоза, неожиданно воскликнула:

— Нам бы в председатели вашего Бурмистрова! Он бы все дело повернул на лад!..

Однако соседка при всеобщем одобрении резонно ответила:

— Ваш председатель, конечно, с нашим не сравнится. Но я тебе скажу, Михайловна, что вашему колхозу даже Бурмистров мало чем поможет. Не колхоз у вас, а недоразумение — 11 дворов. Один исход имеете — присоединяйтесь к нам. Я слыхала, некоторые колхозы уже сливаются. Присоединяйтесь!..

Молодая колхозница сказала это сердечно и просто, будто приглашала сесть рядом на свободное местечко. «Присоединяйтесь!» Это большого смысла слово взбудоражило весь вагон. Видимо, оно затронуло больной, всех волновавший вопрос.

Неизбежное вскоре свершилось. К колхозу «Борец» весной присоединились 12 мелких колхозов. Его общая земельная площадь превышает теперь 2500 гектаров. Председателем здесь товарищ Бурмистров.

* * *

Процесс укрупнения, начавшийся в разных районах, быстро охватил все Подмосковье. В начале 1950 года в области было 6069 колхозов, а к 20 июня их число сократилось до 1668.

Укрупнение — огромной важности государственная проблема. Есть в стране области, которые вследствие исторически сложившихся условий состояли почти сплошь из карликовых артелей. Например, в Кировской области их было до 9 тысяч. Мы говорим в прошлом времени потому, что с каждым днем число таких артелей сокращается.

Конечно, еще рано подводить итоги этому знаменательному процессу. В сущности, он только начался, однако, судя по фактам, развивается очень быстро. В Ленинградской области число колхозов сократилось втрое. В Псковской области слилось 1650 колхозов. В Калининской области решили объединиться 2357 колхозов.

Как правило, земельная площадь во вновь образованных артелях увеличивается в 3—4 раза и более. К примеру, самое малое хозяйство Сухиничского района, Калужской области, имело 100 гектаров пашни, теперь — 860. Колхоз в тысячу гектаров весной здесь считали гигантом; сегодня никого не удивляет колхоз с пахотной площадью, вдвое большей.

Исчезли колхозы-карлики, с одной полеводческой бригадой. Слияние открыло простор для наилучшего применения тракторов, комбайнов и других современных машин. Резко расширились функции машинно-тракторных станций.

Укрупнение колхозов — не простое арифметическое сложение материальных ресурсов каждого из них. Оно открыло перед социалистическим земледелием самые широкие перспективы качественного роста. К руководству крупными артелями пришли наиболее политически зрелые и агрономически грамотные люди. Интересно, что колхозники предпочитают выдвигать на руководящую работу агрономов и зоотехников. Прежде специалисты не хотели идти в мелкие колхозы: не видели там для себя творческих перспектив.

Укрупнение сразу же толкнуло вперед животноводство. В Рыбновском районе, Рязанской области, где из 88 артелей образовано 36, развернулось строительство ферм в размерах, которые были не под силу колхозам-карликам.

Еще одно отрадное явление: укрупненные колхозы охотно обращаются в банк за долгосрочными кредитами на строительные цели. Мелкие же хозяйства порой избегали банковского кредита, боясь, что не сумеют его возвратить.

Колхозники ясно понимают все материальные и другие выгоды, которые обещает им и государству укрупнение, и потому всячески его поддерживают.

С. КАНЕВСКИЙ

НОВАЯ БОЛЬНИЦА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Отличный подарок получает коллектив Винницкой железной дороги. Здесь заканчивается строительство большой дорожной больницы, оснащенной первоклассным отечественным оборудованием.

Новая больница с хирургическим, терапевтическим, детским и физиотерапевтическим отделениями откроется к сталинскому Дню железнодорожника.

Фото П. Брондза

Заочники Московского университета

...Кандидат исторических наук К. С. Василенко берет у высокого юноши зачетную книжку, ставит отметку и спрашивает:

— Откуда приехали, товарищ Виноградов?

— Из Куйбышева, — отвечает юноша.

В коридоре его обступает группа студентов.

— Все в порядке, — улыбается Виноградов.

Геннадий Иванович Виноградов, 24-летний слесарь, один из лучших стахановцев Куйбышевского подшипникового завода, окончил с серебряной медалью школу рабочей молодежи. В прошлом году он поступил на заочное отделение филологического факультета Московского университета. Виноградов мечтает стать журналистом. И вот уже сданы экзамены и зачеты по основам марксизма-ленинизма, по введению в языкознание, по современному русскому языку, латыни. Дома Виноградов расскажет товарищам о Москве, Красной площади, мавзолее Ленина, об университете, выступит на занятии литературного кружка.

...С 1931 года работает заочное отделение Московского университета. 2400 человек— представители 32 национальностей Советского Союза — получают здесь высшее образование без отрыва от производства. В старейшем русском университете встречаются библиотекарь В. Н. Саранцева из Фрунзе, электрик М. И. Мучник из Коми АССР, зоотехник А. Г. Зайцев из Караярского зверосовхоза в Азербайджане, писатель Камиль Султанов из Махач-Калы и моряк Северного флота В. П. Селиванов... Всех объединяет общее стремление — овладеть знаниями, стать высококвалифицированными специалистами.

Здесь же занимается преподаватель Ижевской школы по подготовке руководящих колхозных кадров коммунист С. И. Широбоков. Недавно он сдал последний экзамен за четвертый курс.

— Нет ничего увлекательнее, — говорит тов. Широбоков, — чем учиться и учить людей. В ноябре нынешнего года наша Удмуртская республика отмечает свое 30-летие. Постараюсь к этому сроку защитить дипломную работу.

Многие из окончивших заочное отделение продолжают учебу в аспирантуре университета и Академии наук СССР.

С. МОИСЕЕВ

Студент-заочник I курса географического факультета Московского государственного университета Дмитрий Андреевич Мухин на консультации у старшего преподавателя Прасковьи Ивановны Беляевой.

НА УЛИЦЕ ИМЕНИ ЕГО БРИГАДЫ

Бригада каменщика Николая Щеглова складывает дома на улице имени бригады Николая Щеглова...

Такое необычайное явление может иметь место только в нашей стране, где рядовой честный труженик пользуется всенародным уважением.

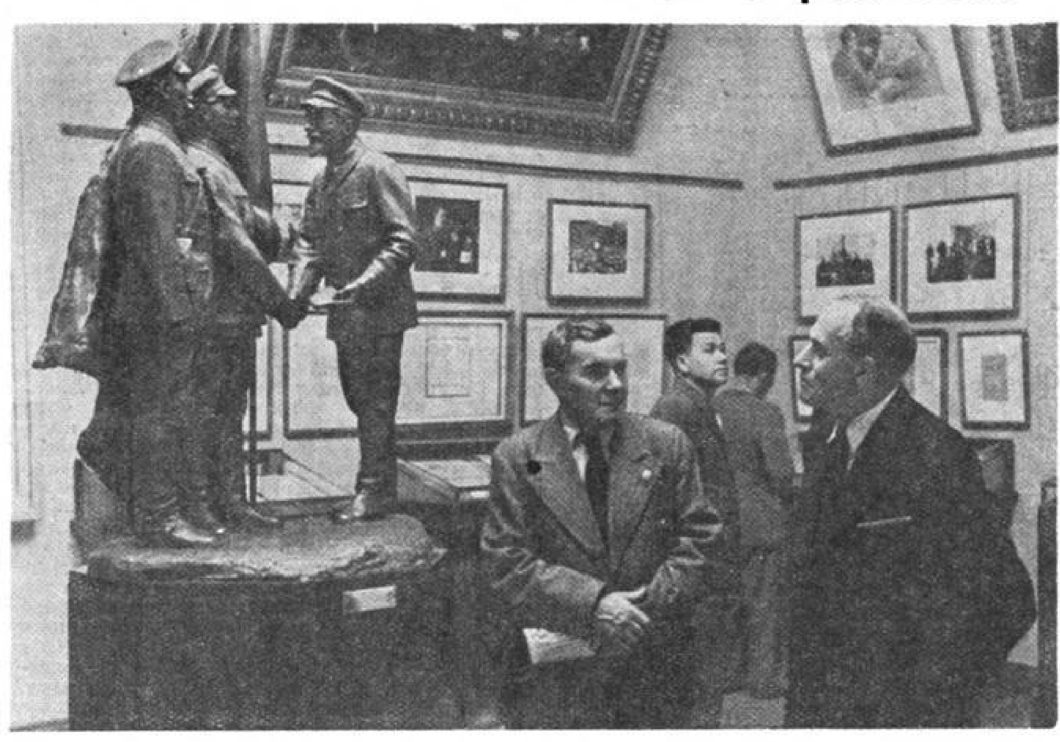
Молодой советский город Комсомольск-на-Амуре непрерывно отстраивается. Лучшая бригада каменщиков, возглавляемая коммунистом Н. П. Щегловым, применяет поточный метод строительства. Целые кварталы жилых домов воздвигнуты бригадой. Недавно один из таких кварталов был заселен. Городские организации высоко оценили труд стахановцев и в их честь одной из новых улиц присвоили имя бригады Николая Щеглова.

Н. П. Щеглов с женой и дочерью гуляет в выходной день на улице имени его бригады.

Фото В. Байдалова (ТАСС)

МУЗЕЙ ВЕЛИКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Старые, кадровые рабочие московского завода «Серп и молот» В. В. Федоров (справа) и П. А. Пугачев пришли на открытие Музея М. И. Калинина. Здесь они увидели картину, на которой художник запечатлел хорошо памятный им эпизод: Михаил Иванович в цехе, в кругу рабочих завода «Серп и молот».

Фото В. Евграфова

Они долго стоят у большого полотна, пристально всматриваясь в любовно выписанные художником фигуры. Дощечка, прикрепленная к раме, гласит: «М. И. Калинин на заводе «Серп и молот». Февраль 1931 года. Художник С. М. Лупов».

...Михаил Иванович в цехе, в окружении рабочих. Они сгрудились у станка. Просветленные лица радостно возбуждены. Молодой парень о чем-то взволнованно рассказывает М. И. Калинину. И председатель ЦИК СССР внимательно слушает, что говорят ему рабочие...

Сейчас они, словно сойдя с картины, находятся здесь, в только что открывшемся в Москве Музее М. И. Калинина. Творение художника по-особому дорого и близко им. Владимир Владимирович Федоров отходит на несколько шагов и, снова оглядывая полотно, говорит:

— Да, так оно и было в тот день... Встретили мы его у проходной, а потом пошли в цех. Михаил Иванович подробно расспрашивал нас, как живем, работаем.

Ветераны завода «Серп и молот» В. В. Федоров и П. А. Пугачев пришли на открытие музея прямо с работы, после дневной смены. Картины, скульптуры, фотографии, документы, книги, газеты — все, что представлено в музее великого революционера, напоминает вдохновенные слова М. И. Калинина: «Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса, заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

Еще не все залы музея открыты. Пока посетители знакомятся с деятельностью М. И. Калинина в период от февраля 1917 года до дня его смерти. Канун Октябрьской революции. Мы видим Михаила Ивановича, верного соратника Ленина и Сталина, в дни подготовки питерских пролетариев к решительному штурму. Читаем газеты «Правда», «Солдатская правда» с острыми статьями, скромно подписанными «Рабочий М. И. Калинин». Большая картина художника П. Бучкина. В здании Морского корпуса идет собрание большевиков Петрограда: слушают доклад В. И. Ленина о Всероссийской апрельской конференции. Председательствует М. И. Калинин.

Фотокопия протокола № 12 исторического заседания ВЦИК от 30 марта 1919 года. С речью о кандидатуре М. И. Калинина на пост председателя ВЦИК выступил В. И. Ленин. Великий знаток людей, Владимир Ильич остановил свой выбор на М. И. Калинине, потому что увидел в нем человека, сочетавшего жизненный опыт передового рабочего и трудящегося крестьянина, глубоко и всесторонне знавшего жизнь народа, его характер и душу.

Карта, испещренная красными флажками, свидетельствует, что не было, пожалуй, такого участка фронта, где бы не побывал М. И. Калинин в пору гражданской войны: за двадцать месяцев 1919 и 1920 годов он провел в поездках 272 дня, посетил свыше 260 городов, сел и деревень.

Партия берет курс на индустриализацию. Калинин в Ленинграде разъясняет решения XIV съезда ВКП(б), разоблачает троцкистско-зиновьевских предателей. Художник запечатлел М. И. Калинина вместе с С. М. Кировым в цехе, среди рабочих Путиловского завода.

Годы сталинских пятилеток. Этот период жизни Михаила Ивановича отражен в музее наиболее полно. Все здесь воскрешает в памяти образ соратника товарища Сталина в борьбе за построение социализма. На картинах художников мы видим М. И. Калинина шагающим по площадке строительства «Ростсельмаша», беседующим с рабочими только что вступившего в строй Челябинского тракторного завода, вручающим акт на вечное пользование землей колхозу «Социалды», Алмаатинского района. Внимание посетителей привлекает большое полотно А. Герасимова, Н. Денисовского и Д. Панина «М. И. Калинин открывает XVI съезд ВКП(б)».

В музее много экспонатов, показывающих деятельность М. И. Калинина — пламенного агитатора и пропагандиста идей партии Ленина — Сталина. На стендах рукописи конспектов, планы докладов, выписки из книг, прочитанных перед выступлениями.

С большим интересом рассматриваются личные вещи Михаила Ивановича. Вот вещи с его письменного стола в кремлевском кабинете. Лампа дневного света. Палехская коробочка с табаком. Очки. Мундштук. Книги. В этом же зале — последние фотографии. М. И. Калинин среди артековцев (май 1946 года); М. И. Калинин в Севастополе, на вокзале, перед отходом поезда. Снимок сделан 30 мая 1946 года. А 3 июня глубокой болью в сердце народа отозвалась горестная весть: умер Михаил Иванович.

В скорбном молчании входят люди в зал, посвященный дням глубокого траура. Большое фотопанно: товарищ И. В. Сталин, члены Политбюро у гроба с телом М. И. Калинина. Посмертная маска. Высокие награды, которыми Родина удостоила Михаила Ивановича. На красном бархате лежит партийный билет № 19. Время вступления в партию — 1898 год...

Под стеклом — газеты в траурных рамках, телеграммы, письма со словами большой печали. Они пришли из различных концов Союза, от трудящихся зарубежных стран. В них одна, общая для всех, ясно выраженная мысль: жить, трудиться, бороться, как Михаил Иванович Калинин.

Л. ЛЕОНИДОВ

Выставка куйбышевских художников

И. Ф. Борисов. «А. М. Горький в период его работы в «Самарской газете» (1895 год)».

В Куйбышеве открылась выставка местных художников. Внимание посетителей привлекает портрет А. М. Горького, созданный талантливым скульптором В. П. Акимовым. Много работающий над образом А. М. Горького скульптор сумел найти для этого портрета особенно выразительные черты, которые воскрешают облик великого писателя таким, каким он был в последние годы своей жизни.

Интересна картина старейшего куйбышевского художника И. Ф. Борисова, изображающая Горького в период, когда он только начинал свой литературный путь. Образ, созданный художником, привлекает жизненной правдой. Мастерски воспроизведена обстановка комнаты, в которой Горький — фельетонист «Самарской газеты» и автор «Песни о Соколе» — жил в 1895—1896 годах.

Эти два произведения наиболее выразительные и яркие из всех пятидесяти работ, экспонированных на выставке. Кроме того здесь представлены пейзажи Подбельского («На Волге», «Волга у парка культуры», «Весенний день») и Михроняна («Овраг близ села Алакаевки» — поволжского села, недалеко от которого некогда жил В. И. Ленин), рисунки карандашом и тушью Филипченко («Суда на Волге», «Дача», «Домик среди деревьев»), иллюстрации Свидерского к роману Тургенева «Отцы и дети».

Значительно слабее представлен труд советских людей. Интересная по теме картина И. Цыбульника «С высокой наградой» не доработана, не выписан задний план, небрежен рисунок, не продуманы пропорции и перспектива.

Выставка новых произведений куйбышевских живописцев, скульпторов, графиков, размещенная в двух просторных залах областного Дворца культуры, привлекает множество посетителей. На состоявшемся обсуждении авторы картин и скульптур получили много ценных пожеланий. Высказывались требования воспеть труд, шире и ярче показать социалистический Куйбышев, город крупного машиностроения, и Куйбышевскую область, область прославленной поволжской пшеницы, возделываемой колхозами.

Б. НИКОЛАЕВ

За мир, за социализм!

По страницам журнала «Народно-демократическая Румыния»

В Бухаресте вышел в свет первый номер ежемесячного журнала «Народно-демократическая Румыния». Как сообщает редакция, новый общественно-политический и литературный журнал ставит своей целью знакомить трудящихся разных стран с теми великими преобразованиями, которые сейчас происходят в Румынии, успешно строящей социализм.

Перед нами первый номер журнала на русском языке. Публицистические статьи, очерки, живые зарисовки и информация, фото и цветные вкладки ярко показывают, как трудящиеся Румынии, строя свою демократическую республику, борются за прочный и длительный мир и дружбу между народами.

В журнале выступили академик Константинеску-Яшь, писатели Иштван Ногь и Александр Тома, видные румынские журналисты и художники.

В корреспонденции, посвященной сталеварам Решицы, рассказывается о подвиге мастера Думитру Гропшана. Случилось так, что жидкий чугун прожег стенку доменной печи. Сначала вырвалась струя раскаленного металла, затем через брешь полилась огненная река. На помощь доменщикам сбежались десятки людей. Но как помочь делу, когда к пробитой стенке уже не подойдешь? Не растерявшись, Думитру Гропшан прыгнул к распределительной доске. Он трижды, что было сил, нажал на выключатель воздушного тока. Тотчас поток чугуна уменьшился. Теперь доменщики смогли подойти к бреши и заделать ее.

В журнале опубликовано много других материалов, показывающих новое отношение к труду, черты социализма в быту трудящихся.

Очерк «Больше нефти!» рассказывает о трудовых успехах нефтяников долины Праховы. Здесь обширная стройка, на которой работы ведутся круглые сутки. Рабочие промыслов сверх плана вводят в строй все новые и новые буровые, называя их «скважинами мира». Все шире и глубже на нефтяных промыслах страны применяется опыт советских нефтяников. Инженер Василий Георгиу на промысле Мунтения ввел технологический процесс, всецело руководствуясь советским опытом. Многие скважины стали давать нефти на 30—40 процентов больше.

На страницах журнала помещены портреты выдающихся новаторов — строителей народной Румынии: сталевара Иона Поп, ткачихи Марии Андрей, нефтяника Александра Костаке, токаря завода «Республика» Константина Минку и других.

Журнал сообщает, что недавно прошли испытания первого румынского комбайна. Эта машина создана на бухарестском заводе имени Василе Ройта.

С большим интересом читается репортаж Л. Годяну о деятельности комитета в защиту мира на заводе имени 1 Мая в Плоешти. Члены комитета — передовые, наиболее уважаемые люди завода. Вот, например, Аурелия Барбулеску. В прошлом домработница, она только после освобождения зажила настоящей жизнью, став механиком гигантской подъемной машины. Недавно она награждена орденом Труда II степени.

Выход журнала «Народно-демократическая Румыния» — важное культурно-политическое событие. Журнал идет навстречу желанию трудящихся Советского Союза и стран народной демократии знать жизнь новой, демократической Румынии, внимательно следить за глубокими преобразованиями, происходящими в стране.

Толковый словарь грузинского языка

Издательство Академии наук Грузинской ССР выпустило первый том «Толкового словаря грузинского языка».

Интерес к этому изданию велик. Среди его многочисленных подписчиков — ученые, писатели, журналисты, студенты, работники различных отраслей хозяйства и культуры советской Грузии.

Грузинский язык — один из древнеписьменных языков мира. Надпись на грузинском языке, как свидетельствуют памятники материальной культуры, датируется еще концом V века нашей эры. Древняя грузинская литература представлена многими сотнями рукописей. Основной словарный фонд грузинского языка, являющийся величайшим богатством народа, на протяжении многих веков устоял против влияния языков иноземных захватчиков и ныне, сохраняя всю свою силу, пополненный и еще более обогащенный за годы советской власти, с успехом обслуживает грузинскую советскую социалистическую культуру.

Первый том «Толкового словаря», включающий слова на буквы «А» и «Б», имеет 1212 столбцов основного текста. Здесь представлено толкование 11 237 слов. Все издание рассчитано на 8 томов и охватывает 125 тысяч слов.

Словарь выходит под общей редакцией профессора Тбилисского государственного университета имени Сталина — Арнольда Степановича Чикобава. Профессор Арнольд Чикобава является также редактором первого тома.

В комиссии «Толкового словаря» мы услышали интересный рассказ о том, какая ведется сложная и кропотливая работа по составлению словаря.

Вначале немного истории. Первым толковым словарем грузинского языка является известный словарь Саба Сулхана Орбелиани, законченный в 1716 году; он включает слова как древнегрузинского языка, так и современной автору грузинской речи.

В 1887 году вышел пространный грузинско-русский словарь Д. Чубинашвили, в основу которого был положен труд Орбелиани.

При составлении нынешнего «Толкового словаря грузинского языка», который по полноте содержания и по объему превосходит все ранее известные издания этого рода, учтен богатейший научный опыт, накопленный за последние десятилетия. Работы велись под руководством специальной комиссии при президиуме Академии наук Грузинской ССР в составе: профессоров Г. Ахвледиани, В. Беридзе, В. Топурия, А. Чикобава (председатель), Г. Церетели, доцентов С. Вачнадзе, Т. Ломоури, С. Ментешашвили. В работе комиссии принимал участие покойный академик С. Джанашиа.

Комиссия начала свою деятельность в 1945 году. В то время в ее распоряжении был словник, составленный лексикологическим отделом Института языка Академии наук Грузинской ССР. Постепенно этот словник пополнялся, создавался фонд документации для иллюстрации значения слов примерами из художественной, научной и общественно-политической литературы, разрабатывались принципы расположения и толкования слов. Ко всей этой большой работе были привлечены филологи, писатели, специалисты различных отраслей знаний. При толковании значений слов широко были использованы: произведения классиков марксизма-ленинизма, классическая и современная грузинская художественная литература, пословицы, поговорки. Ныне Главная редакция располагает картотекой, охватывающей 1710 тысяч выписок из различных произведений 95 авторов. Закончено толкование 95 тысяч слов.

Прежде чем выпустить первый том, был издан малым тиражом пробный выпуск словаря. Его разослали писателям, научным работникам, преподавателям грузинского языка... В ответ поступили многочисленные отзывы, критические замечания, которые были рассмотрены и учтены в процессе подготовки к печати I тома.

Работа над последующими томами «Толкового словаря» продолжается. К концу 1950 года выйдет из печати II том.

Н. НОВИЦКИЙ

КОРОТКО

«ПУШКИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» — новое издание, подготовляемое Институтом русской литературы Академии наук СССР совместно с другими научными учреждениями. Этот трехтомный коллективный труд даст марксистско-ленинское освещение биографии и творчества гениального поэта.

ПЕРВЫЙ В ЭСТОНИИ научно-технический лекторий работает на таллинском машиностроительном заводе «Ильмарине». Закончился цикл лекций «В помощь рационализатору». Полученные знания новаторы производства применяют на практике. Токарь механического цеха Крафт в три раза увеличил скорость резания металла. Литейщик Мильбах, изменив технологию плавки стали, вдвое увеличил производительность печи.

МАТЕРИАЛЫ ФАМИЛЬНОГО ФОНДА КНЯЗЕЙ РАДЗИВИЛЛОВ

Недавно Государственный архив Минской области приобрел многочисленные документы фамильного фонда князей Радзивиллов. Фонд содержит около 30 тысяч дел. Научные сотрудники архива приступили к их обработке.

В делах хранятся оброчные и различные податные ведомости, рапорты об отработанной крестьянами барщине, жалобы крестьян на притеснения арендаторов, расчетные книжки батраков, рисующие картину социально-экономических и политических условий жизни белорусских крестьян в XVI—XVII веках. Документы так всеобъемлющие и последовательно рисуют условия и характер жизни в некоторых районах Белоруссии, что по ним можно было бы написать историю многих белорусских селений.

Приобретенные материалы дают ценные сведения о развитии в Белоруссии ремесел, торговли, крепостных «фабрик», заводов, капиталистической мануфактуры. В частности, обнаружены документы о Слуцкой и Несвижской «фабриках» «перских» (персидских) тканей (середина XVIII века), о «фабриках» слуцких поясов.

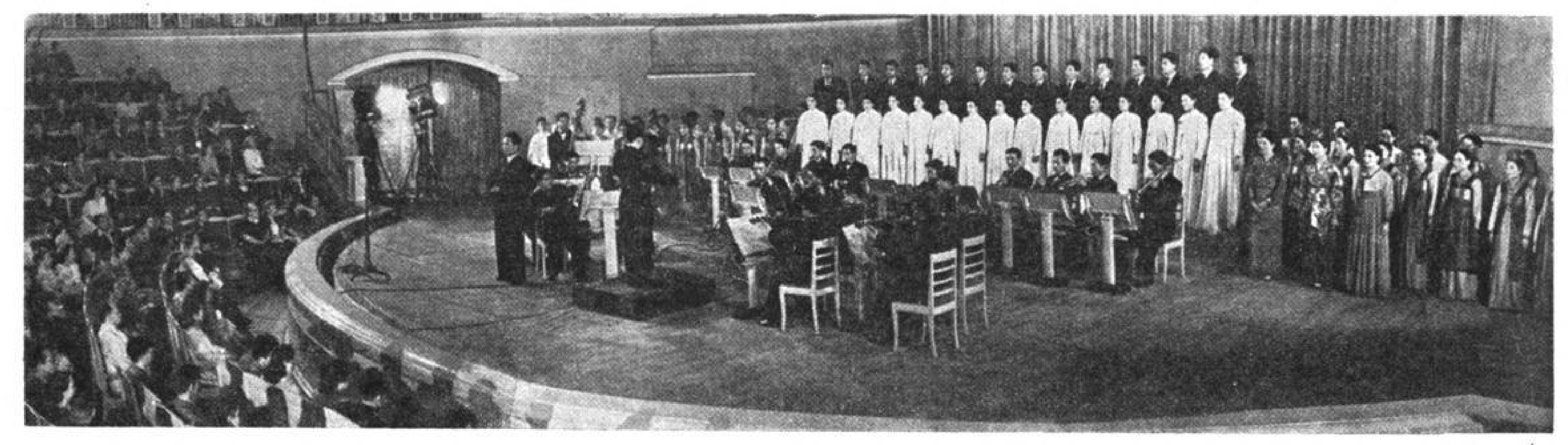
Любопытен один из документов, относящихся к 1850 году. В нем сообщается, что Николай I в сопровождении министров проезжал по новому шоссе из Бобруйска в Брест-Литовск. Судя по письму министра внутренних дел, условия жизни крестьян в деревнях, расположенных вдоль шоссе, были столь ужасающими, что обратили на себя внимание даже царя. «Государь император изволил заметить, что оба селения (речь идет о двух деревнях, расположенных близ Старых Дорог) находятся в таком неимоверно нищенском положении, что хижины едва похожи на клетки для свиней, почти все в разрушенном состоянии до такой степени, что понять нельзя, чтобы не только люди, но даже животные в них помещаться могли».

Но государь, «изволив заметить», сделал следующие выводы, о которых мы узнаем из письма того же министра: он дает указание виленскому, гродненскому, минскому и ковенскому генерал-губернаторам выстроить хорошие деревни... вдоль шоссе.

Интересные материалы фамильного фонда князей Радзивиллов, несомненно, привлекут внимание историков.

А. КУЛАКОВСКИЙ

ИСКУССТВО СВОБОДНОЙ КОРЕИ

На концерте корейских артистов в Концертном зале имени Чайковского. Фото О. Кнорринга

С интересом ждали москвичи первой встречи с артистами — посланцами свободного корейского народа. Встреча эта была значительной и радостной. Танцы, песни, инструментальные мелодии, веками хранимые народом, полные своеобразного обаяния, гармонично переплетены в выступлениях корейских артистов с ростками нового искусства демократической Корейской республики.

...Невелик по составу хоровой коллектив Пхеньянского художественного театра (художественный руководитель — Пак Гван У). Но как выразительно и взволнованно были им исполнены «Кантата о Сталине» Александрова, «Гимн демократической молодежи» Новикова!

Легким, словно летящим звуком лирико-колоратурного сопрано, точностью интонации, неповторимым изяществом завоевала симпатии слушателей солистка художественного театра Ю Ун Ген. Ли Ген Паль (баритон), Ким Ван У (бас) сочетают большую вокальную культуру с подлинно народной манерой пения.

Лучшие вокальные произведения корейских композиторов — о славных делах корейских партизан, о радости свободного труда — связаны с традициями народного песенного творчества. В исполнении хора особенно запомнилась «Песнь рыбаков» композитора Ан Ги Ок.

Интересен и своеобразен ансамбль старинных народных инструментов, руководимый Ан Ги Ок. Здесь и струнный «каягым», насчитывающий тысячи лет жизни, и «чан го» — барабан, и духовые инструменты, напоминающие птичьи голоса...

Большой успех имели выступления танцевальной студии, которой руководит известная корейская балерина Цой Сын Хи. Целый мир чувств раскрывается перед зрителем в пластичных, полных внутренней музыкальности движениях танцовщиков. На народной танцевальной основе талантливые исполнители смело и выразительно создают новые образы, близкие к современной жизни.

«Сквозь бурю» — так назвала исполняемую ею хореографическую сценку балерина Цой Сын Хи. На утлой лодчонке сквозь ревущие волны и ветер везет корейский старик-крестьянин оружие для партизан. Его руки слабеют в неравной борьбе со стихиями; его суденышко, как жалкую скорлупку, швыряет ураган во все стороны. Но воля патриота крепка, и, вопреки всем опасностям, лодка достигает цели. С необыкновенным актерским и танцевальным искусством исполняется эта сценка талантливой балериной.

Из молодых артистов-танцоров особенно выделяются Ан Сон Хи и Ким Пек Пон, получившие премии на конкурсах во время фестивалей демократической молодежи в Праге и Будапеште.

Колоритны и виртуозны старинные корейские танцы — с барабанами, веерами, саблями, — воинственный женский танец с кинжалами.

Многообразное искусство корейских артистов вызвало восторженный прием у зрителей, по достоинству оценивших художественные достижения корейского народа.

К. АЛЕКСАНДРОВА

Театр города Проскурова

Когда в вагоне рядом с деревьями, которым надлежало «расти» в селе возле домика «Наталки-Полтавки», поместилась вся цветущая «Калиновая роща», сборы можно было считать законченными, и коллектив, расположившись в другом вагоне, тронулся в путь.

Государственный областной драматический украинский театр имени Г. И. Петровского отправился на летние гастроли.

Так бывало каждый год. Показав в течение осенне-зимнего сезона 10—12 премьер жителям города Проскурова, где находится стационар театра, и в районах, расположенных на 100—120 километров вокруг, летом театр уезжал на гастроли.

За 16 лет своего существования коллектив побывал в Грузии, Азербайджане, Молдавии, Белоруссии, на Дальнем Востоке. В гастрольных спектаклях принимали участие ведущие украинские артисты оперы и драмы — народные артисты СССР Бучма, Литвиненко-Вольгемут, Паторжинский...

В текущем репертуаре театра 38 пьес — драма и комедия, народная и комическая опера. Артисты театра, среди которых 5 старейших удостоены звания заслуженных, одинаково искусно поют, играют, танцуют.

С афиши театра не сходят имена Гоголя, Островского, Горького, украинских классиков И. Тобилевича (Карпенко-Карого), И. Франка, М. Кропивницкого, советских драматургов А. Корнейчука, К. Тренева, К. Симонова, Л. Леонова. Давняя и тесная дружба завязалась у коллектива с драматургом А. Корнейчуком. Театр ставил первым многие его пьесы, более 10 лет идет «Платон Кречет». Со дня основания театра держатся в репертуаре «Наталка-Полтавка», «Запорожец за Дунаем».

В июне нынешнего года театр вновь начал свои гастроли. Наряду с выступлениями в крупнейших городах РСФСР он будет обслуживать линейные и узловые станции, депо, клубы и дома культуры железнодорожников.

Сейчас театр показывает свои спектакли в Москве.

Н. СЕМЕНОВА

Сцена из спектакля «Майская ночь».

«Скульптурная фотография»

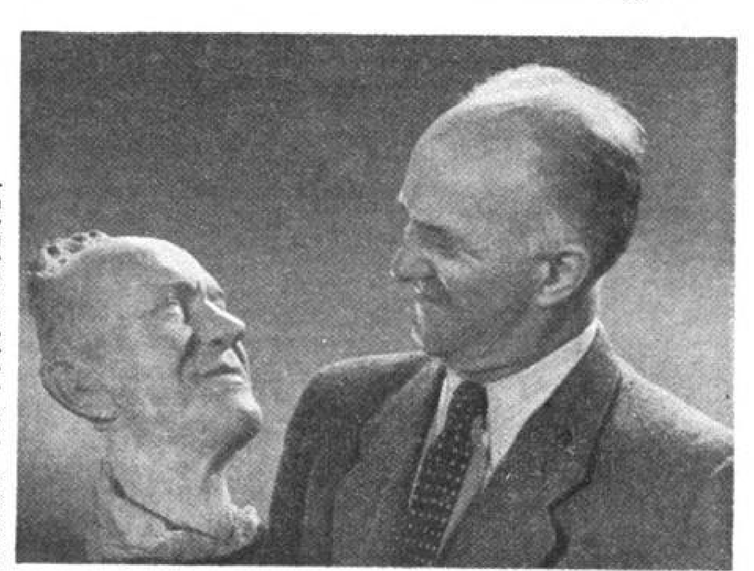
В углу одного из цехов Московского электрозавода за небольшой перегородкой работал высокий худощавый человек в белом халате. Сюда приходили лучшие люди предприятия.

Через несколько дней электрозаводцы могли видеть скульптурные портреты своих товарищей. Портреты были сделаны Борисом Петровичем Бацкичем по новому, изобретенному им способу «документальной скульптуры».

Известны скульптурные маски, но их снимают лишь с мертвецов. Были попытки сделать маску с живого человека. Вставляли трубки для доступа воздуха и накладывали теплый гипс, «замуровывавший» лицо. Черты получались искаженными, и уж, во всяком случае, под такого рода маской никто не мог улыбаться.

Б. П. Бацкич нашел способ создавать «скульптурную фотографию» с живого лица. Он выработал несколько смесей, состоящих из пластических масс, способных при нанесении их на кожу лица быстро затвердевать, «схватываться».

...Сеанс начался. Человек сидит в удобном кресле и наблюдает в зеркало, как на его лицо, предварительно смазанное вазелином, скульптор аккуратно накладывает твердые пластические массы. Вот видны уже только глаза и два небольших отверстия у ноздрей. Через 15—20 минут после начала сеанса получается законченный застывший негатив, который безболезненно снимается с лица. После небольшой «ретуши» негатива в него, как и в любую объемную форму, можно заливать гипс или бронзу. Скульптору остается добавить от себя зрачки глаз и волосы. Так получается документально точный скульптурный портрет.

Киноартист Ф. В. Блажевич и его скульптурный портрет.
Фото Н. Наумова-Стража

Для позирующего сеанс длится всего лишь 15—20 минут. Но для художника работа начинается задолго до начала сеанса. Скульптор наблюдает человека у рабочего места, в быту, стараясь уловить самые характерные черты, чтобы будущий портрет изображал не только анатомические особенности лица, но и выражал духовный облик человека.

Так были созданы портреты Н. А. Семашко, народных артистов В. И. Качалова и И. М. Москвина, драматурга Шалвы Дадиани, ветерана конькобежного спорта Я. Мельникова, строителей Днепростроя. Почетное место в этой галерее занимают портреты героических защитников Севастополя.

Около четырехсот портретов создал Б. П. Бацкич. Стахановцы, ученые, писатели, артисты, спортсмены... В этой галерее можно увидеть русских и китайцев, негров и индусов, представителей многочисленных народностей нашего необъятного Союза.

По мнению крупных советских антропологов проф. М. С. Плисецкого и лауреата Сталинской премии М. М. Герасимова, метод «документального портрета», разработанный Б. П. Бацкичем, неоценим для антропологов, этнографов, историков.

Однако как обычная фотография не заменяет живописи, так и документальная скульптурная фотография вовсе не призвана подменить творческий скульптурный портрет. Наоборот, работы Бацкича приходят на помощь художнику, скульптору, актеру, изображающим живой облик человека.

Бор. ЯРАНЦЕВ

ЧУДЕСНАЯ ЖИДКОСТЬ

Беседа с лауреатом Сталинской премии доктором физико-математических наук В. П. ПЕШКОВЫМ

Выдающийся советский физик Василий Петрович Пешков за открытие второго звука в гелии-2 удостоен Сталинской премии. Нашему корреспонденту В. П. Пешков рассказал о работах советских ученых в области сверхнизких температур.

Эту необыкновенную жидкость нельзя хранить в ненадежной посуде: достаточно микроскопического отверстия, через которое вода не вылилась бы даже в тысячу лет, и чудесная жидкость начнет быстро вытекать.

Ее нельзя оставлять и в прочном, но не закрытом наглухо сосуде. На наших глазах странная прозрачная пленка поднимется по стенкам, переползет через край и начнет стекать вниз, расплываясь, как чернильное пятно по промокательной бумаге.

Когда эта жидкость кипит, очень быстро испаряясь, она не бурлит, не пенится, в ней не появляются пузырьки. Ее поверхность остается зеркально гладкой, пока вся она не исчезнет, словно растаяв в воздухе.

Это вещество точно принесено к нам с другой планеты, — да нет, больше того, совсем из другого мира. Ведь на всех планетах действуют одни и те же законы физики, а чудесная жидкость как будто не подчиняется обычным законам.

Возьмем несложный физический прибор, называемый сегнеровым колесом. Это небольшой сосуд, из которого внизу выходят несколько изогнутых трубок. Любая налитая в него жидкость будет вытекать из трубок и заставит колесо вращаться.

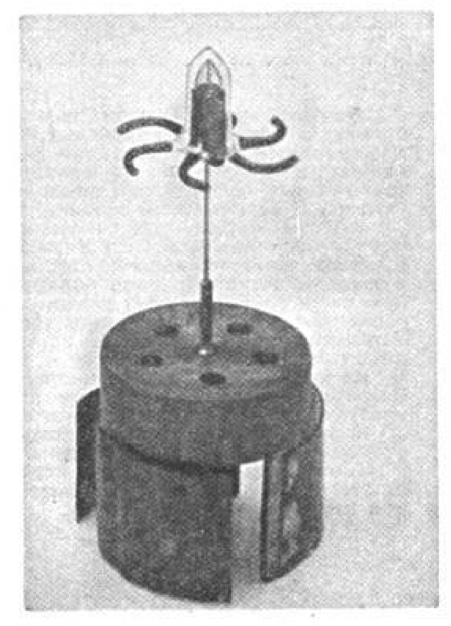
Закроем теперь такое сегнерово колесо сверху наглухо, зачерним его головку и, насадив на иглу, опустим в термостат с чудесной жидкостью. Жидкость сразу же проникнет внутрь колеса и заполнит его. Стоит теперь направить на колесо сильный луч света, и оно начнет вращаться, не останавливаясь, словно в нем непрерывно пополняется запас необыкновенной жидкости.

Что же это за фантастическая жидкость? Могут ли ученые объяснить ее чудесные свойства?

В природном состоянии это вещество не встречается, оно получено в лаборатории искусственно. Эта единственная в мире по своим свойствам жидкость носит имя гелий-2.

Обычный гелий — самый легкий из благородных газов — получил свое название в честь солнца, которое древние греки именовали Гелиос. Сама история открытия этого элемента также в высшей степени интересна.

В 1868 году, во время полного солнечного затмения, несколько астрономов-наблюдателей, находившихся в разных местах земного шара, заметили в спектре солнца желтую линию какого-то неизвестного элемента. Однако

Сегнерово колесо.

больше четверти века поиски его на земле были тщетными. И многие исследователи высказали предположение, что «небесный элемент» никогда не попадет в наши руки...

Но вот почти одновременно его нашли в земном минерале — ураните — и обнаружили, что пузырьки чистого гелия выделяются из воды Вильбадских источников в Шварцвальде. Открытия быстро следовали одно за другим: солнечный газ был найден в земной коре, в звездах, в метеоритах и, наконец, выяснилось, что он примешан даже к обыкновенному воздуху, которым мы дышим, — правда, всего лишь одна часть гелия приходится на 185 тысяч частей воздуха.

Новый элемент получил место в менделеевской таблице и приобрел все права гражданства. Даже техника стала предъявлять на него спрос: гелием начали наполнять дирижабли: он не горюч и обладает почти такой же подъемной силой, что и водород; гелий применили для кессонных работ: примешанный к воздуху, он предотвращает так называемую кессонную болезнь водолазов; им наполняют лампы и осветительные трубки: он удлиняет срок службы лампочек и дает цветной свет. Электротехники сконструировали выключатели высокого напряжения, используя гелий, и поставили опыты охлаждения им электромоторов: он не поддерживает горения и можно не опасаться появления искр. Гелий проник в консервную промышленность: он инертный газ, неспособный образовывать химические соединения, предотвращающий окисление и порчу продуктов. И, наконец, он завоевал область низких и сверхнизких температур.

Долгое время считалось, что гелий является постоянным газом, таким, который не может быть сжижен ни при каких давлениях и температурах. И только через сорок лет после открытия его обратили в бесцветную, чрезвычайно прозрачную и очень легкую жидкость. Для этого понадобилась температура в 269 градусов холода — лишь на 4,2 градуса выше точки абсолютного нуля.

Здесь-то, в области сверхнизких температур, советские ученые и сделали ряд важных открытий, расширивших наши представления о природе и заставивших пересмотреть некоторые законы, казавшиеся незыблемыми.

Обыкновенный жидкий гелий — теперь его называют гелий-1 — мало отличается от других жидкостей. Но при температуре в 2,19 градуса выше абсолютного нуля с ним происходит странное изменение. В этой точке — она именуется греческой буквой λ — лямбда — гелий превращается в совершенно другое вещество с новыми, необычайными свойствами. Эту чудесную жидкость и называют гелий-2.

Если бы несколько десятков лет назад какой-нибудь автор фантастических рассказов описал вещество, похожее на гелий-2, то ученые прошлого века, вероятно, объявили бы такую выдумку абсолютно антинаучной. Но как бы удивился ученый того времени, если бы в его лаборатории действительно появился баллон с жидким гелием-2! Исследовав его, физик XIX века должен был бы признать, что либо собственные чувства его обманывают либо мировые законы, которые он изучал всю жизнь, неверны.

— Гелий-2 не подчиняется закону тяготения, — заявил бы наш старомодный физик. — Он поднимается вверх без видимой причины, он перетекает из одного сосуда в другой без приложения какой-либо силы!

— Ваш второй гелий не подчинен и законам гидродинамики, — сказал бы он после ряда опытов. — Жидкий гелий движется в тончайших капиллярных трубках или протекает сквозь микроскопические отверстия без трения, он сверхтекуч.

— Гелий-2 не может затвердеть, — добавил бы он после ряда безуспешных попыток. — Даже при абсолютном нуле, когда все земные вещества превращаются в твердые кристаллы, гелий остается жидким.

Но совершенно в тупик стал бы старый профессор, исследовав теплопроводность гелия-2.

— Ведь здесь полная аналогия со звуком, — сказал бы он. — Тепло пробегает в гелии упругими незатухающими волнами. Тепло распространяется, как звук, но лишь в десять раз медленнее обычного. Здесь его можно назвать вторым звуком.

Наука прошлого века не смогла бы разъяснить всех этих загадок. Это сделали советские ученые, обладающие более широким миропониманием и знающие не только классические законы физики, но и более глубокие и общие закономерности, открытые современной наукой.

За последние полвека ученые проникли в микромир — целую вселенную атомов, атомных ядер, электронов, световых частиц, рентгеновых и икс-лучей. В этом мире действуют частицы, в миллиарды раз меньшие, чем сам атом. Здесь господствуют скорости, близкие к скоростям света.

При таких условиях в микромире уже неприменимы законы обычной, так называемой классической механики. И философы-идеалисты на Западе, а вслед за ними многие буржуазные исследователи стали утверждать, что микромир принципиально непознаваем, что он в корне отличен от нашего видимого мира.

— В нем нет ни причины, ни следствия, — говорили они. — Микрочастицы движутся не зависимо от внешних побуждений, а лишь так, как им хочется. Они обладают «свободой воли».

Сильнейший удар по этим идеалистическим представлениям нанесли советские ученые, изучившие необычайные свойства гелия-2. Они установили, что гелий-2 подчиняется законам не классической, а квантовой механики — новой науки, рожденной и получившей развитие лишь за последние годы. Квантовая механика — наука о законах микромира — объяснила все чудесные свойства гелия-2, казавшиеся непонятными. Советские физики доказали, что гелий-2 является связующим звеном между микромиром и макромиром (миром больших тел). Это единственная известная нам квантовая жидкость.

Основной особенностью, которая объясняет и сверхтекучесть и другие удивительные свойства квантовой жидкости, оказалось совершенно непривычное состояние тепла в ней. Обычно тепло проявляется в движении молекул. В квантовой жидкости оно существует в виде отдельных квантов, как бы частиц тепла, примешанных к веществу.

Таким образом, в описанном нами опыте с сегнеровым колесом не жидкость вытекает из трубок, как подумал бы физик XIX века, а тепло. «Струя» квантов тепла и заставляет колесо вращаться.

Благодаря своему квантовому состоянию тепло распространяется в гелии-2 не так, как обычно: не передается от молекулы к молекуле, а сразу пробегает по всей жидкости, подобно звуку.

В этом разгадка второго звука.

В краткой беседе невозможно рассказать обо всех исследованиях теоретического и экспериментального характера, которые были произведены при изучении гелия-2.

Эти исследования еще раз показали мощь советской науки, вооруженной диалектическим методом. Она смело проникает в области, которые еще вчера казались недоступными человеку. Выяснилось, что те законы, которые считались всеобъемлющими, имеют ограниченную область применения. И в то же время это открытие еще раз подтвердило, что мир познаваем, что нет границ человеческому разуму, изучающему природу.

Советское правительство наградило Сталинскими премиями ученых, открывших квантовую природу гелия-2 и объяснивших его чудесные свойства. Такая высокая награда — лучшее свидетельство большого теоретического, философского значения этих трудов.

Притушены люстры в зрительном зале Днепропетровского Дворца культуры металлургов имени Ильича. Дирижер взмахнул палочкой, и в тишину зала полились звуки чарующей музыки Римского-Корсакова.

РАБОЧАЯ ОПЕРА

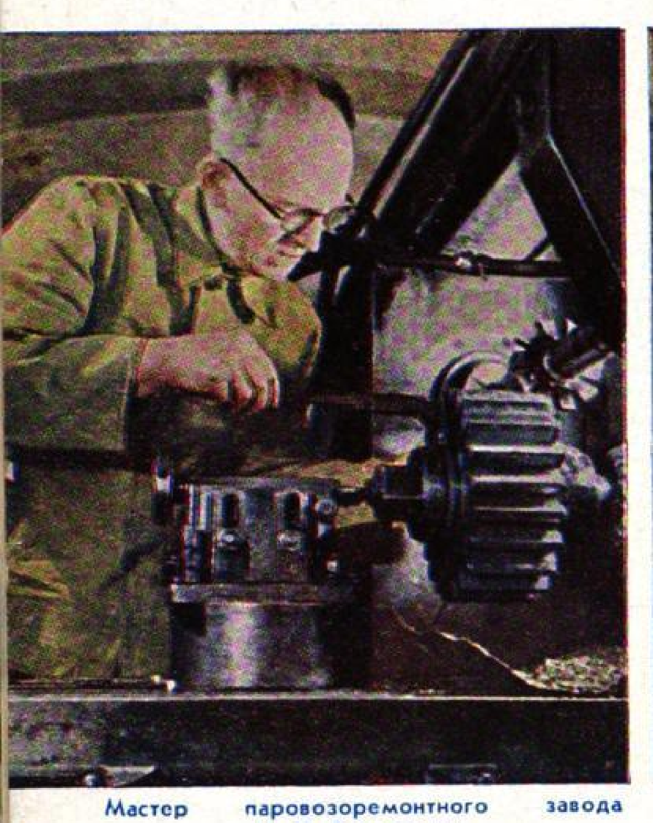
Цветные фото С. Фридлянда

Сегодня исполняется опера «Майская ночь». Зрители увлечены прозрачной музыкой, отличными голосами и игрой артистов, обаянием гоголевского юмора, стремительными украинскими танцами. Многие присутствующие с особым удовольствием, хотя и не всегда сразу, узнают в забавном, жизнерадостном Каленике десятника эстакады доменного цеха завода имени Петровского, в романтической Ганне — телефонистку с завода имени Ленина, в парубке Левко — коменданта Дворца культуры... Все исполнители — участники художественной самодеятельности.

В Днепропетровской области художественная самодеятельность стала массовой, разнообразной. Свое искусство показывают танцоры, певцы, музыканты, чтецы, актеры, художники... Щедро проявляются народные таланты, совершенствующие мастерство в сотнях художественных коллективов городов и сел области. Только во Дворце культуры имени Ильича работает около двадцати различных кружков. Здесь же возник оперный коллектив. В нем участвуют люди разных возрастов и профессий, от шестилетней балерины Светы Паниной до 54-летнего мастера паровозоремонтного завода Н. П. Горнатенко. С одинаковой любовью и серьезностью работают над ролями и шофер-комсомолец Е. М. Зема и доменщик-коммунист Н. П. Корзинов.

Много энергии и профессионального мастерства отдают рабочему оперному коллективу его руководители — дирижер А. Ф. Батюк, хормейстер Н. К. Мельник, режиссер Ю. А. Корбин и балетмейстер Пава Федоровна Мцевич.

Сцена из оперы «Майская ночь».

Мастер паровозоремонтного завода Н. П. Горнатенко.

Н. П. Горнатенко в роли Головы в опере «Майская ночь»

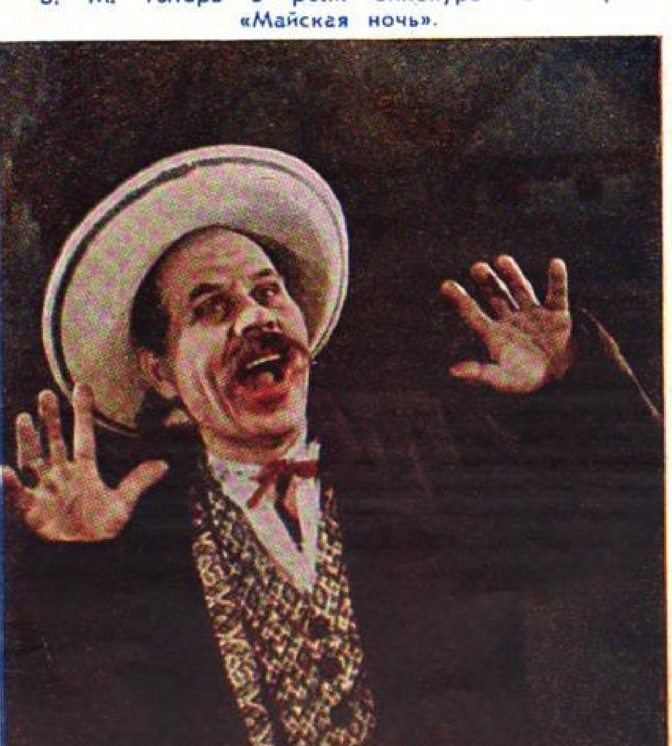
Токарь доменного цеха завода имени Петровского В. М. Тытарь.

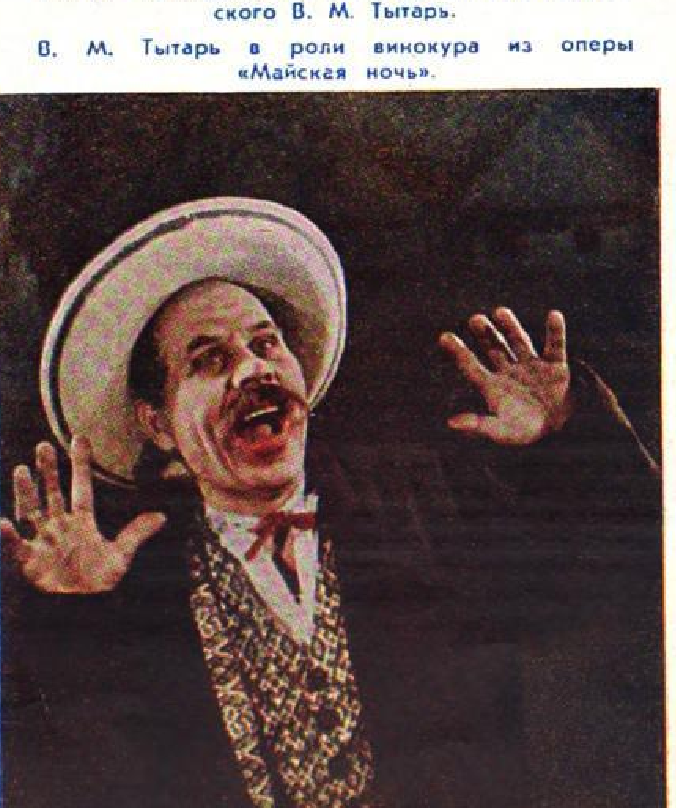
В. М. Тытарь в роли винокура из оперы «Майская ночь».

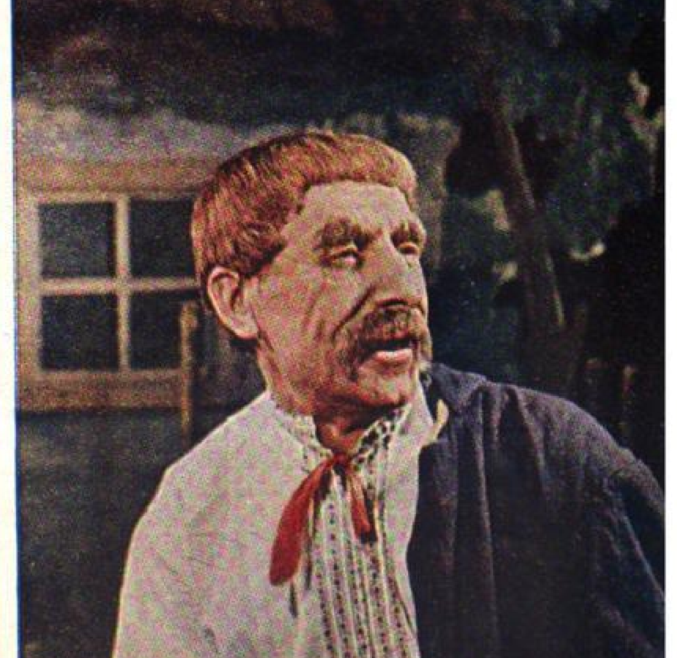

Десятник доменного цеха завода имени Петровского Н. П. Корзинов.

Н. П. Корзинов в роли Каленика из оперы «Майская ночь».

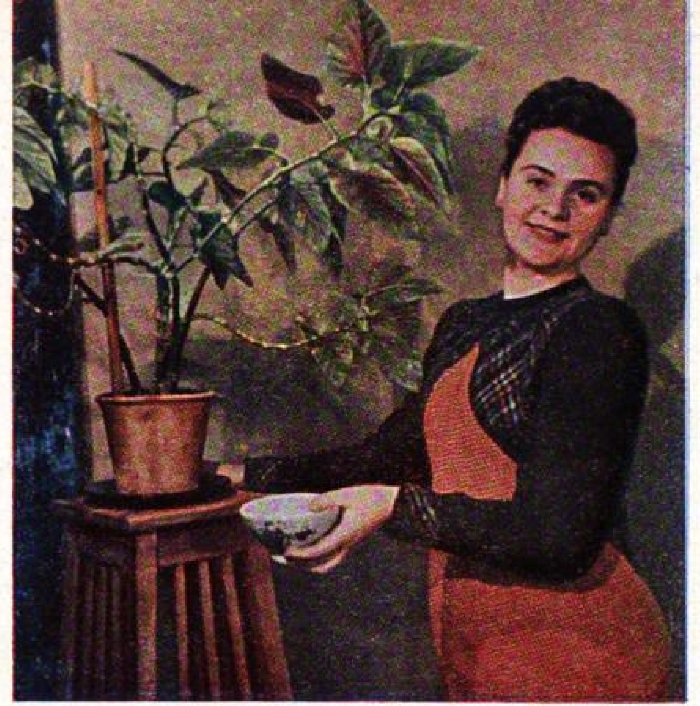

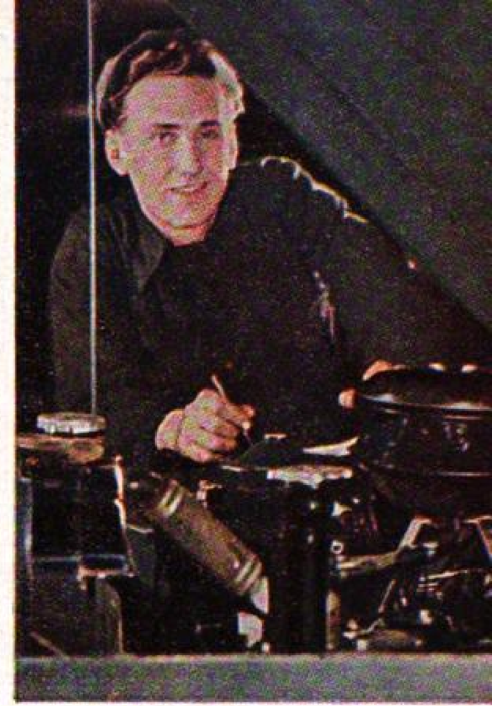

Мастер масложиркомбината В. Д. Гончаренко.

Дочь рабочего, учащаяся Н. Ф. Грунт.

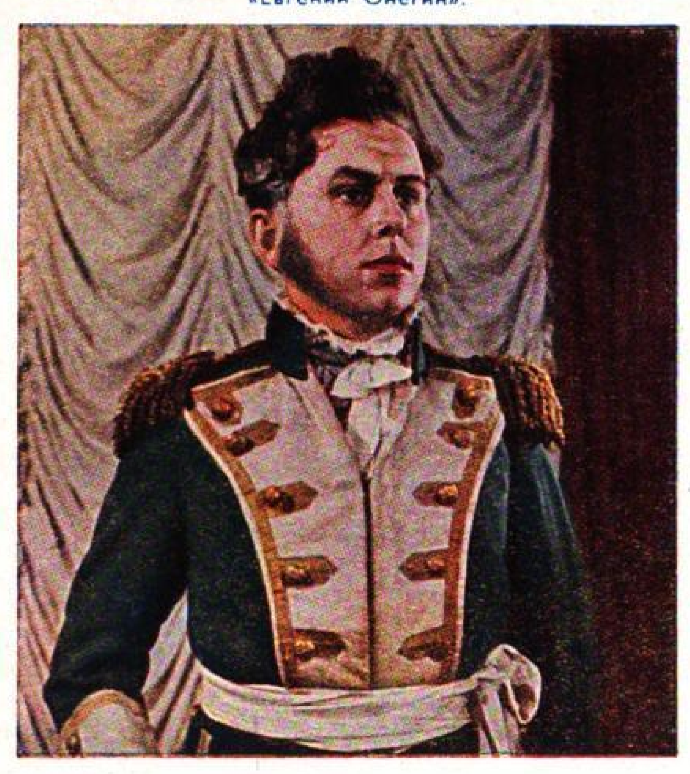

Шофер автобазы Е. М. Зема.

В. Д. Гончаренко в роли Гремина из оперы «Евгений Онегин».

Н. Ф. Грунт в роли Татьяны из оперы «Евгений Онегин».

Е. М. Зема в роли Онегина из оп «Евгений Онегин».

Сцена из балета «Шопениана» в исполнении коллектива художественной самодеятельности.

Сцена из оперы «Евгений Онегин». Онегин — Е. М. Зема, Татьяна — Н. Ф. Грунт, Гремин — В. Д. Гончаренко.

Майская ночь», «Запорожец за Дунаем», балет «Шопениана» — таков репертуар рабочего театра. Последние работы коллектива — «Евгений негин» и детский балет «Доктор Айболит». Самодеятельная опера завоевала заслуженную популярность у зрителей. Участники коллектива е стремятся стать профессиональными артистами, но с увлечением отдают любимому искусству свое свободное от работы и учебы время, приобщаясь к высотам музыкальной культуры.

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА

Рассказ

Георгий ЛЮБОШ

Рисунок П. Караченцова

Рано утром студент второго курса Гриша Мохов вошел в контору строительства. Производитель работ Смирнов, высокий костлявый человек с торчащими черными усами, примостившись у низенького некрашеного стола, говорил по телефону. Было слышно, как он кому-то поддакивал и часто дул в микрофон. За окном через сетку моросящего дождя виднелась постройка. Подъемный кран, похожий на человека-великана с распростертыми руками, захватывал на земле огромные металлические балки и легко клал их на верх стены.

«Может быть, скоро и я начну здесь командовать!» — с гордостью подумал Гриша.

— Приехали? Вот хорошо. Здравствуйте! Я уж поджидал, — прервал его мысли Смирнов. — Заболел у меня десятник-то! А тут такое дело... Надо срочно за городом небольшой домик ставить... специальную лабораторию одному заводу. Рабочие еще вчера по договорам из колхозов прибыли. Без работы сидят. Съездите... там план разбить надо.

— Что вы, что вы! — замахал руками Гриша. — Мне сперва присмотреться надо, как тут у вас...

Прораб не дал ему договорить:

— Я бы сам, да... профессора должны сейчас прислать. Содружество, понимаете! Я вот вам чертежи дам и девчушку... Она и участок знает и где рабочие живут... Анка, Анка! — крикнул он в соседнюю комнату.

Вошла девушка, с пухлыми, чуть капризными губами.

— Вот поедешь с товарищем техником. Простите, вернее сказать, с товарищем инженером, — повернулся прораб к Грише, — и покажешь ему все на новом участке.

Девушка только кивнула головой и вышла.

Мохов торопливо раскрыл проект. В институте он обычно легко разбирался в чертежах. Теперь же линии и цифры прыгали перед глазами, и ему никак не удавалось сосредоточиться. Когда Анка позвала его, он даже обрадовался и сразу направился за ней. Но прораб, улыбнувшись, задержал его. Улыбка показалась Грише неожиданной на этом строгом усатом лице.

«Верно, надо мной смеется. Догадывается, что я недавно в школу бегал!» — еще сильнее смутился Мохов.

— А рулетка у вас есть? У меня вот без одного сантиметра, зато точная. — И Смирнов протянул истертую двадцатиметровку в круглом коричневом футляре, сплошь исписанном цифрами и исцарапанном. — Поедете на опрокидыше... я тут задержал...

Медленно спускаясь по лестнице, Гриша думал: «А может быть, лучше вернуться, сказать ему...» И краснея, вспомнил, как вчера, придя первый раз на практику, он на вопрос Смирнова, бывал ли уже на стройках, промолчал и с нарочитой солидностью, откуда-то появившимся басом начал расспрашивать про механизацию работ на площадке. Наверно, поэтому Смирнов и решил, что он уже опытный строитель! Это, конечно, приятно... Но ехать сейчас, сразу, одному разбивать новое здание, распоряжаться людьми — это уж слишком!

Наверху резко, как бич, хлопнула дверь. Кто-то в черной кожаной куртке прогремел подкованными сапогами.

— Шарашкина контора! Завсегда с задания сорвут! — услышал Гриша.

«Не справлюсь, — решил он и с раздражением подумал о Смирнове: — Хоть бы какого-нибудь опытного бригадира в помощь дал, а то девчонку!»

Однако вернуться, отказаться было уже невозможно.

Напротив дверей тарахтела небольшая, похожая на игрушечную, автомашина-самосвал. «Опрокидыш», — вспомнил Гриша и улыбнулся. Анка уже ждала его.

— Ну что, поехали, что ли? — сердито крикнул шофер, открыв дверцу кабины.

Гриша узнал в нем человека, который обогнал его на лестнице. Он шагнул к машине и остановился, не зная, что́ ему сделать: сесть ли, как начальнику, рядом с шофером — чего ему очень хотелось — или уступить место своей спутнице. Немного потоптавшись, он промямлил Анке:

— Садитесь в кабину, я... люблю на воздухе, — и, вздохнув, полез в напудренный чем-то белым кузов.

Но ни освежающий ветер, ни быстрота езды не улучшили настроения Гриши. Чтобы развлечься, он стал глядеть по сторонам.

Машина шла по мосту. Вдали над Невой странно переплелись легкие узоры разгрузочных приспособлений. Мохов захотел разобраться в этой паутине, повисшей на молочном небе. Но ее сразу жирно и часто перечеркнули мачты стоящего ближе парусника... На огромной площади, возле серых трибун, маршировали моряки. Гришу заинтересовало то, что в колонне матросов все время появляются ровные, колеблющиеся просветы, словно между зубьями волнистой гребенки. Стоило машине проехать чуть дальше, как четкие линии тотчас исчезли и весь строй опять превратился в сплошное темное пятно.

Когда шумные, наполненные гудками и звоном центральные улицы остались далеко позади, Мохов спохватился, что надо разобраться в чертежах. Ветер парусом надувал пахнувшие аммиаком синьки и вырывал их из рук. Едва удалось рассмотреть план здания, как машина остановилась. Мохов спрыгнул на землю.

— Ну, я поеду... а то у меня, извините, план срывается. Разрешите? — уже, как к начальству, обратился к Грише шофер. — Известь я обязался сегодня вывезти. Триста процентов дать.

Мохов согласился. Повеселевший шофер, достав масленку, побежал к мотору.

Гриша увидел, что его спутница стоит на ступеньке перед обширной лужей и не решается ее перепрыгнуть. Разбрызгивая сапогами воду, он подскочил к девушке и подал руку.

— Девка любит ласку! — тотчас съязвил шофер.

Мохов поспешно отдернул руку.

— Девка любит ласку, а машина смазку! — рассмеялась Анка. — Смазывай да езжай живей. Там по тебе известь рыдает! — И слегка опершись на гришино плечо, девушка перескочила лужу и быстро пошла к косогору, на котором виднелись штабеля досок, бревен и тесовые сараи. — А почему колышки не прибраны? — уже сверху донесся ее голос. Кто-то оправдывался.

На середине площадки белели свежеоструганные столбы с прибитыми к ним, как спинки у садовых скамеек, досками.

«Ага! Уже все для разбивки приготовлено. Заботливый!» — теперь с уважением подумал Гриша о прорабе.

Он подозвал Анку и дал ей держать ленту за узелок у оборванного конца. А сам, смотря на чертеж и боясь забыть про недостающий сантиметр, начал разбивать оси здания. Ветер и здесь рвал синьку из

рук, и, чтобы взять размер, приходилось, садясь на корточки, зажимать проект локтями на коленях. Анка все время закрывалась от ветра воротником драпового пальто. Гриша видел только то ее лоб с выбившимися из-под берета светлыми пушистыми волосами, то нежный, но разрезанный упрямой складкой подбородок.

Когда он протянул проволоку, девушка вдруг подняла глаза, оказавшиеся совсем зелеными, и приветливо улыбнулась Грише.

Но, натянув проволоку, он стал забивать под нею колышки. Тогда Анка, забавно сморщив лоб, спросила:

— А это зачем?

— Как, зачем? Двери и окна размечаю, чтоб потом не забыть.

— Двери и окна? Так ведь когда траншею будут делать, эти колышки выроют. Их после надо...

— Нет! Так, как я сделаю, не выроют! — заверил Мохов.

— А вы с какого курса?

— С... третьего... — сказал Гриша и почувствовал, что краснеет.

— А-а... — протянула Анка. — Так я пойду за рабочими.

— Да, да, — обрадовался Мохов. — Идите!

Но она сразу не ушла, а, наоборот, присела на камень и стала наблюдать за студентом. Он продолжал размечать проемы.

— Вы комсомолец? — еще поинтересовалась Анка.

— Да, конечно.

— Тогда вы мне поможете. Мне поручили здесь молодежные звенья организовать. Хорошо?

— Хорошо, хорошо! — пообещал Гриша, оглядываясь.

Наконец Анка поднялась, отряхнула пальто от приставшего песка и побежала вниз с косогора.

Когда она скрылась, Гриша стал поспешно выдергивать только что забитые колышки. Он не успел закончить этого, как увидел, что от подножья косогора к нему уже поднимается многолюдная шумная толпа с лопатами, ломами, топорами.

Впереди в распахнутой ватной куртке и надвинутой на лоб зеленой бархатной кепке шел широколицый парень.

— Ну, что у вас тут? Бригадир есть? — еще подходя, крикнул он Мохову. — Нету? Тогда я встану за бригадира. Ладно? Рыбаков, Николай Петрович, — протянул он руку.

— Хорошо, хорошо, — почему-то тотчас согласился Гриша.

— Значит, во-первых строках на траншею будем ставить, — деловито-шутливо сказал Рыбаков, взглянув на натянутые проволоки разбивки.

«Как же это я так? Первого встречного... Самозванца какого-то руководить рабочими назначил!» — волновался Мохов.

Но уже было слышно, как новый бригадир кричал:

— Коваленко, бери своих хлопцев, становь на дворовый фасад, а ты, дядя Миша, на главный. И жмите на соревнование! Шоб к обеду готово! Тут земля пуховая.

А Коваленко, здоровенный парень, с длинными жилистыми руками, ковыряя лопатой плотную, вязкую глину косогора, добродушно ворчал:

— О, як бреше! Пуховая!

Рыбаков, ловко сбросив ватник, выхватил у Коваленко лопату и быстро заработал ею.

— Гарно робишь. Тильки преешь швыдко! — усмехнулся Коваленко и отнял лопату.

Когда Рыбаков, одеваясь, повернулся, Гриша заметил у него на гимнастерке два ряда орденских ленточек и немного успокоился.

На траншеях все не разместились, и больше половины рабочих были еще без дела. К Грише неожиданно подошла Анка. Взглянув на траншеи, она опять сморщила лоб и удивленно спросила:

— А где же колышки? — но, заметив смущение Мохова, тотчас предложила деловым тоном: — Можно еще забор поставить, ямки копать. Хотите, расставлю? Я знаю где.

Гриша обрадовался:

— Вот молодец, Анка! Давай, расставляй!

— Меня Аней зовут! — недовольно поправила девушка. — Столбы через два с половиной метра будут? Там не ищите, там этого нету, — покрутила она головой, увидев, что Мохов взялся за чертежи.

Гриша попытался вспомнить, какое расстояние бывает между столбами заборов. Да, как на зло, в голову лезли только деревенские плетни или чугунные решетки, и он, сделав вид, будто что-то прикидывает, подтвердил:

— Да, да, через два с половиной... — и подумал: «Она, наверно, знает, через сколько надо, раз так спросила». Но затем вытащил блокнот и набросал схему забора: — Нет, через два семьдесят пять делайте. Доски у нас пять—пятьдесят. Если пополам... Так, чтобы обрезков не было, — уже уверенно поправился он.

Только Анка увела всех свободных рабочих, как к Грише подошел Рыбаков.

— Товарищ студент! Каким составом будем фундамент бетонировать? Один, три, шесть или один, четыре, восемь? У меня тут скоро одно звено освободится.

«Один — это цемент, три — гравий, шесть — песок», — соображал Мохов. Как испытать в лаборатории бетонный кубик на сопротивление сжатию, Гриша знал хорошо. Но как подобрать состав необходимой прочности, он или еще не проходил или из-за волнения опять не мог вспомнить. И, ничего не ответив, он сделал вид, что заинтересовался показавшейся в траншее у Коваленко грунтовой водой, вкусно чавкавшей под сапогами землекопов.

— Вот, боюсь, придется людей сымать, насос становить, — огорченно сказал Рыбаков. — Видите, как жмет.

Гриша пригляделся. В нескольких местах из земляной стены траншеи, раздвигая мутную глинистую воду, уже на четверть покрывавшую дно, били живые прозрачные струйки.

— Зачем же насос? — радостно возразил Мохов. — Шланги есть? Тогда мы сейчас сифон устроим, здесь косогор, вода сама поднимется и по шлангу побежит. Надо только другой конец ниже дна котлована опустить.

— Ну, да как же это она с траншеи сама выпрыгнет? — усомнился Рыбаков. — Не кошка ведь!

— А вот принесите шланг, проволоку и пакли немного. Попробуем, — попросил Гриша.

Рыбаков неохотно, вразвалку пошел на склад. Когда он вернулся, Гриша, вспоминая слышанное на лекции и додумывая сам, начал показывать, как надо продернуть через шланг проволоку с паклей на конце, чтобы засосать воду.

Однако ничего не получалось. При продергивании проволоки конец рукава, как хобот напившегося слона, поднимался из траншеи, и вода из него тотчас стекала обратно.

— Ничего с этой затеей не выйдет, — махнул рукой Рыбаков.

Выручил Коваленко. Он догадался придержать шланг, и проволоку наконец удалось протащить. Шоколадный ручеек спокойно побежал из второго конца рукава, спущенного к подножию косогора. Вода в траншее начала постепенно убывать.

Бригадир долго наблюдал за ручьем, затем, еще ниже надвинув кепку, повернул ее козырьком назад.

— Чудеса! А ведь верно, и в школе, кажется, про это чего-то говорили. Только позабылось за войну. — И обернулся к Мохову: — Товарищ техник! Вы мне здесь насчет учебы поможете? Главное, чтобы чертежи читать да разбивку делать! А? Потом, может, на курсы куда устроиться. Ладно?

— Ладно. С удовольствием! — согласился студент.

Невдалеке плотники уже начали обтесывать столбы для забора. Гриша с аппетитом несколько раз глубоко вдохнул пряный смоляной запах хвойного леса и совсем повеселел.

Но скоро Рыбаков вместе с рабочими выкатил из сарая бетономешалку, и проклятый вопрос о составе бетона опять повис над Моховым. «Как неизбежность, либо месть!»... — подумал он знакомыми стихами.

Гриша было напомнил бригадиру, что для пуска бетономешалки понадобится электрик. Один из пареньков, копавших траншею, услышав это, заявил, что он у себя в колхозе проводил электрификацию, и вызвался сбегать в общежитие за когтями и инструментом.

Рыбаков тотчас ухватился за его предложение:

— Давай, Степа, давай!

Развязка приближалась. Мохов даже невольно обрадовался, когда работницы из освободившегося звена заартачились:

— Мы в колхозе на бетонах не работали, за это дело не возьмемся!

Но одна из них, полнотелая, краснощекая, прикрикнула:

— Глаза боятся, руки сделают!.. Норму только давайте, товарищ техник.

Рыбаков дружески похлопал ее по плечу:

— Ай да Крутова! Молодец, Мария! Работу делай, а наряд требуй!

Мохов хотел честно признаться, что придется подождать прораба, но откуда-то появившаяся Аня заявила:

— Наряды я сейчас всем выдам. — И, заметив удивление студента, добавила: — Я на курсах десятников учусь.

Он уже с уважением посмотрел на девушку и ругнул про себя институт: «Что же нас этому не обучают! До практики!»

О бетоне пришлось все-таки держать совет с Рыбаковым. Да только он, сперва уверенно предложивший делать один, три, шесть, как более надежный, потом заколебался:

— Слыхать было, у вас теперь по-новому подбирают. Как бы за перерасход цемента отвечать не пришлось! С этим нонче дюже строго!..

Помощь пришла неожиданно. Гриша не заметил, когда и откуда на площадке появился невысокий, плотный человек, с весело поблескивающими из-под пенсне глазами. Он сам подошел к Мохову:

— Доцент Лариков, из научно-исследовательского института. По договору о содружестве. Меня товарищ Смирнов просил именно сегодня сюда приехать. Будем знакомы. Нам с вами предстоит провести тут ряд экспериментальных работ.

— А по подбору состава бетона вы мне не сможете помочь? — робко спросил Гриша.

— Интересуетесь этим вопросом? — сразу загорелся доцент. — Наша задача как раз проверить здесь новый метод. Здесь ведь все конструкции решены в бетоне. Вы студент? Это хорошо! Значит, строго будете соблюдать наши инструкции. А то, знаете, старые производственники иногда забудут да и сделают по-привычному... А у вас это эффектно выглядит! — махнул он рукой вокруг и словно открыл перед Моховым картину, которую тот в беготне и волнениях не замечал.

На просторном зеленом косогоре живыми линиями дружно работающих людей четко вырисовывались контуры будущего здания. Там Гриша радостно различал легкую подвижную фигурку Ани.

Выше, на фоне курчавых облаков, звенья, строившие ограду, работая, будто плыли вместе со всей землей к просвету чистого, голубого неба. А в этот разрыв между облаками уже пробивалось особенно яркое после дождливых и пасмурных дней солнце.

Только теперь, охватив взглядом стройку, Мохов почувствовал ее веселый, захватывающий ритм. Он даже приосанился, снял кепку, пригладил вечно торчащие на затылке волосы и вместе с доцентом пошел к установленной на место бетономешалке.

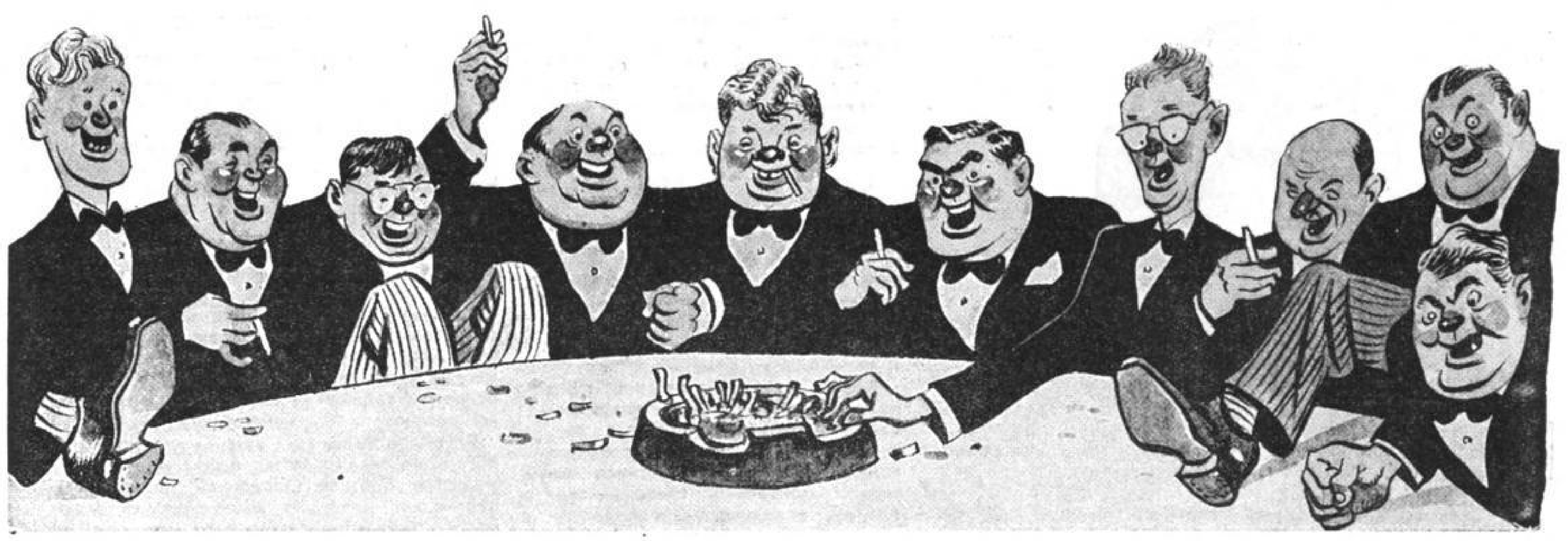
Возле нее, сидя на столбе, как дятел, возился электрик Степа. А снизу, из траншеи, кто-то, выбрасывая землю, выкрикивал частушку:

Мне любовь свою вечор
Объяснял Степан монтер:
Жизнь твою я сирую
Электрифицирую...

Вокруг смеялись. Гриша узнал звеньевую Крутову.

— Что, подкусывает? — кивнул он электрику.

— Совсем заела девка! — как давнему приятелю улыбнулся Степа.

Разговор в своем кругу

Памфлет

М. ВИСТИНЕЦКИЙ

Рисунки Бор. Ефимова

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Каким образом Боб Топкинс, бравый репортер «Ивнинг тайм», проник на тайную вечерю молодых апостолов Большого Бизнеса, для нас с вами, право, не столь уж существенно.

Важно одно: он там был, все видел, все слышал, и благодаря его свидетельству откровения почтенного Роберта Л. Хьюза стали достоянием гласности.

О преподобном Роберте Л. Хьюзе нет нужды много говорить: его портреты, изображающие джентльмена с постным лицом ханжи, примелькались на страницах заокеанской прессы. Магистр богословия, доктор социологии, профессор экономики, он давно слывет звездой первой величины на небосклоне официозной американской науки.

В тот вечер, о котором идет речь, Роберт Л. Хьюз выступал перед избранной группой выпускников Гарвардского университета — отпрысков 60 семей Уолл-стрита.

Небольшой зал заполнили наследники династий Стали и Пушек, Нефти и Химии и прочая, и прочая, завершающие в стенах Гарварда курс необременительных наук. «211 миллиардов долларов расселись за одним овальным столом, — с упоением писал Боб, переводя имена собравшихся на язык цифр их родовых капиталов.— Двести одиннадцать миллиардов долларов, как один цент, гасили окурки в одной хрустальной пепельнице с золотым ободком!»

Поднявшись на кафедру, Роберт Л. Хьюз обвел слушателей взором, полным медовой сладости. Привычным жестом воздев руки к небу, он начал обстоятельную и проникновенную напутственную речь. Пользуясь любезным содействием Боба Топкинса, мы воспроизводим ее почти со стенографической точностью.

ЧТО ЕСТЬ ВОЙНА!

— Мои возлюбленные питомцы, мои дорогие друзья! — воскликнул Роберт Л. Хьюз.— Сегодня вы покидаете гостеприимный кров Гарварда. В этот торжественный час я хочу вручить вам самое ценное из тех сокровищ, которые вы унесете с собой на жизненную стезю. Я хочу в меру скромных сил своих раскрыть перед вами высшее проявление жизни, которое одновременно есть и самая законченная форма бизнеса...

Я говорю о войне, мои милые мальчики!

«Что есть война?» — из века в век вопрошают люди. Одни отвечают: «Война — это проклятье, кровь и слезы, горе и муки». Другие, которых, увы, меньше, провозглашают: «Война — это торжество человеческого духа, апофеоз силы и высоких страстей».

Но оставим толпе ее сетования, философам — их размышления. Мы с вами люди дела. Для нас важно высшее мерило жизни, единственно достойное людей Большого Бизнеса. Это мерило — доллар. И когда мы приложим его к войне,— о, она тогда сразу раскроется перед нами во всей своей неописуемой красоте и привлекательности!

Не мне вам говорить, что предрассудки миролюбия, к несчастью, владеют в наше время толпой. Это обязывает лучшие умы нашего круга к известной сдержанности. И тем не менее...

Преподобный Роберт Л. Хьюз стер капли пота со лба, перевел дыхание и продолжал:

— ...и тем не менее, правда о достоинствах войны звучит иногда и с публичной трибуны. Вспомните нашего видного государственного деятеля доктора Крепса, который с похвальной прямотой сказал: «Война является действительно тем идеалом, к которому стремится современная индустрия».

Черты той же высокой идеи виднелись на челе мистера Бернарда Баруха, когда он сказал, что «привилегии собственности и мотивы прибылей — нечто более драгоценное, чем мир». Поэтому-то мистер Бернард и учит: «Мир кажется прекрасным во время дикостей войны, но он становится почти ненавистным, когда война окончена».

Я не ошибусь, сказав, что вместе с нашими именитыми публицистами братьями Олсоп весь деловой мир Штатов мечтает ныне о счастливом времени новой истребительной войны. И это вполне понятно, друзья мои!

10 000 ПРОЦЕНТОВ ПРИБЫЛИ

— Известно ли вам, мои мальчики,— продолжал Роберт Л. Хьюз,— что к середине лета 1914 года наша гордость, банк Моргана, был в результате неудачных спекуляций на грани краха? А когда первая мировая война окончилась, в активах банка лежали десятки миллиардов долларов.

Да, друзья мои, Соединенные Штаты вступили в первую мировую войну незадолго до ее конца, но война с первого же дня работала на нас, на Большой Бизнес. Золото, тысячи тонн золота буйным потоком устремились в наши кассы.

А ведь, помимо этого, в шуме и сутолоке военной поры мы утвердились в Сан-Доминго, Гаити, Коста-Рико; мы заботливо прибрали под свою опеку ряд островов Антильской группы, принадлежавших, если не ошибаюсь, Дании или кому-то еще. И если бы не большевики, не революция, Россия также, несомненно, стала бы после войны одной из самых благодатных плантаций американского бизнеса.

Мистер Томпсон с Уолл-стрита в свое время уделил из своих личных средств чистоганом миллион долларов на поддержку Керенского. А когда в 1917 году посол США в Петрограде Френсис писал государственному секретарю Лансингу: «Что вы думаете насчет того, чтобы обращаться с Россией, как с Китаем?»,— то это был, конечно, не риторический вопрос, о нет!

Но не будем говорить о России, друзья мои...

Красноречивая пауза, сделанная преподобным Робертом Л. Хьюзом, слегка затуманила безмятежные от природы лица его слушателей. Встряхнувшись и как бы отгоняя от себя неприятное видение, оратор продолжал свою речь.

— Если первая мировая война,— сказал он,— была для делового мира Штатов великолепным праздником бизнеса, то вторая мировая война стала для нас истинным пиршеством богов. Вы хорошо знаете, какой оглушительный бум она принесла нам, и этот бум, мои мальчики, продолжался семь лет.

Я напомню вам некоторые цифры, которые отдаются радостью в душе каждого приличного бизнесмена. Прибыли наших американских компаний составляли в последний довоенный год 6,4 миллиарда долларов. Они поднялись до 24,5 миллиарда в 1945 году, а в целом за годы войны составили 117 миллиардов долларов. Я повторяю: 117 мил-ли-ар-дов!..

Мы захватили — то есть, я хочу сказать, приобрели — за это время немецкие патенты, этот посев для новых миллиардов. А какие сверкающие горизонты открыла для бизнеса оккупация Германии, Японии, Южной Кореи! А вспомните о новых десятках наших официальных и неофициальных колоний, вспомните о нашей Западной Европе!

Десять тысяч процентов прибыли на вложенный капитал — вот чем была минувшая война для Большого Бизнеса, если говорить о ней с деловой точки зрения.

БИЗНЕС ЕСТЬ БИЗНЕС

Сделав хорошо рассчитанную паузу и мягко откашлявшись, Роберт Л. Хьюз обратился «к самому важному», как сказал он, тезису своего напутствия чадам Уолл-стрита.

— Обычно в нашем кругу,— сказал он,— мы вместо приветствия спрашиваем: «Хорошо делаешь деньги?» Делать деньги — наше призвание, наша божественная миссия. И война предоставляет нам для этого подлинно безбрежный простор.

Война — это неограниченный спрос. Сама

истина глаголет устами доктора Крепса, когда он говорит: «Народ, ведущий войну, является идеальным потребителем. Он предъявляет массовый спрос на сталь, железо и разнообразнейшие машины и на полях битв разбивает их вдребезги».

Война,— бодро повышая голос, продолжал Роберт Л. Хьюз,— позволяет бизнесмену достигнуть желательной продолжительности рабочего времени, оставляя заработную плату, понятно, на прежнем уровне. Во время войны возрастает скорость движения машин и конвейеров, уменьшаются обременительные расходы на технику безопасности. Правда, это влечет за собой кое-какие неприятности. Хотя приличная пресса и хранила об этом молчание, но за годы войны число убитых и ставших полными инвалидами в американской промышленности...— здесь оратор несколько понизил голос —...оказалось выше, чем потери американской армии на поле боя. Но что поделаешь — такова жизнь, друзья мои! Без жертв, увы, нет победы, нет и бизнеса...

Если же толпа, чуждая высокому полету духа, не понимает этого и прибегает к такому нехристианскому методу, как стачка, то ее быстро отрезвляют чрезвычайные законы военного времени, — добавил Роберт Л. Хьюз, тонко улыбаясь.

— Война,— повествовал далее преподобный оратор,— снимает со счета проблему оборотных средств — государство платит за все. Война не знает незанятых машин и цехов. Война, друзья мои, устраняет полностью вопрос о сбыте товаров: они текут и текут широкой бесконечной рекой, подобной Миссисипи, в огромную пасть Молоха войны.

Алхимики средневековья, — воскликнул Роберт Л. Хьюз, — много и тщетно бились в попытках открыть средство изготовления золота! Нам это средство хорошо известно. Оно нами испытано. Имя ему — война.

Люди с того берега и вместе с ними маленький человек в нашем собственном доме говорят: «Ваша золотая река берет свои воды из морей крови». «Ну и что же? — ответим мы им мысленно.— Золото есть золото. Бизнес есть бизнес».

К тому же, говоря начистоту, как деловые люди с деловыми людьми, на земле, друзья мои, слишком уж много лишних ртов, необоснованно требующих пищи!..

Последняя фраза Роберта Л. Хьюза привела слушателей в восторг. В зале раздался одобрительный свист, кто-то, закинув ноги на стол, бодро барабанил по нему башмаками. Один упитанный молодой джентльмен даже вскочил на кафедру и так хлопнул лектора по плечу, что тот чуть не свалился на пол. Аудитория выла от восторга...

— Это было нечто среднее между шабашом ведьм и выступлением любительского хора в Бедламе,— с удовольствием вспоминал Боб Топкинс.

ОНИ РУЧАЛИСЬ ДЕНЬГАМИ

Роберт Л. Хьюз отдышался, пришел в себя и с усилием выдавил на блеклом лице кисло-сладкую улыбку. Бросив искоса боязливый взгляд на откормленных, плечистых слушателей, он повел речь о том же самом — о блеске и великолепии войн.

Впрочем, на мгновение лицо преподобного оратора снова несколько омрачилось.

— Был момент, когда голубые горизонты военного бизнеса однажды покрылись тучами,— сказал он, вздохнув. — На нью-йоркской бирже неожиданно наступили черные дни. Разгром и пленение большевиками армии Паулюса под Сталинградом оказали неблагоприятное действие на курс акций, и те стали падать... Но вскоре из вашингтонских кругов последовали желанные сердцу делового человека успокоительные вести,— торжествующе улыбнулся Роберт Л. Хьюз. — Вопрос о втором фронте приобрел желанную для людей бизнеса туманность и расплывчатость, и акции вновь пошли вверх. И снова,— возвысил патетически голос оратор,— наши солиднейшие газеты стали писать: «Крупнейшие американские компании готовы ручаться своими деньгами за то, что война еще продлится долго!»

Произнося эти слова, Роберт Л. Хьюз изобразил на лице подлинное благоговение.

— Да, друзья мои, ваши отцы поручились своими долларами за длительность войны! — воскликнул Роберт Л. Хьюз. Сладостно закатив глаза, он как бы вновь вдыхал в себя запах крови и гари, окутывавший семь лет Европу и Азию. Он словно смаковал вкус слез миллионов вдов и осиротевших детей — в этих слезах был знакомый ему привкус золота...

Очнувшись от минутного забытья, оратор открыл глаза и обвел ими слушателей.

— Дорогие друзья,— сказал он.— К сожалению, столетние и тридцатилетние войны стали уже достоянием истории. Наш век — век больших скоростей. Пробил неминуемый час, и занавес опустился, великолепный спектакль окончился, на бирже воцарилась предгрозовая тишина. Мирный период со всеми проистекающими отсюда печальными последствиями стал — увы! — реальностью. Мир, покой — все это коренным образом противоречит самому духу нашей системы, поскольку в мирный период тяжело страдает самое важное, что есть в жизни,— прибыли, бизнес.

Впрочем, — повеселевшим голосом добавил Роберт Л. Хьюз, — «Король умер. Да здравствует король!» — так восклицали царедворцы давних времен. «Война окончена. Да здравствует война!» — сказали мы, деловые люди Штатов, на следующий же день после окончания военных действий...

В мае 1945 года,— продолжал оратор,— виднейшие деятели нашей науки собрались на очередную, 57-ю по счету, конференцию Американской экономической ассоциации. Я до сих пор сохранил в памяти, мои друзья, прекрасные слова профессора Кеннста Боулдинга, который сказал: «Либо расширять производство посредством войны либо сокращать производство посредством кризисов и безработицы». Второе решение вопроса, разумеется, никого в деловых кругах не устраивало. И они обратились к наиболее приличным представителям американской науки с просьбой обосновать неизбежность и желательность новой мировой войны. Я должен выразить восхищение той энергией, с которой многие мои коллеги делают это вот уже пять лет...

ЧТО ЕСТЬ МИР!

— «Что есть мир?» — спрашиваете вы у меня. Мир,— отвечаю я,— это лишь небольшая интермедия в том царственном спектакле жизни, имя которому война!

Могу сослаться на мнение одного моего уважаемого собрата, профессора Ванновера Буша, который выступал в 1947 году перед конференцией «Ассоциации вооружения армии». Он провозгласил тогда пришествие эры так называемых перманентных войн. Коллега Буш дал блестящее определение. «Наш век, — сказал он,— это век непрерывных, по существу, войн; интервалы же между боевыми действиями заполняются тем, что теоретические исследования, прикладные науки, техническое развитие и производство занимаются основной задачей — подготовкой к следующему вооруженному конфликту».

Я также приведу вам, милые мальчики, еще одно свидетельство наших именитых журналистов братьев Олсоп. «С нетерпением,— пишут они,— ожидают американские генералы наступления того счастливого времени, когда одна страна сможет в кратчайший срок обрушить на другую страну все ужасы, изобретенные наукой». И кто из нас не разделяет этих волнующих упований! Это будет действительно «золотой век», по меткому определению братьев Олсоп,— золотой не в переносном, а в буквальном смысле этого слова!

Когда стихли аплодисменты, Роберт Л. Хьюз, собрав все свое красноречие, перешел к заключительной части своей проповеди.

— Наши сердца,— почти пропел он,— бьются в унисон с сердцами ратных мужей из Пентагона[1], готовых в любую минуту с командной вышки направлять действия различных подчиненных нам армий. Разумеется, я имею в виду не столько солдат с берегов Миссури или Миссисипи, сколько солдат разных Франций и Бенилюксов, которым история определила один удел: сражаться за величие и процветание доллара!

«С кем и зачем воевать?» — спрашивают иногда люди улицы, наивные, как дети. Они говорят, что Советская Армия нам не угрожает, что СССР не более опасен для Соединенных Штатов, чем планета Сатурн. Этим простакам не дано понять, что дело совсем не в этом.

Пусть Советский Союз и не угрожает нам оружием — это вопрос второстепенный. Это совсем не существенно, друзья мои! Важно, что он угрожает нам самым фактом своего существования, что мы уже имеем опасные подражания его примеру в других странах. И, в конце концов, важно то, что война — это бизнес.

К тому же,— бодро заключил Роберт Л. Хьюз,— человечество вообще не может жить без кровопусканий. Война нужна человечеству, она для него целительна. А такая цель, как создание единой мировой империи под флагом Соединенных Штатов на веки-веков,— о, эта цель делает войну еще прекрасней! И в этом, мои милые мальчики, истинная правда жизни, доступная лишь людям Большого Бизнеса, людям трезвой реальности!..

* * *

Мы добросовестно изложили речь преподобного Роберта Л. Хьюза на сиятельном сборище молодых оболтусов с Уолл-стрита, среди которых непостижимыми для нас путями оказался Боб Топкинс, ловец сенсаций из «Ивнинг тайм».

Что ж, в этой речи все на месте, все естественно и закономерно.

Подобно пиявкам, люди американских трестов и банков привыкли питаться кровью. Подобно гиенам, они лакомятся трупами. Самое слово «мир» для них ненавистно. Упоминание о Советском Союзе вызывает у них припадки ярости.

Они жаждут нового массового истребления людей и готовят его. Другое дело, насколько осуществимы их каннибальские намерения.

Воля народов к миру, борьба миллионов людей за мир сковывают руки поджигателей войны. Могущественный лагерь мира и демократии, возглавляемый Советским Союзом, преграждает и преградит путь фабрикантам смерти.

[1] Пентагон — здание министерства обороны США.

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Рассказ

Ю. БОНДАРЕВ

Рисунок О. Верейского

Тонко дребезжат стекла, и сквозь шум бурана слышно, как на дворе глухо хлопает калитка. Коля прислушивается, потом разочарованно говорит:

— Показалось. Я думал — мама, а это ветер...

Колин товарищ, Миша, решительно послюнив палец, с шелестом перелистывает страницу и, подымая голову от книги, тяжело вздыхает.

— Прямо не дождешься,— говорит он.

Колина мама работает врачом в степном районе недалеко от города Актюбинска. Каждое утро за мамой приезжает лошадь из больницы и увозит ее к больным в степь. Возвращается мама всегда вечером. Сейчас уже десять, а ее все нет.

Мальчики сидят на диване и то и дело поглядывают на стенные часы. Миша хмурится и рассматривает книгу. Он торопится домой, так как отпросился к Коле «только на минуту». Но он видит, что Коля очень беспокоится о матери, нервничает, и Мише сейчас уходить неудобно.

А на стене часы неустанно и сонно тикают, изредка в них что-то обрывается, и тогда гиря слегка дергается вниз, и мальчики вздрагивают. В комнате полутемно. У дивана, на столе, горит большая лампа: уже два дня нет электричества — буран порвал провода. А за окном ревет непогода. Она царапает стекла и кидает в них снегом. Стекла дребезжат, ветер порывами проносится где-то вверху под крышей и, вероятно, собираясь ее унести с собой, бессильно и зло стонет.

— Буран,— говорит Миша, поднимая лицо от книги.— Ишь ты, как воет... Страшно сейчас в степи...

Коля внимательно смотрит на Мишу, потом слушает, как воет буран, и говорит встревоженно:

— Как бы мама не заблудилась... Замерзнет еще!

— А ты знаешь, в прошлую зиму отец чуть не замерз,— почему-то шепотом говорит Миша и делает такое лицо, словно сообщает о какой-то необыкновенной тайне.

Коля уже слышал эту историю несколько раз, но ему сейчас почему-то хочется опять послушать.

— Как это? — удивленно спрашивает он и подвигается ближе к Мише.

— Очень просто. Поехал он с утра в бригаду: что-то с тракторами случилось. Темнища — жуть, хуже чем сейчас. Буран так и метет, так и метет... Знаешь, как в степи? Я ездил раз в МТС, так знаю... А отец ехал-ехал и вдруг — дороги нет — заблудился... Мы его ждали, ждали целую ночь. Мать говорит: «Ну, пропал отец наш!» И вдруг слышим: лошадь пришла. Выбежали мы, а отец в снегу, прямо ничего не видно! Мамка чуть не плачет, а он смеется: «На войне не погиб, а здесь — и подавно». Отец смелый, у него орден...

— А ты не испугался бы? — тихо спрашивает Коля и смотрит Мише в глаза.

— Вот еще! — презрительно фыркает Миша.

Опять гремят и стонут стекла под порывами ветра, и мальчикам кажется, что кто-то огромный стучит варежкой по стеклу и топчется в тяжелых валенках под окном. Потом стихает, и часы, которые, казалось, приостановились на минуту, чтобы прислушаться к бурану, опять громко тикают.

Уши Коли наполняются слабым, тонким звоном.

— Ветер,— вздыхает Коля.— Это ветер...

Миша негромко смеется:

— Конечно, ветер. Давай книжку смотреть.

Коля садится ближе к Мише. Листы книги, толстые, гладкие, гремят, как полотна по ветру. Минуту оба молчат. Потом Миша хмурит лоб и произносит:

— Как я домой теперь пойду? Мать, наверное, ищет!

— Знаешь, давай спать вместе,— предлагает Коля.— Мама, наверно, не приедет сегодня... А твоя мать знает, что ты у нас.

— Нет,— возражает Миша.— Мне идти нужно... Я уроки еще не делал. А то завтра по арифметике Марья Сергеевна ка-ак вызовет да ка-ак двойку поставит!..

— Ну и иди,— равнодушно говорит Коля и зевает.— Боишься, достанется дома? А в школе еще хвастался, что тебя никогда не ругают.

Миша сдвигает рыжеватые брови. Он колеблется.

— Давай... подождем,— нерешительно говорит он и виновато косится на Колю.

Коле весело. Ему хочется сейчас сказать Мише то, о чем он давно думал, хочется поделиться с Мишей о самом тайном, так как Миша очень хороший и первый его друг.

— Ты знаешь,— произносит он, блеснув глазами.— Вот знаешь, хорошо бы набирали сейчас в китайскую армию или во Вьетнам. Ты бы поехал? В разведчики? А, Миша?

— Не возьмут нас вьетнамцы,— решительно отрезает Миша.— По возрасту. Маленькие, скажут.— Он откладывает книгу в сторону, с минуту сосредоточенно думает: — А может, и взяли бы, только вот мамка не пустит.

— Ерунда какая! — радостно смеется Коля.— А если бы наша страна воевала с фашистами, мать тоже бы не отпустила, да? А знаешь, какая мать была у Олега Кошевого? Вот была у них дружба! И у нас должна быть такая дружба... А меня бы мать отпустила обязательно! За отца отомстить! — Коля вздыхает и смотрит на стену, где в черной рамке висит портрет отца.— У меня отец был командиром батареи, он в бою дрался с десятью «тиграми», танки были у немцев... Отца ранило, а он все стрелял и стрелял... Пять танков подбил... Отец у меня был сильный: на одной руке меня поднимал.

— У меня отец тоже сильный,— говорит Миша задумчиво.— А вот, Колька, почему взрослые ничего не боятся? А?

— А ты боишься, да? — подозрительно смотрит на него Коля.

— Нет... Конечно, нет. Только отец мой ничего не боится, мать твоя тоже. Видишь, какой буран, света не видать, а она поехала...

— Она вся в отца,— серьезно говорит Коля. Отец сам говорил: «Вся в меня».

— Коль, а Коль,— тихо спрашивает Миша,— а ты в отца?

Коля задумчиво смотрит в окно.

— Я не знаю,— отвечает он, видимо, опечаленный.— Отец ничего обо мне не говорил... Знаешь, Мишка, ты бы пошел в разведчики со мной?

— А автоматы дали бы нам? — спрашивает деловито Миша.

Коля хмурится:

— Это же не важно. Я знаешь, о чем... Ведь я, наверно, такой, как отец... не испугался бы... Одному мне идти было, может, скучно, пошли бы с тобой. И выручали бы друг друга в бою... И храбрость бы проверили, да?..

— Да,— соглашается Миша,— одному плохо, а двоим лучше... Помочь можно друг другу.

Минут пять оба молчат. Коля долго рассматривает перочинный ножик с перламутровой ручкой и говорит медленно:

— Отец подарил. Это его ножик с фронта. На память... хороший.

— Ага. Только не острый,— хозяйственно замечает Миша, попробовав лезвие пальцем.— И легкий. Пушинка.

— Я его берегу.

— Стой, ходит кто-то,— шепчет Миша, прислушиваясь,— может, мать за мной...

— Это буран,— отвечает Коля спокойно,— а ты что испугался? А если бы мы были на войне, тогда как?

Миша мигает ресницами и тихо говорит:

— Я понимаю, Колька, но только мне мамку жалко. Она, должно, по поселку бегает, меня ищет. Ведь я из школы прямо к тебе... А я ничего не боюсь. Домой надо... — и Миша виновато отворачивается. Ему очень неудобно за свои слова.

— Знаешь,— говорит вдруг Коля и даже встает с дивана,— ты иди домой, иди, Мишка. Я не буду обижаться. Я один останусь.

Миша, подняв белые брови, удивленно смотрит на Колю. Но Коля не дает ему сказать ни слова.

— Иди, Миша, я обижаться не стану, честное слово,— повторяет он.

Миша долго не решается уходить. Ему неловко: как же так оставить товарища одного? Наконец он уходит. Коля закрывает за ним дверь и некоторое время чувствует необычайную радость.

«Пусть, пусть, это даже лучше — проверить себя! — думает Коля.— Да и дома за Мишу беспокоятся».

Но в комнате после ухода Миши становится очень пусто и тихо. Коля медленно подходит к столу, и радостное чувство постепенно про-

падает. Он садится на краешек стула. Чтобы отогнать от себя грустные мысли, он представляет, как будет, когда придет мать...

Скинув морозную шубу, мать поцелует его холодными губами и обрадованно скажет: «Заждался?.. Сейчас будем чаевничать!» Щуря близорукие глаза, мать моет руки и долго вытирает их полотенцем. От матери пахнет морозом и каким-то лекарством. Она быстро ходит по комнате, звенит посудой, спрашивает о школе и наконец садится за стол. Весело фыркает чайник и почему-то в комнате становится тепло и уютно, и Коле хорошо и весело.

«Мама, я тебя ждал все,— скажет Коля.— Два раза чайник подогревал, а ты запоздала...»

Коля вздрагивает, ему кажется, что он уснул. Он сидит на краешке стула, и веки у него тяжелые-тяжелые и сами опускаются вниз. На столе сонным круглым бликом сияет бок большого электрического чайника. Около чайника, придавленный чашкой, белый листок бумаги: «Ужинай, ложись спать. Я вернусь нескоро. Мама». И от этих слов «я вернусь нескоро» у Коли тоскливо сосет под ложечкой, словно кто-то этими словами хочет отнять у него мать.

Коля представляет, как мать едет в санях. Лошадь едва плетется, вся в снегу, и морда ее, заиндевевшая и белая, в такт шагам кланяется сугробам. Мать не видно в санях: она укрылась теплой шубой и спит. Потом она просыпается, выглядывает из-под шубы и говорит лошади: «Смотри, какой буран! Не занесло бы нас! Ведь Колька один дома!» Мать погоняет усталую лошадь. Но лошадь не хочет идти дальше. И снег постепенно заметает сани...

Что-то страшно гремит и рассыпается стеклянным звоном. Коля вскакивает, широко раскрыв глаза:

— Что это? Мама?!.

На полу разбитая чашка. Рядом лежит записка матери. За окном тихо: вероятно, буран перестал.

У Коли громко бьется сердце, так громко, что он не слышит, как стучат часы. Он жалеет, что отпустил Мишку: двоим ведь веселее. И Коля твердо решает заявить матери, как только она придет, что он больше никогда, никогда не останется дома один.

Он идет к дивану. Тихо скрипят под ногами половицы, и стол вздрагивает, словно испугавшись. Лампа мерцает и вспыхивает: нет керосина. По потолку, по стенам от этого мерцающего света, округляя углы, бродят тени. Коля наклоняется к лампе, выворачивает побольше фитиль и вдруг вытягивает шею и, не отрывая глаз, смотрит на окна.

За окном скрипит снег «скрип-скрип». Кто-то ходит под окнами, но никто не стучит в стекла, и Коле становится страшно. «Скрип-скрип,— выговаривает под окном снег,— скрип-скрип».

«Кто это?» — думает Коля, цепенея от страха.

Ему хочется вскочить на диван, потушить лампу, залезть под одеяло, чтобы ничего не слышать и ничего не видеть. Проходит несколько минут. У Коли стучит сердце.

Осторожно оглядывает комнату и неожиданно на столе видит перочинный нож с перламутровой ручкой. Коля, затаив дыхание, берет ножик.

«А еще Мишке говорил... Отец, небось, не испугался бы!» — думает он.

Пламя в лампе, медленно чадя, гаснет. Комната погружается во мрак, только мягко-мягко светятся морозные окна от лунного света. Коля не может пересилить себя, чтобы встать с дивана. Диван словно его притягивает, не дает пошевелиться.

«Нет, я вовсе не испугался,— убеждает себя Коля,— я вовсе не испугался...»

Он шагает к окну и, замирая от ожидания, трет пальцем холодный иней стекла. Блестят высеченные луной узоры. Они кажутся необыкновенным зимним лесом. Коля ничего не видит. Тогда он с колотящимся сердцем идет в сени и настежь широко открывает двери. Никого нет. Холодно. На дворе блестит голубой снег. Улицы не видно: снегу намело по крыши. Коля вздрагивает от холода. Где-то в конце улицы желтеет огонь.

«Где же мама?» — думает с тревогой мальчик.

Коля замерз. Он входит в комнату, садится на диван. И вдруг стекло дребезжит под самым ухом, и Коле кажется, что стучат не в окно, а в ушах, быстро, торопливо:

— Коля, открой!

Радость зажигает огнем щеки Коли, перехватывает дыхание.

— Мама! Приехала! Я сейчас! — радостно кричит он и теперь только замечает в ладони отцовский перочинный ножик.

...Когда они сидят за столом и пьют с матерью густой горячий чай, Коля необыкновенно счастлив. Мать рядом с ним, она ласково щурит глаза. Лицо у нее усталое.

— Ты все ждал меня? — спрашивает она удивленно.— И не спал?

— Ждал. Мишка у меня был! Мы вдвоем ждали!

— Колька ты мой, Колька,— говорит мать и гладит ему волосы,— а я с операции! Никак не могла раньше!

Коля хочет рассказать матери о своем решении никогда не оставаться дома, но он видит, как мать задумчиво смотрит на стол и у нее медленно клонится голова. Она встряхивает головой и виновато улыбается.

— Ложись, мама, ложись,— чувствуя необыкновенный прилив любви к матери, говорит Коля.— Ты устала! Ты очень устала, мама!

Мать целует его и, на ходу раздеваясь, идет к постели.

— А я подъезжаю и думаю: спит мой Колька, наверное! А ты, оказывается, ждал! Ах ты, Колька мой! Ну ложись, сын, а то завтра проспим.

Мама сразу засыпает, и Коля слышит, как во сне она говорит с какой-то старшей сестрой. Коля, в темноте прислушиваясь к спокойному дыханию матери, думает о том, что если завтра опять ему придется сидеть дома одному, то это совсем не страшно, и он усмехается, вспомнив нож с костяной ручкой.

И, засыпая, Коля говорит:

— Мам, а, мам, а как ты думаешь, я похож на отца?

Студент художественной школы

Федор ФОЛОМИН

Солнце обновило частоколы,
Развернулся день во всю длину...
И студент художественной школы
Прикоснулся кистью к полотну.

Весь в рябинках, тонкий, остролицый,
Здешний родом, а как будто гость,
Он мазок медовый с половицы
Нежно поднял, перенес на холст.

Рисовал он сонную природу,
Быстрый свет, и медленную тень,
Да сарай, прижатый к огороду.
Стало скучно! Надвигалась темь.

Баню облепили пятна сажи,
Облака погасли над рекой.
Тут садовник-дед вошел в пейзажи,
Раздвигая яблони рукой.

Карандаш глаза наметил деда —
Стало сразу на холсте светло,
И недорисованное лето
Молодой улыбкой зацвело.

Искры глаз смеялись и не тухли...
— Ну, Владимир, нарисуй меня! —
И на брови, сделанные углем,
Загляделась гордая родня.

Руки деда обнимали посох,
Проступали пальцы на холсте;
Годы шли на пашне, на покосах
В трудовой суровой красоте...

Все соседи улыбались чинно;
Каждый видел летней жизни зной,
Солнцем освещенные морщины,
Яблоки в росе над сединой.

И художник позабыл про тучи,
Про печаль вечерних облаков;
Рисовал он сад живой, цветущий,
Дорогие лица земляков.

В поход

Зинаида АЛЕКСАНДРОВА

Пионеры уходят
На рассвете в поход,
У горниста Володи
Птица в горне поет.

От веселого горна
Просыпается двор,
Одеваясь проворно,
Все выходят на сбор.

Сколько галстуков алых—
Столько дружных ребят!
Запоет запевала —
А подхватит отряд.

Широки мостовые,
И не жмут башмаки,
И мешки вещевые
За плечами легки.

И ведет их вожатый
Все вперед и вперед...
— Вы далеко ль, ребята!
— Мы уходим в поход!

— На лугах Подмосковья,
Возле речки лесной
Набираться здоровья,
Отдохнуть в выходной.

Встречи на острове Кюрасао

А. КОМАРОВА

На берегу острова Кюрасао видна старинная крепость — памятник времен испанских завоевателей. Сегодня на крепости развевается флаг Нидерландского королевства.

И вот мы в заливе Санта Ана, на берегу которого расположилась столица Кюрасао город Виллемстад.

Залив сильно врезается в сушу и, рассекая город на две части, служит одной из городских магистралей. Здесь снуют небольшие шхуны и лодки, подвозящие товары к набережной. Торговля происходит тут же. Апельсины, огромные кисти зеленых бананов, консервы — все это перетаскивается прямо с маленьких судов на столы торговых рядов рынка.

Островок Кюрасао, затерянный в Караибском море, очень мал. За день пешеход может пересечь его в любом направлении. Но и здесь мы лишний раз убедились, что нет в мире клочка земли, где простые люди не питали бы глубокой любви к нашей Родине, где бы простой человек не восхищался последовательной борьбой Советского Союза за мир.

В полутемной крохотной лавчонке, набитой дешевыми американскими товарами, покупателей встречает хозяин со своим единственным помощником — мальчишкой-рассыльным. В жилах владельца лавочки течет мексиканская кровь, мальчишка — уроженец острова. Одинаково плохо они говорят на испанском, английском, голландском, португальском языках и на так называемом папиаменто — своеобразной смеси всех этих языков.

Лицо хозяина лавки выражает холодную приветливость. Сеньоры объясняются на испанском языке? Это очень хорошо. А на каком языке они разговаривают между собой? На русском? Значит, сеньоры — «товариси» из Советского Союза? Диос мио! [1].

Удивление, приятная растерянность, радость, как кадры в фильме, чередуются на смуглом лице хозяина. Как же, он ездил в Мехико [2], и ему удалось просмотреть несколько советских фильмов! Это были «Радуга» и «Сталинград». Он даже заучивал напамять имена героев, но их трудно произносить...

Мы спрашиваем, понравились ли ему советские картины. Он отвечает характерным жестом латиноамериканцев: встряхивает на уровне своей груди правой кистью и, прищелкнув, как кастаньетами, пальцами, произносит: «Карамба!» Это слово выражает в данном случае глубокое восхищение.

Лавочник говорит, не умолкая. Он так рад побеседовать с людьми, которые поймут его! Он жалуется на то, что жизнь дорожает все больше и больше. Такие, как он, мелкие коммерсанты страдают от высоких монопольных цен североамериканских экспортеров. Налоги растут, торговать все труднее!

— Раньше, — с горечью рассказывает он, — на остров приезжали за покупками торговцы и просто покупатели из Венесуэлы, Колумбии, с Кубы, из Доминиканской республики. На Кюрасао можно было все купить дешевле, чем в этих странах. Теперь янки завалили рынки Латинской Америки массой товаров, многие из которых продаются по бросовым ценам. Кризис идет, это ясно всякому. Что же будет завтра? Известно, всегда страдает тот, кто беднее...

— Я хочу спросить вас об одном деле, которое меня особенно интересует, — сказал наш собеседник. — Я читал, что в Советском Союзе не бывает кризисов. И вот хочется услышать от вас подтверждение этого. Это правда?

Да, он всегда был убежден, что это истинная правда... Потом он просит, если можно, прислать ему книги о Советской России, безразлично какие: его интересует все, буквально все!

Он все затягивает прощание с необычными посетителями, и по лицу его видно, что он поспешно перебирает в памяти, что еще нужно спросить. Но вопросов так много, что он со смущенной улыбкой только покачивает головой и крепко жмет нам руки...

После полудня улицы Виллемстада пусты. В центре мы увидели небольшие домики с крутой, высокой крышей, разноцветными ставнями, газонами и клумбами перед окнами. Но эти сентиментально уютные уголки, нарочито созданные в духе старой Голландии, сразу исчезали там, где начинались кварталы бедноты. На Кюрасао эти кварталы так же страшны, как в любом другом месте американского континента, от Огненной земли до Гудзона.

Местные голландские власти позаботились о том, чтобы издать справочники и альбомы с описанием достопримечательностей острова, портретами его губернатора и влиятельных купцов. Много пишется в альбомах и проспектах о том, что остров — родина ликера «кюрасао», вырабатываемого из корочек здешнего апельсина «диви-диви». Но ни в одном справочнике вы ничего не найдете о жизни рабочих на нефтеперегонных заводах, которыми, собственно, и знаменит этот остров.

Кюрасао, расположенный на перекрестке важнейших торговых путей из Северной Америки в Южную и из Америки в Европу, — в сущности, огромный склад и транзитный пункт для перевозки самых разнообразных товаров. Но все же нефть занимает главное место в жизни острова. Заводы по перегонке нефти на Кюрасао и соседнем острове Аруба принадлежат к крупнейшим в мире.

Своей нефти на острове нет. Танкеры доставляют сюда «черное золото» из Венесуэлы, до берегов которой отсюда несколько десятков километров, и вывозят с острова бензин, керосин, машинное масло. Магнаты двух нефтяных монополий — американской «Стандард ойл оф Нью Джерси» и англо-голландской «Ройял детч шелл» — не заинтересованы в том, чтобы перерабатывать нефть на месте ее добычи, в Венесуэле. Это привело бы к росту венецуэльского пролетариата, и без того часто нарушающего благоденствие нефтяных компаний.

О рабочих нефтеперерабатывающей промышленности на Кюрасао стараются не только не писать, но даже и не вспоминать. Это «не принято» в избранном обществе острова. Там, где при входе в залив Санта Ана стоит мрачная испанская крепость, возвышаются невдалеке резервуары с нефтью. Их округлые бока исполосованы огромными черными буквами «Шелл». Когда пароход идет на виду этих резервуаров, власти просят пассажиров не глядеть в сторону берега. Может быть, там, как и в Венесуэле, за оградой из колючей проволоки живут рабочие-нефтяники.

...Мы беседуем с доктором Х., коренным жителем острова. У доктора небольшая лечебница, крошечная приемная, рентгеновский кабинетик; медсестра, она же секретарь, сидит в нише перед входом в приемную. Доктора давно и глубоко интересуют вопросы постановки здравоохранения и просвещения в Советском Союзе. Он слушает внимательно, не шелохнувшись, переспрашивает, задает вопросы.

Потом он рассказывает о «культуре» на острове Кюрасао.

— Нужно иметь большую волю и крепкую голову, — говорит доктор, — чтобы не сойти с ума от бесконечных американских фильмов с убийствами, привидениями и порнографией. Но ничего другого в двух кинотеатрах города не увидишь: монополия Голливуда!

В столице острова — одна-единственная библиотека, где не достанешь материала даже по самым элементарным вопросам мировой культуры. Доктор сам составил себе небольшую библиотечку. Он с гордостью показывает нам томик стихов Маяковского в английском переводе.

Мы узнаем, что «культурой» на Кюрасао руководит организация «Кюнсткринг», состоящая из представителей местной крупной буржуазии. Она старательно изолирует жителей острова от передовых идей современности.

— Понятно, — говорит доктор, — почему правительство королевы Нидерландов и местные правители стараются не допускать нашего общения с миром, особенно с советской наукой и искусством. Больше всего боятся они, как бы жители Кюрасао не «заразились» идеями мира, которые так великолепно отстаивает Советский Союз.

Вот уже свыше трехсот лет Кюрасао под властью голландской короны, — продолжает он. — Последние семьдесят лет жители острова ведут упорную борьбу за национальную независимость. И в нашей истории были герои — Тул и Бастиан Карпата. Еще в XVIII веке они возглавили борьбу нашего народа за свободу. Разгром гитлеризма заставил королеву Вильгельмину в свое время многое обещать жителям Кюрасао. Но ее посулы оказались клочком бумаги. Королевским декретом были даже разрешены выборы в ассамблею — местный орган законодательной власти. Блок демократических партий одержал тогда победу, но все потом пошло прахом — королева предоставила губернатору, своему наместнику на островах, почти неограниченную власть...

С кем бы мы ни встречались на Кюрасао, разговор неизменно заходил о Москве, о советских людях. Все хотели узнать правду о нашей стране, засыпали нас десятками вопросов, и к нам тянулись крепкие, дружеские руки. Мы слышали вокруг:

— Ведь вы первые советские гости на Кюрасао!

— Приедете домой, передайте привет Москве, Сталину!

— Скажите Сталину, что мы надеемся на него!

[1] Бог мой!
[2] Столица Мексики.

Быт и нравы за рубежом

ФИНКА И БИБЛИЯ

В Южном Вюртемберге (американская зона оккупации Германии) в начале этого года закрыт был последний из лагерей для лиц, подлежащих преданию суду за фашистскую деятельность.

Куда же девались заключенные? Частичный ответ на этот вопрос дает сообщение, опубликованное во французской печати. На пароход «Бриансон», отплывавший из Марселя в Индокитай, были погружены два ящика с кинжалами и много религиозных книг.

Кинжалы были изготовлены во Франции, а книги — отпечатаны в Нью-Йорке. Груз предназначался для «иностранного легиона», чинящего расправу над народом Вьетнама.

Все, таким образом, ясно: нож — французский, библия и барыши — американские, руки — нацистские.

Отец новой белорусской литературы

Родоначальником, отцом новой белорусской литературы является, безусловно, Янка Купала. Жизни и творчеству народного поэта Белоруссии посвящена книга Евг. Мозолькова «Янка Купала», удостоенная Сталинской премии. Шаг за шагом следя за жизнью и деятельностью Купалы, автор рассказывает о трудном жизненном пути писателя. На долю Купалы выпало, говорит автор, «читать грустную книгу помещичьей пашни» и проходить «университеты» на помещичьих винокурнях.

В науках нужда не давала
мне ходу,
И книжной премудрости я
не постиг,
Язык белорусский и думы
народа
От матери знал я — без
школ и без книг.
Наставником с детства,
с годов невесёлых —
Служил мне простор
в белорусском краю,
И всходы на нивах и
говор по сёлам
Мне в дар приносили
науку свою.

(«Моя наука». 1919.
Перевод М. Исаковского.)

В поисках средств к существованию Янка Купала, даже после того, как был напечатан ряд его произведений, нанялся рабочим на винокуренный завод. Тесное общение с крестьянами и рабочими обогащало Купалу как писателя. В своей автобиографии он пишет, что сюжетами для многих его произведений служили белорусские предания, легенды, сказки. Прелестью белорусского фольклора проникнуты многие его песни и поэмы. Значительную роль в творческом развитии поэта сыграло знакомство с поэзией его предшественников — Ф. Богушевича и Я. Лучины,— у которых он заимствовал некоторые мотивы.

Начинающего писателя подстерегала опасность одурманивания вредными «теориями» польских шовинистов и белорусских буржуазных националистов. Пренебрежительно относясь к нарождавшейся новой, демократической литературе, они делали всё для того, чтобы разобщить белорусскую и русскую культуры.

Выбраться из трясины буржуазного национализма поэту-самоучке помог рост политического сознания народа. «Революционное движение широких трудящихся масс всех угнетённых народов России, поднятых рабочим классом и его партией на борьбу с царизмом,— говорит Мозольков, — вот почва, породившая и взрастившая могучий талант Купалы».

Дыхание революции чувствуется и в ранних произведениях Купалы. Уже в первом сборнике его стихов «Жалейка» («Дудочка») царская цензура учуяла крамолу и конфисковала книгу. Любопытен документ, найденный Мозольковым в Ленинградском центральном историческом архиве. Это — отношение С.-Петербургского комитета по делам печати при министерстве внутренних дел на имя прокурора судебной палаты. Об одной из песен сборника чиновник писал:

«Песня вольного человека» говорит о том, что всякого рода насилия «подлых» деспотов бесцельны, ибо как нельзя погасить солнце, так нельзя уничтожить стремление народа к свободе. В изложенном содержании стихотворения «Песня вольного человека» нельзя не усмотреть открытого возбуждения к действиям явно бунтовщическим, т. е. преступление, предусмотренное п. 1 ст. 129».

Весь сборник «Жалейка» овеян скорбью поэта о тяжкой доле белорусского крестьянина, дышит ненавистью к угнетателям (барину, жандарму, попу), верой, что терпение крестьянина иссякнет и он сбросит ярмо.

Прав Евг. Мозольков, подчёркивая в своей книге, что Купале и его соратникам — Якубу Коласу, М. Богдановичу, З. Бядуле и другим белорусским писателям — много помогло их тесное содружество с братскими литературами — русской и украинской. Особенно близкими Купале по духу были Некрасов, Кольцов, Шевченко.

Купала перевел на белорусский язык ряд стихотворений Некрасова, Кольцова, Шевченко. Связь поэта с русской литературой с годами всё более крепла. Известна его дружба с М. Исаковским, который перевел немало произведений Купалы. В свою очередь, и Купала перевел ряд стихотворений Исаковского. Белорусского поэта охотно переводил и классик латышской литературы Ян Райнис.

Особое место в книге уделено выяснению роли А. М. Горького в жизни и творчестве Я. Купалы. Лишь только великий пролетарский писатель ознакомился с одной из первых песен Купалы («А кто там идёт по болотам и лесам?»), как он ее сам перевел на русский язык и восторженно отозвался о ней. Сердечное отношение Горького вливало много бодрости и окрыляло творчество Купалы.

«Если белорусская литература,— пишет Евг. Мозольков,— сумела достичь подлинной народности, стать выразительницей передовых, благородных идей своего времени, то этим она в значительной степени обязана глубокому одухотворяющему влиянию произведений М. Горького».

Приветствуя белорусского поэта в день тридцатилетия его литературной деятельности, А. М. Горький назвал Я. Купалу «неутомимым поэтом - революционером». Свое благоговение перед Горьким и чувство благодарности поэт выразил в стихотворении «Памяти Максима Горького».

Купала не сразу стал подлинным поэтом-революционером. В годы реакции в его поэзии заметно влияние символизма.

Тем не менее и в дооктябрьской поэзии Купалы в основном преобладали революционные мотивы. Его стихотворения и того периода воодушевлены протестом против социальной несправедливости, подкупают своей простотой и искренностью.

После Октябрьской революции, особенно начиная с 1923 года, народный писатель решительно и безоговорочно становится пламенным певцом социалистического строительства. Это пора самого могучего расцвета дарования Я. Купалы.

В главе «Певец социалистического строительства» автор монографии подробно останавливается на поэме «Над рекой Орессой». В этом произведении Я. Купала воспевает расцвет советского Полесья: «Ясли, школы, электричество, радио пришли в лесную глухомань».

Где стояли над трясиной
Тростники да лозы,
Появились, зашумели
Нивы, сенокосы.
Поле ровное такое,
Словно стол огромный,
А на нем хлеба бушуют
Силой неуёмной.
Трактора снуют по полю,
Пашут, боронуют,
Трактористы распевают
Про страну родную.

Эта поэма, отмечает Евг. Мозольков, сыграла большую роль в развитии белорусской литературы, привлекла внимание писателей Белоруссии к важнейшим боевым темам современности. Переведенная на русский язык С. Городецким, она прославила Я. Купалу по всей нашей необъятной стране.

К числу бесспорных удач народного поэта Белоруссии надо отнести его цикл стихов о нашем великом вожде И. В. Сталине. Этим циклом начинается последний сборник стихов Купалы под названием «От всего сердца». Вот маленький отрывок (в переводе М. Исаковского) из песни «О Сталине мудром я песню слагаю»:

Со Сталиным вольно живется
на свете:
Как ясное солнце, он греет и
светит,
Пути пролагает к великой
победе,
Чтоб радостней было и
взрослым, и детям...
Со Сталиным вольно живётся
на свете.

Как песня, живет его имя в
народе —
В просторах полей и на
каждом заводе,
В колхозные хаты он гостем
приходит,
Он с нами повсюду — в живом
хороводе...
Как песня, живет его имя в
народе.

Янка Купала, как подлинно народный поэт, всю жизнь общался с народом. В частности, в тридцатых годах он часто разъезжал по колхозам Белоруссии и в некоторых из них подолгу живал.

«Он понимал,— пишет автор монографии,— что не может писатель обойтись старым опытом, ограничиться старым знанием жизни. Снова, как в молодости, как тридцать лет тому назад, Купала разъезжает по стране. Тогда это были вынужденные скитания в поисках куска хлеба. Сейчас он сознательно стремится ближе узнать разительные перемены в судьбах и внутреннем облике людей».

В дни Великой Отечественной войны Купала с большим патриотическим подъемом звал на борьбу с фашистскими насильниками:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых.
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

(Перевод М. Голодного.)

В монографии о Купале много рассказано о кипучей общественной деятельности поэта, о его постоянном общении и дружбе с современными писателями разных народов Советского Союза.

Особое место в книге уделено анализу драматургического наследства Купалы, его известных пьес «Павлинка», «Разоренное гнездо», «Примаки», которые в течение многих лет ставились на профессиональных и самодеятельных сценах Белоруссии.

Автору монографии пока еще не удалось дать всесторонний анализ творческого наследия Янки Купалы. Поставив во главу угла идейную, социально-политическую оценку его жизни, Евг. Мозольков очень мало места уделил исследованию поэтики Янки Купалы.

Тем не менее монография Мозолькова — это первый серьезный опыт освещения жизни и творчества крупнейшего народного поэта Белоруссии.

О. ЛЮБОМИРСКИЙ

Евг. Мозольков «Янка Купала». Жизнь и творчество. «Советский писатель». 182 стр. 1949. Цена 6 р.

Илья Репин и Лев Толстой

Известный музыкальный и художественный критик, поборник реализма и народности в искусстве, В. В. Стасов писал Л. Н. Толстому:

«У Репина такая же цельная, неподмесная, не развлекающаяся ни на что постороннее натура, как и у Вас».

И действительно, в натуре двух великих художников русской земли — Ильи Ефимовича Репина и Льва Николаевича Толстого — были общие черты. Да и в художественном творчестве они оба, каждый по-своему, воплощали жизненную правду, дали миру образ своей родины в ее неповторимой красоте. Пришло время, когда встреча обоих — Толстого и Репина — должна была неминуемо состояться.

Это было в 1880 году в Москве, в Большом Трубном переулке, где жил тогда автор «Бурлаков». Репин не раз вспоминал потом вечер, когда в его маленькую мастерскую вошел коренастый человек, большеголовый, длиннобородый, в черном сюртуке. У постаревшего Толстого в ту пору уже не было полного сходства с известным портретом, на котором за семь лет до того изобразил его художник Крамской.

Репин внимательно вглядывался в глаза великого писателя, и ему казалось, что они светятся из-под грозно нависших бровей фосфорическим блеском. «Было и ново, и жутко»,— признавался Репин. С этого вечера и началась дружба двух гигантов, оставившая свой след в эпистолярной литературе, в произведениях могучей репинской кисти, во многих высказываниях Толстого.

Издательство «Искусство», публикующее литературное наследство Репина, посвятило две книги материалам, возникшим в результате встреч, разговоров и переписки И. Е. Репина с Л. Н. Толстым и членами его семьи. Многое уже публиковалось раньше, но, разбросанное по старым изданиям, оно теперь в этих двух книгах тщательно собрано и систематизировано. Мозаика из литературных документов создает единую композицию, рисующую взаимоотношения двух великих людей.

Письма Репина к Толстому, его жене и к дочери Татьяне Львовне, за малым исключением, публикуются в настоящем издании впервые. Они полны восторга перед гением Толстого.

«Раздумывая о каждом Вашем слове, мне все более выясняется настоящая дорога художника»,— пишет Репин Толстому. «Вы принесли мне громадную духовную пользу». Замечания Толстого о картинах Репина драгоценны художнику «по своей глубокой правде и высокому строю мысли».

Такой же приподнятостью тона окрашены и письма Репина к Татьяне Львовне Толстой. Их больше всего сохранилось и опубликовано в настоящем издании. Обилие их было в значительной степени следствием увлечения художника дочерью Толстого.

И здесь, на этих страницах, тоже восторженные отзывы о Льве Толстом, о человеке-горе. Однако Репин далеко не во всем согласен с Толстым:

«Аскетизм, самоубийство чувств,— пишет он,— все это, право, никому не нужно». Репин отвергает пассивность, непротивление злу, требуя активного вмешательства в жизнь, а не примирения «с такой юдолью».

Татьяна Львовна училась живописи, писала красками, и в письмах Репина к ней много замечаний об искусстве, о картинах, о художниках. Сурикова Репин любит, уважает и интересуется им «более всех наших художников». Иллюстрации Врубеля к Лермонтову Репину не нравятся. Он сожалеет, что искусство недюжинного художника Волкова, «выросшее на почве европейской, образовалось в пустоцвет». Репин боится, как бы цензура не убрала с выставки его знаменитый «Крестный ход».

Илья Ефимович многократно зарисовывал Льва Николаевича в различных положениях, писал с него портреты, лепил его бюст. Эти драгоценные памятники искусства находятся в музеях, они известны всему миру по бесчисленным репродукциям и почти все воспроизведены в настоящем издании. И помещенные здесь литературные материалы (первоисточники) дают очень выразительную творческую историю замечательнейших произведений Репина, увековечивших черты и образ Льва Толстого.

Репин был близок Толстому. В своих письмах к разным лицам Лев Николаевич то и дело признается, что «очень полюбил» Репина, что Репин — «очень хороший и серьезный человек», «живой, растущий человек», «видеть его был бы очень, очень рад».

Запоминается страничка из дневника Нордман-Северовой, жены Репина: «Вот что я видела собственными глазами. Они сидели друг против друга за столом в зале — Лев Толстой и Илья Репин — и говорили что-то горячо, искренно, и я чувствовала, как весело трепетала душа Репина перед блеском и полетом другого гения».

Целых три десятилетия, до самой смерти Л. Н. Толстого, длилась дружба этих двух великих русских художников.

Зин. ДАВЫДОВ

Письма И. Е. Репина. И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. Книга 1. Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей. 147 стр. В переплете 17 р. 50 к.; книга 2. Материалы. 155 стр. В переплете 16 руб. Издательство «Искусство». 1950.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА
«ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ»

Магда Форсгольм, Ганна Лихта и Марк Пино — артисты Л. Кошукова, Л. Скопина и В. Дру

Ганна Лихта и Коста Варра — артисты Л. Скопина и Б. Ситко.

Сцена в парламенте. Гуго Вастис и Макс Вента — артисты В. Марута (слева) и П. Кадочников.

Демонстрация за мир и демократию.

Народ побеждает

О кинофильме «Заговор обреченных»

Г. АЛЕКСАНДРОВ
Народный артист СССР

В то время, как кинематография стран капитализма выпускает сотни стандартных фильмов, в которых проповедуется человеконенавистничество, ведется идеологическая подготовка новой войны, советское киноискусство активно служит делу мира и демократии.

Вслед за выдающимися фильмами «Русский вопрос», «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина» на экраны выпущена новая кинокартина «Заговор обреченных». Всем своим содержанием этот фильм направлен против поджигателей войны, против политических интриганов и проходимцев, пытающихся превратить Европу в колонию американского империализма.

...Тысячи людей заполнили огромную городскую площадь. В едином порыве поднимают они руки, неустанно скандируя одну фразу: «Долой план Маршалла!», «Долой план Маршалла!». И этот мощный голос масс, врываясь в зал парламента, победоносно решает исход борьбы представителей народа — коммунистов — против приспешников международной реакции.

Эта сцена — одна из наиболее волнующих в новой цветной картине «Заговор обреченных», поставленной режиссером М. Калатозовым на тему одноименной пьесы Н. Вирты.

Слова «на тему» здесь уместны. Известно, что спектакль длится около четырех часов,— фильм же идет на экране немного более полутора часов. Значит, в картине при предельной сжатости ее содержания надо было найти новые творческие решения. Это было достигнуто благодаря тому, что и автор сценария Н. Вирта и режиссер М. Калатозов, перерабатывая пьесу, насытили ее событиями и фактами, подсказанными самой жизнью. И, что самое ценное, они сумели главным героем произведения сделать борющийся и побеждающий народ.

Действие из комнат и зал заседаний перенесено на площади городов, на заводы, где проходят митинги, к землепашцам и лесорубам. И многое, что в пьесе рассказывалось, здесь показывается и потому предстает весомо и зримо.

Как и в пьесе, действие происходит в одной стране, где американцы пытаются остановить движение масс к демократии и свободе, организуя заговоры и диверсии. В контрреволюционном заговоре принимают участие представители националистической партии и церковники. Ярко и правдиво показано, как американские империалисты используют в своих целях правых социал-демократов. Смело, с большим знанием материала, разоблачены интриги Ватикана — непременного участника всех провокаций и террористических убийств; показана подлая роль гнусного предателя Тито, который, выполняя приказ американского посла Мак-Хилла, помогает капиталистам Соединенных Штатов в их гнусных планах.

В картине вскрыты дипломатические махинации и интриги, так называемая тотальная дипломатия Вашингтона. Эта дипломатия превратилась в стандарт, применяемый американцами повсюду совершенно одинаково. И каждая страна, где американцы ведут свою подрывную деятельность, узнает в этой картине правдивые и типичные эпизоды из своей собственной жизни.

Кадр за кадром раскрывает фильм цепь зловещих заговоров, подготавливаемых предателями народа — наймитами Уолл-стрита и агентами Ватикана. Реакционеры дважды организовывали покушение на заместителя премьер-министра Ганну Лихту. Продуманно и жестоко проводили они политику, которая вела страну к голоду. Матерые и опытные провокаторы, они пытались переложить вину на коммунистов, чтобы навлечь на них гнев и ярость масс.

Но убийства не удались, провокации разоблачены. Разбита и сорвана последняя ставка предателей и изменников, подготовивших военный путч. Заговорщики обезврежены. Трудовые люди понимают, кто их друзья и кто враги, и идут за коммунистической партией. И хотя американский посол Мак-Хилл цинично заявляет, что «воля народа не играет никакой роли» и «мы оказываем помощь даже тем, кто ее не просит»,— народ решительно отказывается от американских «милостей». С восторгом приветствуют трудящиеся массы договор о дружбе с Советским Союзом, с благодарностью принимают братскую поддержку Советской страны.

Подлинной партийностью, большой политической страстностью отмечена новая картина, которая вносит немалый вклад в дело борьбы за мир.

Режиссер-постановщик этого фильма М. Калатозов известен еще по картине «Соль Сванетии», которую он в свое время снимал в Грузии, и картине «Валерий Чкалов». В «Заговоре обреченных» Калатозов выступил уже как зрелый и опытный мастер, отлично владеющий всеми средствами киноискусства.

За последнее время мы видели много удачных цветных фильмов. «Заговор обреченных» — бесспорный шаг вперед на пути творческого освоения цветной кинематографии. Оператор М. Магидсон и художник И. Шпинель дали превосходные образцы цветных съемок.

К участию в картине привлечены отличные исполнители. В первую очередь назовем актрису Л. Скопину — исполнительницу роли Ганны Лихты. Отважная и преданная дочь народа, опытный политический деятель, одна из руководителей коммунистической партии, Ганна Лихта — центральная фигура фильма. Сильно и правдиво играет эту роль Л. Скопина.

Ганне Лихте — благородной и самоотверженной женщине, олицетворяющей совесть народа, его мечты, его чаяния,— противостоит в картине другой женский образ, ярко и остро воплощенный актрисой С. Пилявской. Это Христина Падера — министр продовольствия, прожженная авантюристка, профессиональная шпионка, убежденная двурушница.

Характерную фигуру иезуита и политического интригана рисует А. Вертинский, играющий в картине роль кардинала Бирнча.

Тонко и в то же время беспощадно разоблачает артист И. Судаков в роли председателя парламента Иоахима Пино всю продажность социал-демократии.

Откровенны в своих устремлениях и пресмыкающийся перед американцами капиталист Гуго Вастис (артист В. Марута) и его главный «босс» — американский посол Мак-Хилл (артист М. Штраух). В шайке политических провокаторов подвизаются бывший эсэсовец Куртов (артист О. Жаков), американская шпионка, развязная журналистка Кира Райчел (артистка В. Серова) и генерал Бравура — военный руководитель заговора (артист Р. Плятт). Этой банде врагов мира и свободы противостоят в картине яркие образы людей, борющихся за новую жизнь.

В рядах передовых борцов за мир и демократию — Коста Варра, крестьянин-депутат, предстающий в сочном и колоритном исполнении артиста Б. Ситко как олицетворение народной силы и правоты. Беззаветно предан делу партии редактор газеты Макс Вента, его играет артист П. Кадочников. Порвав с отцом, включается в активную борьбу с социал-предателями и агентами американского империализма Марк Пино (артист В. Дружников). В фильме появился также новый образ — генерального секретаря коммунистической партии Никола Славено (артист В. Аксенов), — отсутствующий в пьесе «Заговор обреченных».

Кадр из фильма «Заговор обреченных».

С большим подъемом сняты все массовые сцены, где народ — хозяин страны — высказывает свою непреклонную волю.

Фильм «Заговор обреченных» горячо встречен советскими зрителями. Гражданам стран народной демократии он поможет правильно понять и оценить многое из того, что делается в их жизни.

Попытки реакционеров вынудить народы стран демократии сойти с социалистического пути обречены на провал. Это убедительно показывает фильм, подымающий новую волну любви и преданности к Советской стране, к вождю и другу трудящихся всего мира великому Сталину.

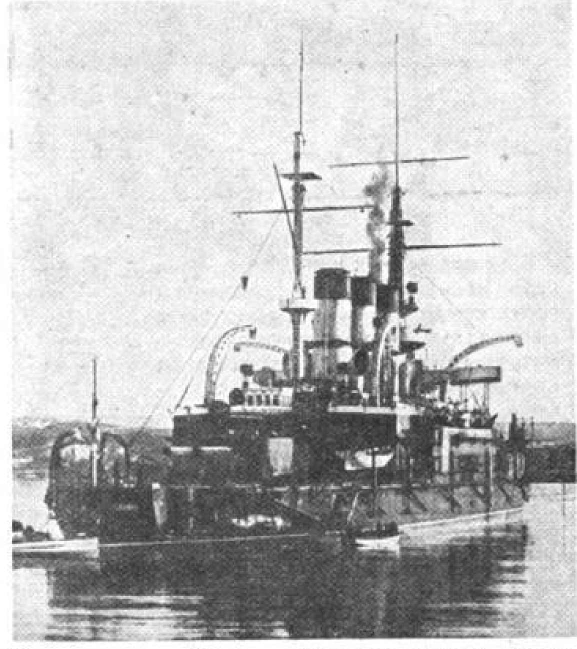
«Броненосец «Потемкин» продолжает плавание

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

В 1925 году советской кинематографией был выпущен фильм, посвященный одной из самых славных страниц истории революционного движения в русском флоте — героическому восстанию моряков в 1905 году.

«Броненосец «Потемкин», заснятый четверть века назад, и по теме и по методам художественного решения был новым словом в мировом киноискусстве. Впервые героем картины выступил народ. Фильм совершил триумфальное шествие по советским экранам и по экранам почти всего мира. Ныне, к 45-летию восстания, через 25 лет после выпуска фильма, «Броненосец «Потемкин» вновь выходит на экраны, на этот раз в озвученном виде.

Ниже рассказывается о некоторых эпизодах, связанных с созданием фильма.

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в 1905 году.

Во время гражданской войны броненосец «Князь Потемкин-Таврический» стоял у Крымского побережья. Когда белогвардейцы вместе со своими иностранными опекунами под натиском Красной Армии покидали Крымский полуостров, они старались увести с собой за границу побольше судов. Но «Потемкин» не мог идти своим ходом. Специально созданная «комиссия» вынесла решение: подорвать «Потемкин». Полностью уничтожить корабль не удалось, хотя машинное отделение было варварски изуродовано.

После освобождения Крыма предпринимались попытки восстановить драгоценную для народа реликвию. Но это оказалось невозможным. Первая «пловучая республика», над которой в дни ожесточенной царской реакции взвился красный флаг, доживала свой век. В Севастопольском доке осенью 1924 года началась разборка корабля.

...Спустя год на Черном море, неподалеку от Севастополя, появился трехтрубный броненосец, удивительно схожий с «Потемкиным». Лодочники, проходившие мимо корабля, уверяли, что на нем так и написано:

«Князь Потемкин-Таврический».

Что же произошло? Севастопольцы знали, что броненосец «Потемкин» разобран год назад. Тайна раскрылась, когда появились люди с кинокамерой. Им понадобилось воскресить знаменитый броненосец, и командование Черноморского флота предоставило в распоряжение киноработников сохранившийся к тому времени блокшив (коробку) броненосца «Двенадцать апостолов».

Для предстоящих киносъемок на коробке возвели палубные надстройки, поставили орудия. Все это было сооружено из досок и фанеры, но так искусно, что выглядело вполне естественно.

По первоначальному сценарию восстание на «Потемкине» должно было служить лишь одним из эпизодов фильма о 1905 годе. Но в ходе работы получилось так, что эпизодическая тема выросла в самостоятельный большой фильм. Съемки производились в подлинных местах событий — в Одессе и Севастополе.

В Севастополе предстояло заснять наиболее важные моменты фильма: события на палубе восставшего броненосца, сцены встречи потемкинцев с одесситами, подъезжавшими к кораблю на яликах с продуктами для моряков.

Велись съемки сперва на палубе «Двенадцати апостолов», а затем на берегу.

Режиссер С. Эйзенштейн с пятью своими ассистентами[1] появлялись в портах, на бульварах и улицах Севастополя и Одессы. И всюду рядом с ними слышалось мерное стрекотание кинокамеры. С вышки, корабельного трапа, движущегося помоста или с крыши высокого здания производил самые сложные съемки Эдуард Тиссе, оператор, чье мастерство сыграло значительную роль в успехе этого классического кинопроизведения.

В тех случаях, когда нужно было показать «Потемкина» в движении, съемки производились на крейсере «Коминтерн», одном из первых восстановленных после гражданской войны кораблей Черноморского флота.

Потемкинцев изображали их прямые потомки — советские моряки. Только с бескозырок исчезли черные ленточки с буквами «РКК. Черноморский флот». Их заменили георгиевские ленты с напечатанным бронзой словом «Потемкин».

[1] В числе ассистентов были Г. Александров, впоследствии постановщик широко известных фильмов «Веселые ребята», «Цирк», «Встреча на Эльбе», а также артист М. Штраух, исполнитель роли В. И. Ленина в фильмах и на сцене.

Лишь несколько актеров участвовало в создании фильма: командира корабля Голикова играл артист Барский, офицера Гиляровского — Г. Александров, матроса Вакулинчука — ассистент режиссера А. Антонов.

Эйзенштейн подбирал иногда самых неожиданных исполнителей. Его внимание привлек швейцар гостиницы.

— Удивительно подходит к роли судового врача Смирнова! — сказал режиссер. — Его и гримировать не придется.

И швейцар создал колоритный образ врача Смирнова, который признал гнилое мясо свежим, за что и был выброшен восставшими матросами за борт.

Роль судового священника исполнял севастопольский садовник.

Тысячи людей участвовали в создании фильма. В нем снимались моряки-черноморцы, жители Одессы и Севастополя. Среди них тогда, в 1925 году, было немало бывших потемкинцев и еще больше живых свидетелей событий, происшедших за два десятилетия до этого. Многие горожане, увидев на одесской лестнице людей, наряженных полицейскими и казаками, тут же делились воспоминаниями о пережитом ими в девятьсот пятом году. Здесь в солнечный июньский день по царскому приказу расстреливали мирных жителей, пришедших взглянуть на революционный корабль, над которым развевался алый флаг.

...Через двадцать лет после восстания на «Потемкине» в Москве, в Большом театре, состоялось торжественное заседание, посвященное этому событию. И здесь впервые был показан только что законченный фильм, много лет затем не сходивший с экрана. Он побывал на обоих полушариях мира, и это не прошло бесследно.

Вот один из характерных эпизодов.

Когда в феврале 1933 года в Сурабайе (Голландская Индонезия) вспыхнуло рабочее восстание, матросы голландского корабля «Де Цевен Провинциен» двинулись из Суматры на помощь рабочим. На происходившем затем суде моряки заявили, что все они смотрели фильм «Броненосец «Потемкин».

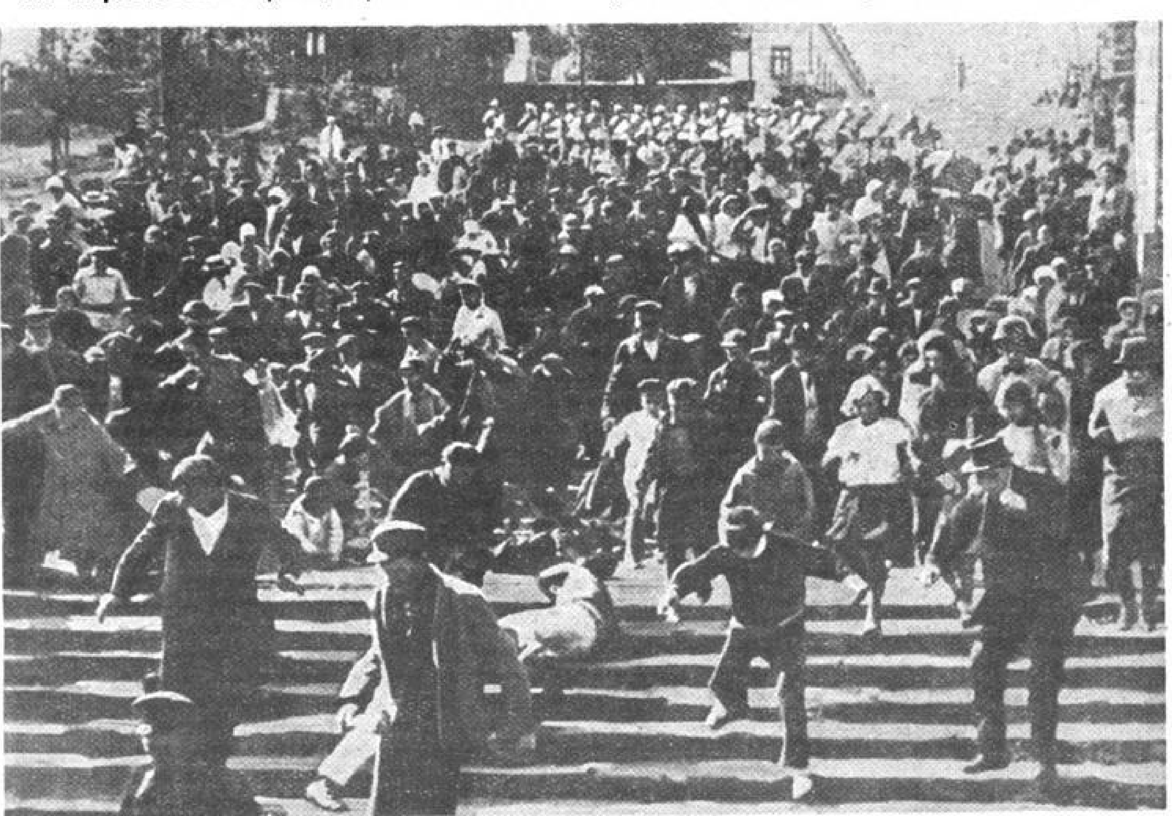
* * *

Фильм о «Потемкине» был заснят до появления звукового кино.

Новое поколение наших зрителей увидит этот фильм озвученным (работа режиссера С. Казакова и композитора Н. Крюкова). С экрана услышат зрители слова Владимира Ильича Ленина:

«Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия... Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром».

Бессмертный броненосец революции продолжает свое плавание.

Кадр из фильма «Броненосец «Потемкин».

Заметки о трех комедиях

В минувшем сезоне московские театры поставили ряд новых комедий. Наши заметки посвящены трем из них, написанным на темы колхозной жизни.

РОМАНЮК ВОЮЕТ САМ С СОБОЙ

Один из центральных персонажей недавно поставленной в Малом театре комедии А. Корнейчука «Калиновая роща», Иван Петрович Романюк,— человек заслуженный. Не посрамил он своей чести в суровую годину Отечественной войны. Неоспоримы и прошлые его заслуги на посту председателя колхоза.

И сейчас Иван Петрович считает себя честным патриотом, настоящим коммунистом: ведь руководимый им колхоз никто не посмеет назвать отстающим. Правда, не числится он и среди передовых, но не всем же быть передовыми, рассуждает Романюк.

Вот его нехитрая философия:

— Они, конечно, передовые, но мы, средние колхозы, есть основная сила. Когда-нибудь и мы будем генералами, а пока что в сержантах пребываем, а без них армии нет.

Обывательская премудрость Романюка очевидна. Причина его ошибок — нежелание учиться, непонимание бесспорной истины, что тот, кто не идет вперед, неминуемо отстает.

Сам того не сознавая, Романюк наносит вред общенародному делу, за которое готов—мы верим—отдать жизнь. И выходит, что воюет Романюк сам с собой.

Колхозник-новатор Ветровой говорит, что и Романюк по-своему стремится к хорошему, но «его хорошее — узкое, маленькое». А с точки зрения строителей коммунизма, «узкое, маленькое» никого не устраивает. И поэтому зрителям смешно, когда Романюк убеждает Ветрового в том, что и он, Романюк,— передовой человек.

«Калиновая роща» — комедия действенная, ее конфликт почерпнут автором из гущи самой жизни.

И не случайно спектакль «Калиновая роща», поставленный режиссером А. Диким в Малом театре, богат столькими актерскими удачами.

Талантливо играет Романюка Ф. Григорьев. Мы видим крепко слепленную, кряжистую фигуру старого колхозного вожака, упорного и упрямого. За его плечами трудно прожитая жизнь, долгие годы борьбы за родной колхоз. Но теперь он лег поперек дороги колхозников, которые рвутся выйти на передовую линию.

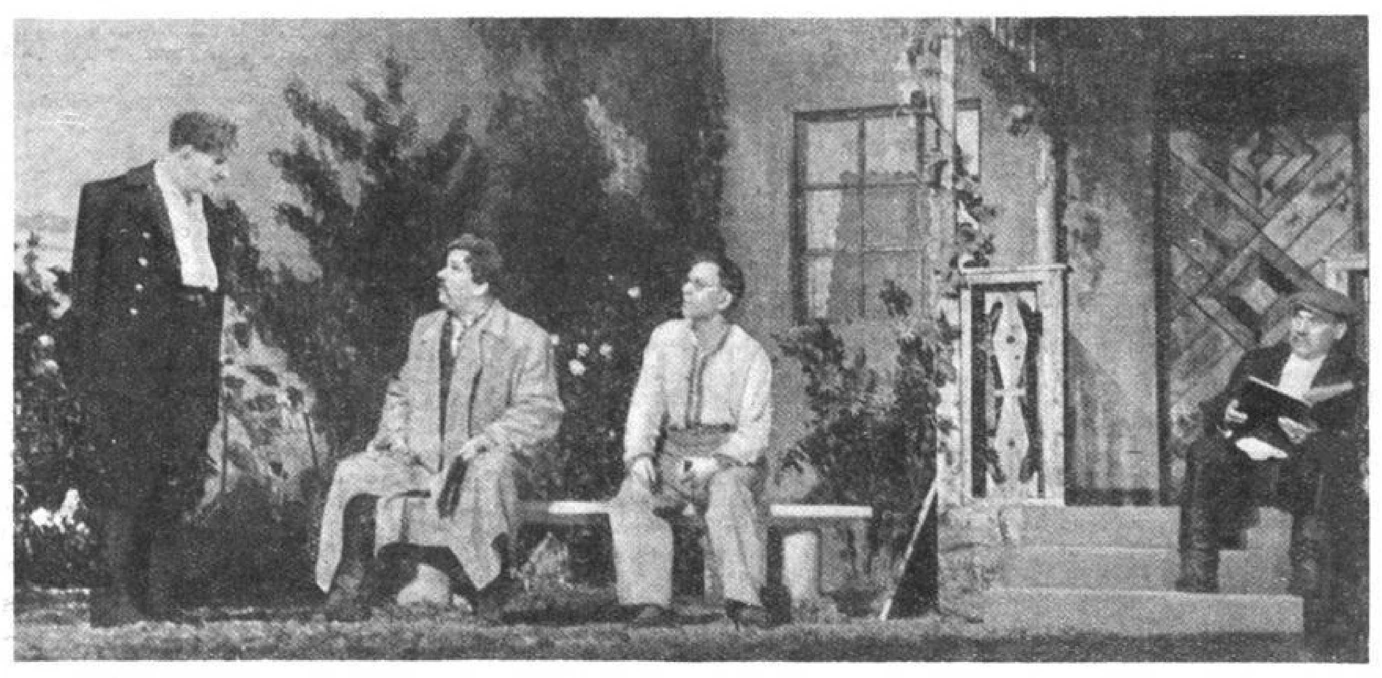
Григорьев так играет этого человека, что сквозь плесень обывательщины то и дело проступает его ум, деловая хватка, хорошая хозяйская рука, и нельзя не чувствовать, что он, пусть не сразу, пусть медленно и мучительно, но осознает свою ошибку и снова будет в рядах передовиков. Верят в его возвращение и близкие ему люди и земляки: Карп Ветровой— главный его обличитель — и «кума» Наталья Ковшик...

Среди актерских работ следует также выделить исполнение В. Пашенной роли председателя сельсовета Натальи Никитичны Ковшик.

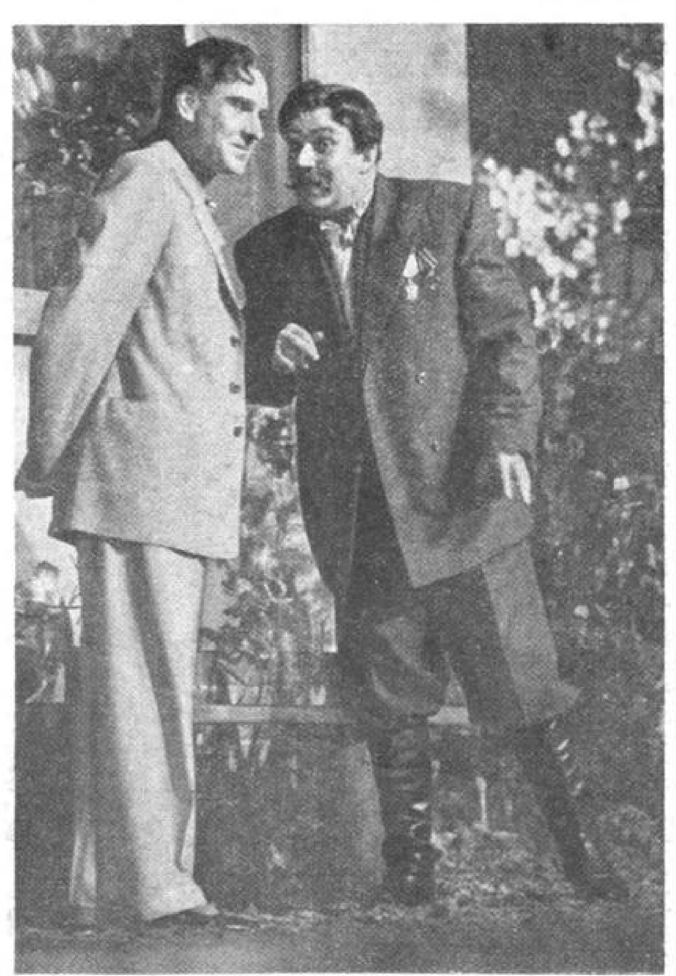
У Натальи Никитичны суровый характер, она как будто излишне криклива и резка. И вместе с тем о ней говорят, что она человек большой души.

Последовательно, сцена за сценой, доказывает В. Пашенная в соответствии с замыслом драматурга, что ее героиня наделена истинно большой душой, чуткой и отзывчивой. А что касается крика, то попробуй сохранить спокойствие в борьбе с упорным самодовольством Романюка!

Артисткой создан образ живой и полнокровный. Ее Наталья Никитична — яркое подтверждение того, что женщина в колхозе, на советской работе — великая сила. Неугомонная, не знающая отдыха, взыскательная и требовательная даже в мелочах, Наталья Ковшик, как ураган, обрушивается на секретаря сельсовета, из-за легко-

«Калиновая роща» А. Корнейчука. Сцена из 3-го действия. Слева направо: Ветровой — народный артист РСФСР Н. Анненков, Романюк — народный артист РСФСР Ф. Григорьев, Батура — народный артист СССР М. Царев, Вакуленко — заслуженный артист РСФСР П. Оленев.

«Калиновая роща» А. Корнейчука в Малом театре. Сцена из 1-го действия. Писатель Батура — народный артист СССР М. Царев, председатель колхоза Романюк — народный артист РСФСР Ф. Григорьев.

Сцена из 2-го действия спектакля «Калиновая роща». Художник Верба — заслуженный артист РСФСР И. Любезнов. Наталья Никитична Ковшик — народная артистка СССР В. Пашенная.
Фото А. Батанова (ТАСС)

«Свадьба с приданым» Н. Дьяконова в Московском театре сатиры. Сцена из 2-го акта. Федор, гармонист.— Е. Шутов, Николай Курочкин — В. Доронин, Люба — Г. Кожакина.

мыслия которого солдатским вдовам задержали пособие. Достается от нее и «куму» Романюку. Но с каким тактом и чуткостью она оказывает ему потом поддержку!

Умную и содержательную пьесу, пронизанную ощущением богатства духовной жизни наших людей, написал А. Корнейчук. Малый театр создал хороший, жизнерадостный спектакль, светлый по тону и глубокий по мыслям.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ

Колхозник Николай Курочкин, с которым познакомились мы на спектакле комедии Н. Дьяконова «Свадьба с приданым» в Театре сатиры, ни на минуту не сомневается в том, что первый парень на деревне именно он.

Курочкин — песенник, весельчак и затейник. Он жизнедеятелен и добродушен, обаятелен и напорист. Таким играет его В. Доронин, играет с искрометным юмором, с незаурядным талантом. Как такого парня не полюбить?

И Курочкин приходит свататься к передовой колхознице, бригадиру Ольге, заранее уверенный в успехе. Но сердце Ольги отдано бригадиру соседнего колхоза Максиму Орлову. Так в самом начале комедии мы наблюдаем первый провал Курочкина. Далее неудачи следуют одна за другой.

Курочкин одержим стремлением всегда и везде быть первым. В погоне за рекордом он первый засевает свой участок, нимало не смущаясь тем, что почва еще скована заморозком. Посев накануне гибели. И хотя колхозники дружными усилиями спасают всходы, это личной славы Курочкину, понятно, не приносит. Напротив, над Курочкиным, который не о колхозном благе печется, а о своем, смеются колхозники на сцене, зрители в зале.

Н. Дьяконову в пьесе и В. Доронину в спектакле удалось ярко выразить комическое несоответствие между постоянным стремлением Курочкина занять в коллективе неподобающее ему первое место и его поступками, отражающими пережитки старого. Живительный источник здорового смеха!

В комедии Н. Дьяконова хорошо передана бытовая атмосфера современной деревни. Ее герои — всесторонне развитые советские люди, у которых личные интересы слиты с общенародными.

Но в комедии немало и серьезных недостатков. Главный из них тот, что драматургу не удалось показать, кто же действительно является первым парнем на деревне. Мы мало узнаем о положительных героях комедии — агрономе Муравьеве и колхознике Максиме Орлове. Правда, из разговоров становится известным, что Максим стал председателем колхоза и вывел его из отстающих в передовые, но как это произошло, драматург не показывает.

Много труда вложил в постановку режиссер Б. Ровенских. Спектакль «Свадьба с приданым» в Театре сатиры расцветили мелодичные песни Н. Будашкина и Б. Мокроусова, пляски, поставленные Г. Шаховской. Но хотя постановщик украсил пьесу своей режиссерской выдумкой, он не углубил ее содержания. Увлекшись формальной «расцветкой» спектакля, Б. Ровенских несколько снизил его идейное звучание. К тому же в ущерб другим героям пьесы он слишком много внимания сосредоточил на Курочкине.

«ВЕЧНЫЙ СЮЖЕТ» И БЕЛЫЕ НИТКИ

Поссорились два старика и из закадычных друзей превратились в злейших врагов. У одного из них — дочь, у другого — сын, любящие друг друга. Старики не дают согласия на свадьбу, и тогда юноша решает украсть девушку. Однако девушка резонно считает для себя унизительным такой выход. Она отправляет на свидание вместо себя престарелую тетку. Впопыхах юноша не замечает обмана и, крепко прижимая к груди похищенную старушку, мчит ее на горячем коне...

Где, когда произошла эта сногсшибательная история? В наши дни, в Дагестане, утверждают авторы комедии «Ночной вор» И. Финк и В. Медведев.

Но напрасно И. Финк и В. Медведев уверяют зрителей в том, что герои комедии—передовые советские люди. Так, Халил — якобы комсомолец, а в прошлом участник Великой Отечественной войны, старый Алибек — председатель колхоза, энтузиаст хлопководства, инициатор народной стройки канала, другой старик, Гуссейн,— знатный винодел, а девушка Джафарат — сельская учительница, активная комсомолка. Какие бы доказательства ни приводили драматурги для подтверждения жизненности образов и достоверности сюжета, зрителям ясно, что комедия эта—недобросовестная стряпня, грубо искажающая образы советских людей.

Драматурги и не утруждали себя изучением жизни. Они поступили проще: взяли за основу один из так называемых вечных сюжетов комедии: любящая пара, препятствия к свадьбе в лице родителей, не дающих согласия. Вот и все. Что общего имеет с нашей действительностью сюжетный костяк «Ночного вора»? Какие подлинные конфликты он отражает?

Слова, которые в изобилии произносятся в комедии насчет славных трудовых деяний и новых социалистических качеств действующих лиц пьесы, противоречат их поступкам. В «Ночном воре» никак нельзя обнаружить хотя бы один правдиво написанный характер.

Московский театр драмы и комедии сделал ошибку, поставив «Ночного вора». Пошлый сюжет породил бесчисленные режиссерские и актерские штампы. Спектакль поставлен чуть ли не как старая венская оперетта: солидный Гуссейн ползет на четвереньках, влюбленные распевают дуэты, присутствует и своя «каскадная пара».

* * *

Советская комедия имеет богатые возможности дальнейшего расцвета. Жизненно необходимая нашему театру, нашим зрителям комедия — веселая, лирическая, остро сатирическая — стяжает успех только при условии, если она будет показывать существенное в быту, если оружием смеха она будет помогать советским людям в их борьбе за утверждение нового.

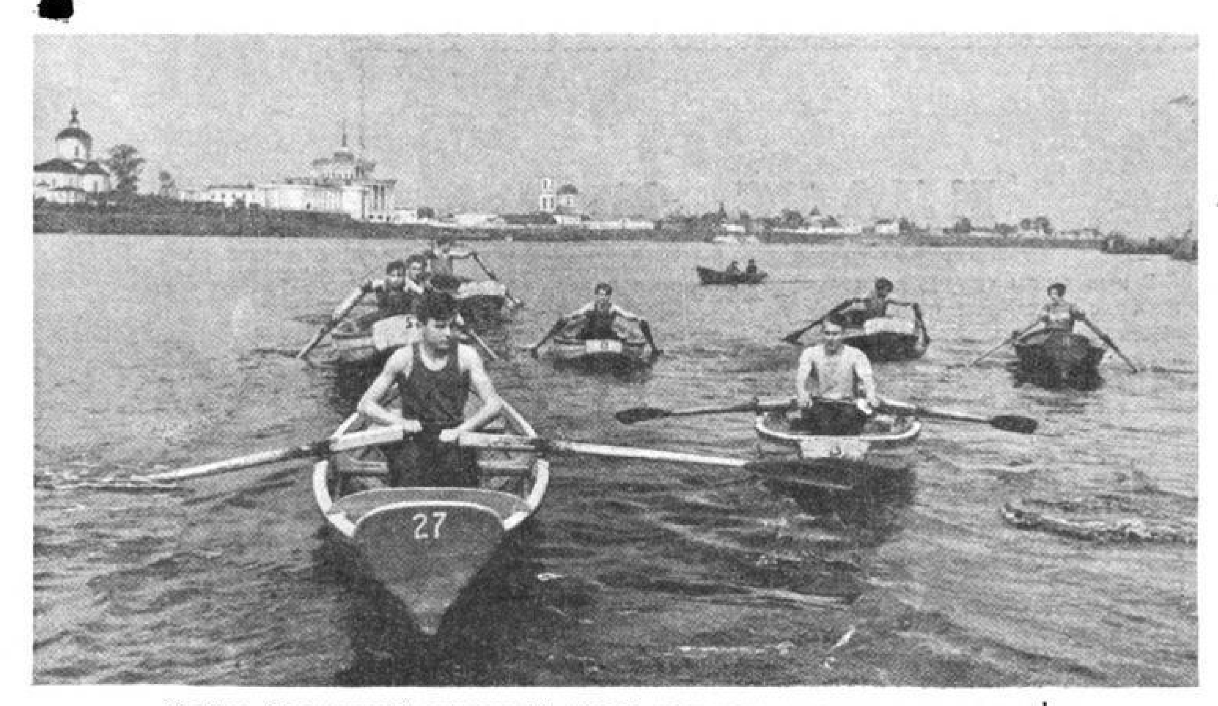
Е. ЛОГИНОВА
Вл. БОРИСОВ

Сцена из 3-го действия спектакля «Свадьба с приданым». В центре — колхозный бригадир Ольга (артистка В. Васильева).
Фото А. Гладштейна

Народная гребля

Е. ШАТРОВ

Гребцы Калининской спортивной школы молодежи выходят на тренировку.
Фото В. Вронского

Гребной спорт подлинно народен. Вы лишний раз убедитесь в этом, если пройдете в городе Калинине к набережной и взглянете на Волгу.

Десятки лодок бороздят реку. С одинаковым увлечением гребут металлисты вагонного завода и ткачихи «Пролетарки», инженер и студент, солидный экономист какого-нибудь треста и юный суворовец. Энергией своих мышц, ритмичными усилиями мускулов гонят они шлюпки по водной глади. И для каждого гребца заключена в этом большая, бодрящая его радость.

Гребной спорт нельзя не любить. Попробуйте понаблюдать за легкими взлетами весел, за пружинным напряжением человеческих тел, за маленькими пенистыми бурунчиками, вскипающими под носом у шлюпок... Понаблюдайте немного, и самому вам захочется взять лодку и оказаться на середине реки.

Не мешкая, вы садитесь в легкое дощатое судно, в ялик, как называют шлюпку калининцы. Ялик качнулся под вашей тяжестью, вода заплескала о борта, и вы уже суетитесь: вы не хотите терять ни секунды времени и торопливо беретесь за весла. Несколько взмахов то правым, то левым, то двумя веслами — и сильная волжская струя выносит вас на середину фарватера. Какая здесь прелесть! Как широко врывается в грудь свежий речной воздух!

Вскоре вы уже целиком захвачены ритмичностью своих движений. Тело то выпрямляется, то откидывается назад, руки работают в ровном, машинном темпе. Вода теперь — не вода, а тугая, упругая масса. Преодолевая ее сопротивление, вы прилагаете к веслу и силу своих бицепсов, и вес корпуса, и напряжение ног. Все тело участвует в работе. И еще взмах!.. И еще гребок!.. Хо-ро-шо!

Но что это? Идущий рядом ялик обогнал ваш почти на целый корпус. Ревнивое негодование разом вспыхивает в вашем сердце: «Обогнать меня?! Нет, никогда!» Пусть вы не думали ни с кем состязаться, пусть решили погрести просто так, для отдыха и собственного удовольствия... Но коль вы уже взяли в руки весла, дух соревнования и спортивного азарта приходит на реке сам собой! И вы уже гребете быстрей, вы не жалеете сил, только бы не остаться за кормой у соседа...

Из любителей покататься на лодочке «просто так» вырастают отличные гребцы-спортсмены. В Калинине их немало. И если, читатель, попали мы с вами в город Калинин, если вышли на Волгу,— побродим по набережной, побудем на реке, чтобы познакомиться получше с калининскими гребцами!

От причалов водной станции общества «Спартак» отваливает целая флотилия шлюпок. На очередные тренировки отправляются гребцы спортивной школы молодежи. Какие это все ладные да сильные ребята! Стройный, подтянутый Дмитрий Кузьминский. Широкогрудый, с литой мускулатурой рук Юрий Макаров. Жизнерадостный здоровяк Александр Енютин. Спорт — гребля и лыжи — сделали их такими!

Да, все тут не только гребцы, но и лыжники. На лыжи они становятся, как только выпадет снег, а за весла садятся, едва очистится ото льда Волга. Многим казалось, что им не придется учиться гребле. Разве они не умеют грести? Разве мало катались на яликах?

Однако опытный глаз тренера-инструктора Александра Васильевича Попова быстро подмечал у молодежи ошибки, простительные при катанье на лодках «просто так», но совершенно недопустимые в гребном спорте. Многие слишком глубоко окунали весло, тянули его одними только руками, а не всей массой тела, сбивались с темпа, не умели маневрировать судном. Новички избавились от этих ошибок еще в прошлом сезоне. Но и теперь, как и в минувшем году, надо добиваться более частых ударов, воспитывать в спортсменах выносливость, неутомимость, способность работать веслами без пауз и рывков.

Александр Васильевич уводит свою «лодочную эскадру» вниз по реке, за Речной вокзал, туда, где Тверца вливается в Волгу. Здесь можно будет встретить шлюпки Досфлота и потренироваться вместе. Только вряд ли обгонят досфлотовцы таких учеников Попова, как Виктор Баскаков, Дмитрий Кузьминский, Михаил Робин. Впрочем, силы окончательно выяснятся на городских соревнованиях, которые не за горами.

Пусть гребцы спортивной школы молодежи продолжают тренировку за Речным вокзалом, а мы вернемся к причалам водной станции «Спартак». Теперь тут садятся в ялики сами спартаковцы. Весла разбирают вязальщица Мая Иванова и нормировщица Вера Борисова, слесарь Виктор Зверьков и токарь Борис Бушаев. Это наиболее сильные и способные спартаковские гребцы. Нынешней весной пришло в гребную секцию до сотни новичков. Более опытные спортсмены стали инструкторами и тренерами своих начинающих товарищей.

Тренер-общественник руководит занятиями гребной секции и в обществе «Медик». Тренер этот, Анатолий Иванов,— один из учеников А. В. Попова. Он уже подготовил неплохих гребцов: Виталия Орлова, Александра Типаева, Евгения Николаева, Нину Сметанникову. Наверное, в будущем году Орлов или Типаев тоже станет инструктором. Так передается мастерство от одного к другим, от старшего к младшим.

Пройдем дальше по набережной, поднимемся вверх по Волге-реке... Под крутым, поросшим зелеными кущами берегом раскинулась водная станция «Динамо». У динамовских причалов стоят и лодки общества «Большевик». Здесь мы можем встретить мастера спорта Юрия Самсонова, молодого техника Сергея Андреева и других сильнейших калининских гребцов.

Поднимемся еще немного вверх и перенесемся с правого берега реки на левый. Мы попадем еще на одну гребную станцию. Принадлежит она спортивному обществу «Дзержинец». Станция эта — подарок спортсменам вагоностроительного завода от дирекции и завкома; выстроили ее совсем недавно. Отличный подарок! Среди вагоностроителей много первоклассных гребцов. Попробуйте угнаться за слесарями Анатолием Голубевым и Александром Лашкаревым, когда они сядут в парную шлюпку! Попытайтесь опередить сверловщицу Люсю Муратову или электрообмотчицу Лиду Мотылеву!

Три гребных станции в городе, больше сотни лодок качается у причалов, с полтысячи физкультурников сидит на веслах. Много ли это? Нет, совсем не много. Для Калинина этого даже мало.

Не сотни, а тысячи физкультурников хотели бы здесь взяться за весла. Но для них не хватает шлюпок, тренеров, им приходится попросту отказывать в приеме в гребные секции. Можно было бы и секции расширить и новые лодки найти, уделяй городской комитет физкультуры этому делу больше внимания. Но комитет ведет себя так, будто находится он не в приволжском городе, не в трех минутах ходьбы от прекрасной реки, а где-то в Кара-Кумах.

Впрочем, такую позицию заняли не только руководители спорта в Калинине. Явно недооценивает народную греблю, греблю на обыкновенных прогулочных лодках, и Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта. Загляните в спортивный календарь 1950 года. Как разнообразен и насыщен он для легкоатлетов, гимнастов, велосипедистов, боксеров, любителей спортивных игр! Тут и учебные сборы и массовые кроссы, розыгрыши кубков, матчи, особые соревнования для юношеских и сельских спортсменов... А по народной гребле соревнований проводится слишком мало.

Судя по тому же спортивному календарю, значительно большее внимание уделяется так называемой академической гребле. А ведь этот вид спорта никак нельзя назвать массовым! Дорогие, красного дерева академические суда имеются лишь в нескольких городах. Простая же лодка, прогулочная шлюпка, ялик, фофан — называйте ее, как хотите! — есть всюду, где только есть вода.

Много рек и озер на советской земле. Водоемов становится у нас все больше. На карте почти любого района маленькими голубыми пятнышками отмечаются новые колхозные пруды и водохранилища. И там уже скрипят уключины. И там находятся энтузиасты гребного спорта.

Не только Калининскому комитету по делам физкультуры и спорта придется посчитаться с желаниями и требованиями многих тысяч любителей гребного спорта. Не только на Волге надо культивировать греблю, которую не случайно называют народной.

Издавна любит народ широкий размах весел на водном приволье. Гребля на шлюпках — самый старинный вид спорта в нашей стране. Весельные гонки начались на Неве с петровских времен. Россия всегда была богата отличными гребцами.

Неизмеримо вырос и возмужал гребной спорт в советское время. Но он должен расти, мужать, развиваться и дальше.

Пусть этим летом десятки тысяч новых физкультурников возьмутся за весла!

г. Калинин.

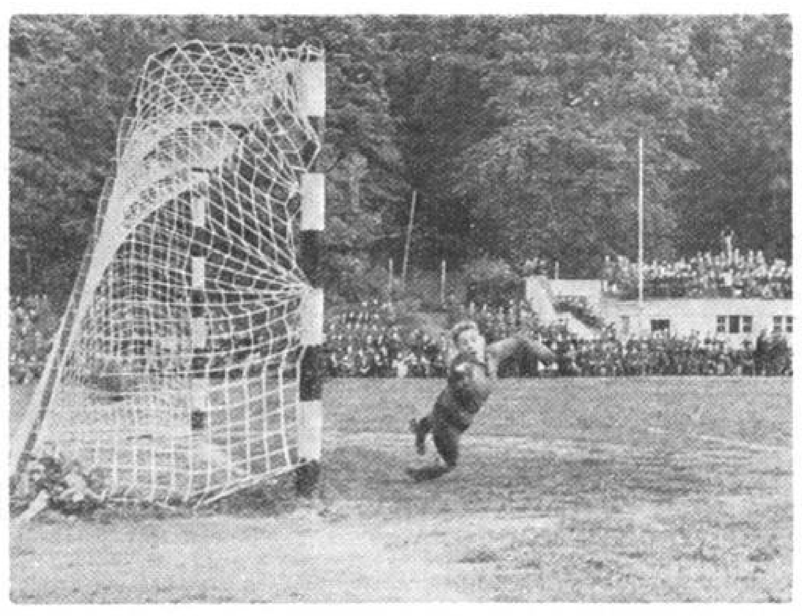
КЛАСС «Б»

В нынешнем сезоне в отличие от прошлых лет в розыгрыше первенства страны по футболу принимают участие 33 команды мастеров всех союзных республик. Девятнадцать из них играют в классе «А», а 14 — в классе «Б». По условиям розыгрыша, шесть коллективов, оказавшихся слабейшими, в будущем году будут переведены из класса «А» в класс «Б», а два сильнейших класса «Б» перейдут в старший класс. Таким образом, в будущем сезоне звание чемпиона СССР будут оспаривать 15 команд.

Кто же сейчас добивается права перейти из класса «Б» в группу сильнейших?

От Российской Федерации участвуют в состязании 4 команды: «Торпедо» (Горький), «Дзержинец» (Челябинск), «Красное Знамя» (Иваново) и коллектив Военно-Морских Сил (ВМС), а от других республик — по одной: ташкентский Дом офицеров, алмаатинская команда «Динамо», одесская — «Пищевик», вильнюсская — «Спартак», кишиневская — «Буревестник», фрунзенский коллектив «Трудовых резервов», сталинабадский «Большевик», ашхабадский «Спартак», таллинский «Калева» и петрозаводский «Локомотив».

Команды класса «Б» начали розыгрыш в середине мая. Сейчас игры первого круга подходят к концу. Наибольшего успеха добилась команда Военно-Морских Сил (ВМС). Она уже одержала важную для себя победу над сильным коллективом ташкентского Дома офицеров (1 : 0), над «Дзержинцем» (3 : 2), над динамовцами Алма-Аты, спартаковцами Ашхабада и другими.

Футбольный матч на первенство Калининградской области между командами «Локомотив» (Черняховск) и «Спартак» (Славск). Мяч вбит в ворота «Спартака».

Фото П. Сапожникова

Моряки (тренер — тов. Ходотов) показывают зрелую, содержательную игру. В их составе немало опытных и известных футболистов: Холодков (из «Спартака»), Дидевич, Шкатулов, Горбунов (из ЦДКА), Сучков и Клыш (из «Локомотива»).

Успешно выступают футболисты ташкентского Дома офицеров. Они также одержали ряд побед. В их составе выделяются нападающие Вартазаров и Мавроматис.

Челябинский «Дзержинец» оказал серьезное сопротивление морякам и выиграл у горьковского «Торпедо» (2 : 0), у ашхабадского «Спартака» (8 : 0) и у других.

Хорошо выступают спартаковцы Вильнюса, «Локомотив» (Петрозаводск). Неуверенно начали сезон ашхабадские футболисты, коллективы «Трудовых резервов» и «Калева».

Одновременно начались розыгрыши первенства союзных республик. Осенью чемпионы республик встретятся с командой своей союзной республики, игравшей в группе мастеров. Будут проведены два матча. Победитель получит право в следующем сезоне защищать честь своей республики на первенство СССР. Так, например, команда Азербайджанской ССР — победительница чемпионата — в конце сезона получит право на переходные игры с «Нефтяником». Если же союзную республику в группе команд мастеров представляют несколько коллективов (например, от РСФСР, УССР, Грузии), то победитель республиканского чемпионата встречается в переходных матчах со слабейшим из них.

Все это придает спортивный интерес футбольным матчам не только сильнейших команд, но и коллективов класса «Б» и республиканских чемпионов.

Интересно отметить, что первенство РСФСР оспаривает 181 команда.

Стоимость МОЛНИИ

Основы науки об атмосферном электричестве заложил великий русский ученый М. В. Ломоносов. Он установил «громовую машину» в своей лаборатории в Петербурге, свел молнию с неба и обнаружил ее полное сходство с обыкновенной электрической искрой.

В наши дни сотни ученых изучают молнии, и десятки тончайших приборов помогают им разгадывать секреты небесного электричества.

Существуют фотоаппараты с вертящимися пластинками, на которых в небольшую долю секунды можно записать историю рождения, жизни и исчезновения каждой молнии в отдельности. Можно даже заставить молнию нарисовать свое изображение прямо на фотопластинке, без аппарата.

При помощи осциллографа, по зеленому экрану которого бегает светлый зайчик от электронного луча, ученые измеряют время жизни и скорость каждой молнии. Ее мощность и производимую ею работу записывают сверхточные магнитные приборы.

Теперь биография каждой отдельной молнии изучена очень хорошо.

Оказывается, что впереди каждой молнии движется узкая электрическая искра, так называемый лидер, который как бы прокладывает дорогу главному разряду. И только когда лидер достигнет земли, то по пробитому каналу мчится сама молния.

Но и этим дело не кончается. Часто по проложенному лидером пути вслед за первым разрядом устремляются один за другим еще несколько. Таких отдельных молний, мчащихся, как по рельсам, по одной дороге, может быть много десятков.

Значит, обычная молния на самом деле не сплошная, а прерывистая. В этом секрет загадочного мерцания молний.

Длина обычной молнии—два—три километра, но бывают разряды и до десяти километров, а однажды ученые измерили молнию длиною в сорок километров.

Ученые определили и скорость молнии. Ее лидер движется значительно быстрее, чем артиллерийский снаряд, и пробегает до ста километров в секунду. Это довольно большая скорость, но все же она в несколько тысяч раз меньше скорости света. И, пожалуй, для физика выражение «быстрый, как молния» звучит не так уж убедительно.

Физики ныне и сами умеют создавать искусственные — «рукодельные» — молнии, не уступающие природным. Они применяются в технике для испытания молниеотводов, кабелей, трансформаторов.

Природная или искусственная молния — родная сестра искры, появляющейся при выключении электроплитки или чайника, сестра огненной звезды, что трамвай роняет на повороте. Только напряжение в электрической сети измеряется сотнями вольт и сила тока не превышает десяти ампер, а при грозовых разрядах напряжения иногда достигают 100 миллионов вольт, а сила тока — 250 тысяч ампер. Мгновенная мощность такой молнии — 25 миллиардов киловатт. Это больше, чем мощность всех электростанций земного шара, вместе взятых.

Нельзя ли собрать атмосферное электричество и заставить молнию служить людям? Такой проект выдвинул полтора века назад русский ученый В. Н. Каразин, предложивший поднимать в верхние слои атмосферы аэростаты на позолоченной проволоке, по которой будет стекать электричество.

Подсчитано, что ежедневно на всем земном шаре происходит 44 тысячи гроз и 100 молний вспыхивают каждую секунду в грозовом воздухе нашей планеты. Мало того: исследователи установили, что электрические заряды накапливаются не только в дождевых облаках. Во время пыльных бурь наблюдались искры длиною до полуметра. Сильной электризацией сопровождаются снежные бури в Антарктике. Электричество накапливается у водопадов, у мощных нефтяных фонтанов, и даже цветочная пыльца, носящаяся в воздухе, заряжена электричеством. Казалось бы, сколько неиспользованной энергии окружает нас и пропадает безвозвратно!

Но точные расчеты охладили мечтателей. Ведь молния длится самое большее миллионные доли секунды, так что расход энергии при ее разряде не очень велик. Если перевести эту энергию на расценку Мосэнерго, то стоимость даже самой большой молнии не превысит семи рублей, и первоклассная гроза, если бы мы захотели ее оплатить, обошлась бы нам всего в какие-нибудь две сотни рублей!

К. АНДРЕЕВ

Рисунки Г. Валька

Тетя Даша едет за границу

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Тетя Даша едет за границу —
С Красной Пресни, через Прагу в Рим.
Паспорт для нее уже хранится —
Надо в Мининдел зайти за ним.
Надо перевесить «Знак почета»
С голубого платья на жакет,
Сдать бригаду, планы и отчеты...
И, конечно, главная забота —
Приготовить речь... А хватки нет!
Опыта у тети Даши нету:
Редко выступала до сих пор.
А ведь тут на целую планету
Предстоит о мире разговор.
Так что ей не будет оправданья,
Если оробеет, если вдруг
Не сумеет выполнить заданья
Всей Трехгорки, всех своих подруг,
Всей своей страны, а может, даже
Всех, кто хочет мира на земле!
Нет, конечно, тетя Даша скажет
Так, чтоб улыбнулись ей в Кремле,
Так, чтоб побледнели в Белом Доме,
В Руре всколыхнулись горняки,
Так, чтоб в Алабаме, в Оклахоме
Сжались у рабочих кулаки...
Составлять конспекты ей не надо —

Скажет тетя Даша в этот раз
То, что говорила ей бригада...
Ей самим народом дан наказ:
«Первая к вам будет просьба наша
Так и заявить на целый свет
Всем, кто хочет мира, тетя Даша,—
От Трехгорки пламенный привет!..
Ну а тем, кто с бомбою храбрится
И кричит: «Да здравствует война!»,—
Либо посоветуйте лечиться
Либо прямо прыгать из окна.
Все равно не сладить им с народом
И к войне людей не повернуть.
Бомбу «надувают» водородом,
Но народы бомбой не надуть...
Без людей ни пушки и ни танки
Не пойдут по выжженным полям —
И пускай об этом англичанки
Так и скажут всяким черчиллям!
Хватит! Не надуешь!.. Поумнели!
Сразу разберемся, кто каков,
И зачешет Черчилль по панели
От своих английских горняков!..
Трумэн побежит из Вашингтона,
За собой сжигая корабли,
Если встанут рядом, непреклонно
Тетя Даша во главе колонны,
А за ней из Рима, из Тулона,
Из Пекина, Вены и Бостона
Встанут вместе матери земли!»

Тетя Даша, взвесив обстановку,
Спать ложится: утром — на вокзал...
Снится ей, что ей командировку
Сам товарищ Сталин подписал,
Что он там, в сени Кремлевских башен,
Выйдя — так ей снится — на балкон,
Думает сейчас о тете Даше...
Впрочем, может, это и не сон.

Случай с фасолью

Телеграмма от академика Т. Д. Лысенко с предложением принять участие в августовской сессии Академии сельскохозяйственных наук была получена мной поздно и неожиданно.

Собираться и готовить экспонаты было некогда, в то же время явиться на историческую сессию с пустыми руками казалось неудобным.

Нужно быстро, буквально на ходу, взять что-то интересное. Но что?

Мой взгляд упал на кустики фасоли, высаженные в междурядиях цитрусового сада. На фоне роскошной субтропической зелени они выглядели невзрачными и неинтересными. Все же я торопливо срываю с этих растений несколько созревших бобов и уезжаю на аэродром. Вечером я уже был на сессии.

Почему же при выборе экспонатов из субтропических садов я остановился на фасоли, которую можно вырастить в любом степном районе?

Дело в том, что это растение представляло определенный научный интерес. С ним на основе мичуринской агробиологической науки проводились опыты, поставленные под влиянием работ австрийского биолога Пауля Каммерера.

Воспитывая саламандр (ящериц) в разных условиях жизни, Каммерер изменял их окраску: черных превращал в желтые, желтых — в черные.

Его опыты вызвали озлобление реакционно настроенных ученых, не признававших изменения наследственности растений и животных под влиянием условий жизни. Они начали травлю Каммерера, ошельмовали его работу и довели талантливого ученого до самоубийства.

Аналогичные по своей цели опыты, но другими методами проводились нами с фасолью. К растениям черной фасоли прививались цветы желтой, а к желтой фасоли — цветы черной. Подобные прививки делались в течение нескольких поколений. Таким образом, из завязи цветов вырастали бобы фасоли за счет питания другого растения.

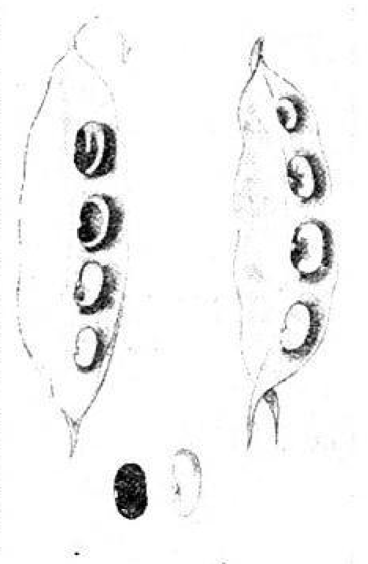
Это привело к тому, что на семенах черной фасоли начали возникать желтые пятна, и на семенах желтой — черные, появились семена и с полным изменением окраски. Оставалось выяснить еще один, по существу, самый важный вопрос: передадутся ли полученные изменения по наследству?

Последующие опыты оправдали наши ожидания: все полученные изменения были воспроизведены в потомстве.

С такими экспонатами выступать на сессии было не стыдно, они подтверждали мичуринское учение о наследовании благоприобретенных признаков, против чего особенно рьяно возражали сторонники учения Менделя, Вейсмана, Моргана.

Но на сессии произошел случай, который чуть не сорвал мои планы.

Выбранные из плодов и непросушенные семена при отъезде я поместил в стеклянные пробирки, которые закрыл пробками и положил в боковой карман пиджака. Периодически я вынимал пробирки и осматривал семена. Их черные и желтые пятна радовали мой взгляд, но... радость оказалась преждевременной.

На рисунке: внизу — семена черной и желтой фасоли. Вверху — раскрытые бобы фасоли. Видны измененные семена черной фасоли под влиянием прививки на растения желтой фасоли.

Августовская температура и тепло моего тела стали действовать на семена, и они начали прорастать.

«Если мне не удастся выступить вне очереди,— думал я, — то в моем кармане вырастет «огород», демонстрировать же будет нечего».

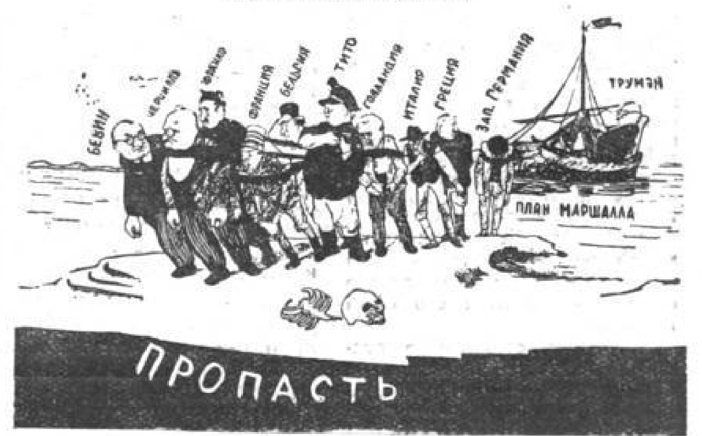
Я прошу предоставить мне внеочередное выступление, так как в противном случае мои наглядные пособия рискуют потерять свою демонстрационную ценность.

Мою просьбу удовлетворили. Я рассказал о проведенном опыте и в качестве вещественного доказательства передал в президиум пробирки с семенами. Правда, они были с ростками, но желтые пятна на черном и черные на желтом фоне еще не успели исчезнуть — они являлись убедительным подтверждением удачи опыта.

Ф. М. ЗОРИН

Сочи.
Опытная станция субтропических культур

НАВСТРЕЧУ ГИБЕЛИ

Китайский журнал «Дунбейхуабао».
Рисунок Лю Синь

Июль — разгар лета, солнечный и самый теплый месяц года. Средняя его температура в Москве, например, колеблется в пределах 17—18 градусов, а временами термометр показывает выше 30. Максимальная суточная температура в средней полосе России доходит в некоторые годы до 36 градусов. Отсюда и поговорка: «Июль — хоть разденься, а легче нет».

В июле выпадает наибольшее количество осадков, но эти мощные, сверкающие дожди, зачастую с грозами, давая много влаги, длятся сравнительно недолго, быстро впитываются почвой и испаряются. Поэтому кажется, что мелкий осенний дождик приносит куда больше осадков, в действительности же в октябре, например, их выпадает раза в полтора — два меньше, чем в июле.

Во всех южных районах в этом месяце идет массовая уборка зерновых. В средней полосе России заканчивается сенокос, под жарким солнцем желтеет на полях рожь, начинается уборка озимых и выборочная уборка яровых зерновых. Приступают к уборке цветной и ранней кочанной капусты, огурцов, гороха, фасоли и раннего картофеля. В лесах и садах созревают черника, малина, смородина, наливаются яблоки, а вечерами в траве и на кустах вспыхивают голубовато-фосфорические огоньки «ивановых червячков» — крохотных живых фонариков.

Еще с июня постепенно затихало птичье пенье. В первой половине июля замолкает самый известный певец — соловей и уже не кукует кукушка. Среди зверей и пернатых кто уже вывел, а кто еще выводит малышей. Впрочем, некоторые из пернатых и четвероногих приносят потомство с весны до осени по нескольку раз, как, например, белки, зайцы, воробьи. Вот почему их так много. В Союзе ежегодно добывается 15—20 миллионов зайцев, а от пары воробьев за 10 лет, при условии последовательного размножения, если бы не было естественного отсева, могло бы произойти потомство, по оценке натуралистов, в 276 миллиардов птиц...

За исключением сазана, хуже начинает брать рыба, пищи для которой вволю и в воде и над водой: бесчисленные насекомые, их личинки, головастики, лягушата,— недаром удильщики с огорчением говорят: «Прошел июнь — на рыбалку плюнь!»

Во второй половине месяца заметно темней становятся ночи, и снова после зимы раскрывается неисчерпаемый объект для наблюдений — звездное небо. Как только скроется Солнце, первой загорается Вега — самая яркая после Сириуса звезда нашего северного небосвода, а по наступлении темноты около нее появляются пять других звездочек созвездия Лиры.

Вега горит белым огнем в южной части неба, высоко над горизонтом; несколько к югу и западу от нее лежит та точка, к которой несется вся солнечная система.

Б. М.

Русские самородки

СТОЛЕТНЯЯ АРТИСТКА

Еще не написана, к сожалению, история русского театра, в которой нашли бы свое место многочисленные таланты, вышедшие из гущи народной. Только равнодушием дореволюционного русского общества к родной науке и искусству можно объяснить то, что имена многих самородков оказались забытыми. В Советской стране сделано уже многое для того, чтобы извлечь из «мрака забвения» имена, которые прославили русскую культуру.

К числу народных талантов, основательно забытых, относится артистка Евдокия Алексеевна Иванова, скончавшаяся 45 лет назад в возрасте 105 лет. Она была выдающейся драматической и оперной актрисой и пионером театрального искусства на Урале.

Евдокия Алексеевна была крепостной матери И. С. Тургенева, которая взяла девушку к себе в дом и обучала ее грамоте и рукоделию. Там 14-летнюю Иванову увидел известный в свое время антрепренер Соколов, набиравший труппу из помещичьих крепостных, и решил сделать из нее актрису.

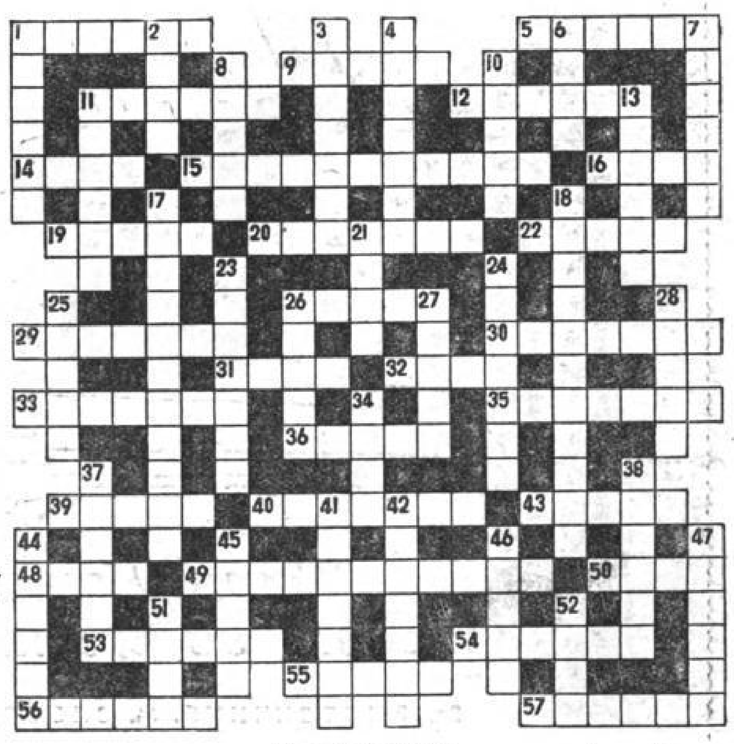
Начав сценическую карьеру статисткой, танцоркой и хористкой, юная Евдокия скоро заняла видное место в труппе, странствовавшей по городам России. Обладая красивым и сильным голосом, она много выступала в опере. В течение 30 лет бессменно появлялась она на подмостках основанного Соколовым в Екатеринбурге театра. Здесь же после многолетних гастролей по Сибири она появилась и в последний раз в своей жизни, в 1900 году. В столетнем возрасте она удачно выступила в водевиле «Веселая бабушка».

По отзывам зрителей, игра Ивановой всегда отличалась неподражаемым мастерством. Репертуар артистки был необычайно обширен. Начав с инженю, она кончила комическими старухами. В некоторых пьесах и операх она последовательно исполнила все женские роли.

О том, какое впечатление производил ее талант, можно судить по случаю, происшедшему с ней во время одного из спектаклей в Сибири. Публика была так возбуждена игрой Ивановой в роли злой тетки Фрошар (в старинной мелодраме «Парижский нищий»), что, забыв о том, что перед ней актриса, отличавшаяся к тому же сердечным и добрым характером, едва не побила ее. Артистке пришлось уехать из театра под охраной полиции.

А. БОРИСОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Поэма Маяковского. 5. Хищная птица. 9. Русское село, известное художественным промыслом. 11. Рассказ Горького. 12. Воинское звание. 14. Лекарство. 15. Принадлежность к партии. 16. Газ. 19. Французский философ-материалист XVIII века. 20. Раннее утро. 22. Народность в Грузии. 26. Звучание. 29. Учреждение связи. 30. Русский писатель. 31. Горы в Южной Америке. 32. Автор романа «Робинзон Крузо». 33. Город и порт в Китае. 35. Советский полководец. 36. Чертеж земной поверхности. 39. Дежурство. 40. Советский композитор. 43. Микроорганизм. 48. Развлечение. 49. Наука о землетрясениях. 50. Дерево. 53. Рекордсмен СССР по плаванию. 54. Русский композитор. 55. Зверь. 56. Представитель народа Азии. 57. Полоса, образующаяся при разложении луча через призму.

По вертикали:

1. Река в Китае. 2. Большой платок. 3. Луковичный цветок. 4. Чемпион по шахматам среди колхозников. 6. Город в Белорусской ССР. 7. Музыкальное произведение. 8. Героический эпос киргизского народа. 10. Средство передвижения. 11. Город в Китае. 13. Призыв. 17. Верность. 18. Советский поэт. 21. Могущество. 23. Народность в СССР. 24. Спортивная игра. 25. Белорусский поэт. 26. Название советской газеты. 27. День недели. 28. Способ. 34. Химический элемент. 37. Место в амбаре для ссыпки зерна. 38. Зерновая культура. 41. Советская республика. 42. Пищевой продукт. 44. Хижина индейцев. 45. Русский писатель. 46. Река в Европе. 47. Советский детский писатель. 51. Отверстие в иголке. 52. Связанный пук зерновых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 26

По горизонтали:

1. Тамбов. 4. Выпуск. 7. Оборона. 10. Скат. 11. Плис. 13. Вольтижировка. 16. Авиация. 17. Унция. 18. Трактор. 21. Игрок. 23. Санитария. 24. Торба. 28. Ореховка. 29. Ватерпас. 30. Ареометр. 31. Ползунов. 34. Чабан. 35. Ломоносов. 36 Смета. 40. Адвокат. 41. Парча. 42. Техника. 46. Автобиография. 48. Вилы. 49. Альт. 50. Команда. 51. Колыма. 52. Нарзан.

По вертикали:

1. Трал. 2. Бородин. 3. Вольт. 4. Вазов. 5. Пескарь. 6. Куль. 8. Ориентир. 9. Оригинал. 10. Сомали. 12. Спарта. 14. Газогенератор. 15. Аккомпанемент. 19. Баскетбол. 20. Никаноров. 22. Громада. 25. Бисквит. 26. Норма. 27. Пемза. 32. Логарифм. 33. Корчагин. 34. Чкалов. 37. Апатит. 38. «Варвары». 39. Селигер. 43. Лодка. 44. Таран. 45. Шлак. 47. Клин.

НЕХИТРЫЕ ЗАДАЧИ

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ НОЧЬЮ

Солнце скрылось за горизонтом, затем наступила глубокая ночь, а никаких признаков села, в которое мы шли, все еще не было заметно. Ясно, что мы заблудились. К счастью, один из наших спутников вспомнил, что у него есть подробная карта этой местности.

— Почему же ты не справился по ней, правильно ли мы идем, пока еще не зашло солнце?— упрекнул его один из нас.

— Ничего, солнечного света хватит и сейчас, чтобы разобраться в карте, а ориентиров на местности много,— сказал владелец карты...

Вскоре мы вышли к одному из ближайших селений.

Как же солнечный свет мог помочь путникам ночью?

ПРОЗРАЧНОЕ И НЕПРОЗРАЧНОЕ

Зашел спор о прозрачных и непрозрачных предметах. Как провести между ними грань? Условились, что среда, через которую видимые лучи проходят насквозь, например, вода, воздух, оконное стекло, прозрачна. Не пропускающая свет, например, металл, кирпич, дерево, непрозрачна.

— Но ведь это бесспорные, элементарные истины!— сказал один из спорящих.

Однако его оппонент привел простые, знакомые всем нам примеры, когда непрозрачные предметы пропускают свет и, наоборот, прозрачные не пропускают ни одного луча света.

Какие примеры такого рода вы можете вспомнить? И есть ли границы, резко отделяющие прозрачное вещество от непрозрачного?

В СВОБОДНЫЕ МИНУТЫ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 25

Стакан молекул

Ответ на задачу очень простой: зачерпните стакан воды в любом месте любого океана или моря, и в стакане обязательно окажется солидное количество окрашенных молекул.

Проверьте сами правильность этого решения, имея следующие данные для расчетов: в кубическом сантиметре воды содержится (округленно) 3×10^{22} (3 с двадцатью двумя нулями) молекул, а количество воды в мировом океане — примерно от 1,5 до 2 миллиардов кубических километров.

Затмение Марса

Марс отстоит от Земли, даже при наименьшем расстоянии, на 55 миллионов километров и затмиться не может, так как длина земной тени во много раз меньше этого расстояния (приблизительно 1400 тысяч километров).

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 04355. Подписано к печати 27/VI 1950 г. Изд. № 425. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 1720. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ГОССТРАХ ПРИНИМАЕТ НА ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО

ГОССТРАХ ВОЗМЕЩАЕТ УБЫТКИ,

ПРОИСШЕДШИЕ ОТ ПОЖАРА, НАВОДНЕНИЯ, ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ И ДРУГИХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА!

Для заключения договора страхования обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха.

Цена 3 руб.